АКАДЕМИЯ НАУК
СОЮЗА СОВЕТСКИХ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ РЕСПУБЛИК

ЭНЦИКЛОПЕДИЯ СЛАВЯНСКОЙ ФИЛОЛОГИИ

Выпуск 4.3

М. Н. СПЕРАНСКИЙ. ТАЙНОПИСЬ В ЮГО-СЛАВЯНСКИХ И РУССКИХ ПАМЯТНИКАХ ПИСЬМА

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
ЛЕНИНГРАД 1929

Напечатано по распоряжению Академии Наук СССР
Октябрь 1929 г.
Непременный Секретарь академик *С. Ольденбург*

Редактор издания академик Е. Ф. Карский

Начато набором в июле 1928 г. — Окончено печатанием в октябре 1929 г.

162 стр.
Ленинградский Областлит № 22430. — $10^2/_{16}$ печ. л. — Тираж 1000
Типография Академии Наук СССР. В. О., 9 линия 12

I.

ТАЙНОПИСЬ В ЮГО-СЛАВЯНСКИХ ПАМЯТНИКАХ ПИСЬМА.

Подобно древним и всем средневековым письменностям, восточным и западным, и славянская кирилловская обладала в свои средние века тем особым применением письма, которое называют криптографией или тайнописью.[1] Разница между славянской тайнописью и иными — главным образом, историческая и заключается она в том, что славянские системы тайнописи, как более поздние по времени происхождения, нежели греко-римские и восточные, в большинстве случаев находятся в прямой или косвенной зависимости от греко-византийских, реже латинских, тогда как последние, поскольку нам известна их история, или самостоятельны, или несут на себе следы влияния восточных писем; впрочем, для некоторых видов латинской средне-вековой тайнописи приходится предполагать также и византийское влияние. Кроме того, для отдельных (преимущественно более поздних) видов юго-славянской тайнописи источником является иногда и русская, тогда как в большинстве случаев сама югославянская тайнопись служила источником для русской. Отсюда — то близкое часто сходство систем славянских и русских, которое наблюдается при их изучении: это — результат или общности первоисточника, или же взаимовлияния.

---

[1] Последний термин более обычен в юго-славянской и русской научной литературе: «тајно писање» — у сербов, «тайнописъ» — у болгар. Термин этот — новый, в старое же время одного общего названия для тайнописи, кажется, не существовало; отдельные же виды тайнописи носили, повидимому, свои особые названия; так, один из видов «цифровой» югославянской тайнописи носил неясное для нас по происхождению название «хвиоть» или «фіоть» в XVI и XVII вв; еще известно обозначение «еффата» применительно к «цифровой» же загадке-акростиху в рукописи XVII в.; может быть, такое же название представляет в той же рукописи непонятное «икубана»; «еффата» сопоставляют с еврейским словом, застрявшим в греческом евангельском тексте и оставшимся без перевода и в славянском: Ἐφφαθὰ ὅ ἐστι, Διανοίχθητι (Мр. VII, 34)—ѥже ѥстъ развръзи сѧ (Мариинск. ев., стр. 143). Ср. Др. Костић, Тајно писање у јужнословенским ћириловским споменицима (Глас Српске Краљ Акад. XCII, стр. 3. Ниже в ссылках обозначаю кратко: Костич, стр. . . .).

Термин «тайнопись» понимается обыкновенно в самом широком смысле этого слова, т. е. в смысле такого вида письма, который, отклоняясь от общеупотребительного, имеет целью сделать написанное слово или мысль, положенную на письмо, недоступными для обыкновенного грамотного читателя или, по крайней мере, создать затруднение для прочтения или уразумения написанного. В таком смысле тайнопись в югославянской письменности может счесться явлением довольно развитым и распространенным и, принимая во внимание общий объем дошедшей до нас этой письменности,— явлением не редким; по времени, к которому можно относить первые дошедшие до нас случаи ее применения, она далее первой половины, или точнее— середины XIV века не восходит, так как старейшая датированная запись криптографического характера на славянской рукописи (болгарское евангелие болгарского царя Георгия Тертера II, 1322 г., в Хиландаре, № 7) на деле оказывается греческой, писанной измененными начертаниями, хотя, возможно, и сделана она славянином-болгарином.[1] Старейшая же югославянская, писанная славянскими буквами, датированная запись относится к 1371 году.[2] Что касается территориального распространения разных видов югославянской тайнописи, то ее следует признать общей, как для сербской, болгарской, так и румынской территории (молдаво-валашской) и для Афона; в то же время, судя по местностям происхождения криптографических надписей на рукописях, можно предполагать, что тайнопись особенно развита была в отдельных местностях: к числу таких следует отнести, между прочими, Афон, как центр славянской письменности в одно время, и Сараево, как такой город, где был центр западной сербской национальной жизни в XVII в.

Обычное место тайнописных надписей и записей в рукописях—в виде послесловий и приписок на свободных местах—большею частью в начале или в конце рукописи, часто на внутренней стороне переплета, либо на листах при переплете. Случаи применения тайнописи на юге славянства так же, как и в иных письменностях, разнообразны, в общем, однако, могут быть сведены к трем, наиболее часто встречаемым: а) по особому поводу, когда неудобно или даже не безопасно было написать заметку обычным, всем доступным письмом, каковы, напр., нелестные прозвища враговтурок («агаренски чеда», «проклета агаренска чеда»), такие же пожелания по их адресу, вроде: «убно га (Требиньского пашу) богь по саруку и по

[1] О ней ниже.

[2] На пергаменной Кормчей Музея Старой Сараевской церкви: писана «греческой» цифирной тайнописью; см. Споменик Срп. Кр. Ак. XXX (1896), стр. 39.

главн», или же такая заметка: «*тогда путуеах в...* (не прочтено), не обрѣтох ничесоже, *обра владика Софиски просіа вьса*, азь же грѣшни *отидох* на Враца...».[1] Это — тайнописи в собственном смысле слова; такие встречаются сравнительно не часто; б) имя писца или лица, делающего запись: употребление тайнописи вызывается здесь традицией «смирения», ради которого пишущий, хотя и желает оставить по себе память, находит нескромным назвать себя открыто; это «смирение» распространено в качестве привычки и на записи с именами вообще; такие тайнописи встречаются чаще других; в) тайнопись в качестве забавы, шутки или загадки, как замысловатого типа письма; иногда применение такой тайнописи имеет и иные цели: необычность письма тайнописного среди обыкновенного должна подчеркнуть, обратить особое внимание на написанное того, кто прочтет эту заметку. Несколько обособленную группу в области тайнописи представляют ряды букв (вероятно, начальных букв слов), входящих в состав заговоров-молитв, каковы: от беса, от кровотечения, от укуса бешеного пса[2] и т. п.

Так как основной принцип тайнописи заключается в замене одних — общеупотребительных — начертаний иными или по внешнему их виду необычными, или теми же, но употребляемыми в ином значении, то и различные системы тайнописи распадаются на несколько групп, смотря по характеру и правилам этой замены. За исключением акростиха, вязи и «обратного» письма с условным порядком букв, все виды югославянской тайнописи можно распределить на три основных группы: А) замен обычного алфавита иным, также существующим, но для другой письменности; Б) замен обычного шрифта или тем же, но видоизмененным по рисунку начертаний, или же специально для тайнописи придуманным, и В) замен букв этого обыкновенного письма другими того же алфавита по заранее

---

[1] Первый пример из записи о бесчинствах турок 1695 г. в рукоп. Берл. Кор. библ. № 45, л. 465 об., он приведен у Костича (стр. 2); второй — из записи 1656 г. на Прологе № 178 мон. Зографа (по фотографии П. А. Лаврова): хаджи Сава принес из Враца в Зограф купленый им Пролог; записавши об этом, он добавляет тайнописью (в печати курсив), изливая свою досаду на Софийского владыку, обобравшего вьса просіа, за неудавшуюся попытку получить эти «просіа». Ср. Изв. Русск Археол. Инст. в Константинополе, XIII (София 1908), стр. 275.

[2] Несколько таких югославянских образцов (до сих пор не раскрытых) издано И. В. Ягичем в «Старинах» Югосл. Акад., X (1878), стр. 92—93, Б. Н Цоневым в его Описании рукоп. Софийск. библ., I (1910), стр. 253 и А. И. Яцимирским по рукоп. Венской библ. (38/95), XVII века (см. его «Описание южно-славянск. и русск. рукоп. заграничн. библ.» — Сборн. ОРЯС, т. 93, стр. 58) Эти ряды букв могли иметь и свое мистическое значение в заговорах.

установленному приему на основании места буквы в азбуке, или же *числового* значения буквы. Разумеется, между этими системами возможны комбинации, и таким образом получаются новые промежуточные системы, почему в действительности видов тайнописи будет больше, нежели указанных групп.

I.

Для юго-славянской письменности тайнописей с заменами первой группы нам известно до сих пор три: а) применение для этой цели глаголицы, б) греческой азбуки и в) азбуки латинской.

а) *Глаголическое* письмо, как известно, довольно скоро после своего появления стало вытесняться из употребления в тех местностях югославянства, где появилась и стала распространяться кириллица (восток Балканского полуострова, восточная Сербия, несколько позднее Македония), и перестало уже к XIV веку быть письмом общеупотребительным и общедоступным. Но некоторое знакомство с ним, вероятно, в кругах более развитых и более начитанных, продолжалось и после этого, если оно и для них уже утратила характер привычного письма, ставши письмом редкостным; в качестве именно такового, далеко не всем доступного письма глаголица и могла быть применяема в тайнописи как в собственном смысле, так и в качестве своего рода средства для проявления своеобразного тщеславия образованного искусного писца и может быть для того, чтобы подчеркнуть написанное. Вероятно, именно в последнем смысле можно объяснять те приписки, которые сделаны смешанным письмом из греческого, кирилловского и глаголического, которые находятся на полях сербского Апостола конца XIV или начала XV в. библ. Сербск. Акад. Наук № 55: они содержат разночтения или поправки к тому или иному чтению в самом тексте. О каком либо «затаении» в прямом смысле здесь речи быть не может: видимо, писец рукописи, владевший свободно, помимо кириллицы, также глаголицей и греческой скорописью, имел в виду обратить внимание на свои заметки того, у кого будет в руках его рукопись, выделив их особым письмом. Так: к Деян. XXIV, 9 к словам текста: сложьшемь се Їоудеωмь, он приписывает: .гъ̑. ⁘ ⰔⰀⰎⰀⰆ҆ше σε ιοὐδει (л. 48 об.); к словам: и̓ ни в цр҇кви ѡ̓брѣтоше..... творещ а (Деян. XXIV, 12): πυшї ⰐⰡ вь ⰝⰬⰬⰟⰡї ѡⷬ҇ⷮⷪше με χ̓ χ°μου гл҇юща (л. 48 об.); агрипа же фїстоу рече..... чл҇ка (Деян. XXV, 22): гъ̑. χота̑ ї σамъ чл҇ⰍⰀ ουσλιшαти (л. 50 об.); выпадыше же в мѣсто ѡсои̓но (Деян. XXVII, 41); гъ̑ Ⰲъ мαστо ї̓сы̓но (л. 55). Слово

тв҃ (т. е. пиши), не раз повторяющееся, заставляет предполагать, что приписки на полях назначались для писца, который будет списывать текст: он должен был в своей копии внести в текст те перемены, которые сравнительно с текстом-оригиналом указаны ему на полях: это — исправление формы слова (первый и последний пример), перестановка слов (остальные). Судя по характеру глаголических начертаний[1] этих приписок, мы имеем перед собою хорошую старую традицию «круглой» (западно-болгарской) глаголицы XII—XIII вв., дожившую в таком особом применении до конца XIV или начала XV века на сербской почве.

Отчасти аналогичный случай применения глаголицы, но на этот раз уже более в смысле тайнописи, имеем в Праздничной Минее № 105 Зографского монастыря: рукопись[2] хорошего полууставного среднеболгарского письма, не моложе XV в.; внизу страницы (текст кончается на полустранице) рукой писца написано (рис. 1):

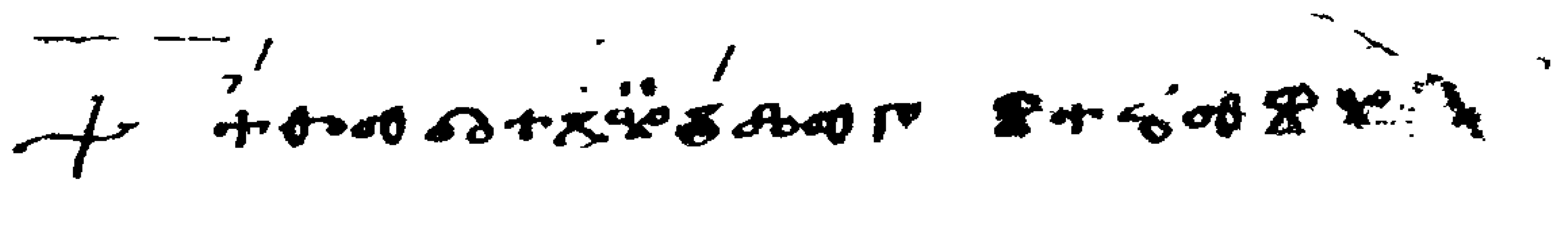


Рис. 1.

т. е. азъ данїилъ писахъ сїа. Глаголица также хорошего рисунка, писец, видимо, владел ею уверенно; отклонения от старого типа представляют только две буквы: Н (старое его начертание — Ⱂ) заменено иным, но и это напоминает начертание той же буквы в известных Венских глаголических листках (ср. у И. В. Ягича в Энциклоп. Слав. Филолог., 3, стр. 196, № 17), отличаясь от него только наклоном; и начертание для ъ — вместо обычного Ⱏ, но и оно не чуждо старшей глаголице (ср. у И. В. Ягича, ук. соч., стр. 209, № 15). Последняя буква — кирилловское а — совпадает по рисунку с обычным в самой рукописи и явилось, скорее всего, вследствие рассеянности или торопливости писца, обыкновенно пользовавшегося кириллицей; ударения и придыхания в глаголической записи идут, разумеется, от кириллицы.[3]

Более позднюю, но все же ту же старую традицию применения глаголицы к тайнописи, представляют примеры ее из XVI века. Один из таких

---

[1] Снимки см. Arch. f. slav. Philol., XXII, 512—513.

[2] Я располагаю фотографическим снимком с последней страницы, любезно сообщенным мне П. А. Лавровым, ср. Изв. Русск. Археол. Инст. в Константинополе, XIII, стр. 269.

[3] Болгарские рукописи уже в XIV в. употребляют, хотя и не всегда последовательно, ударения, а придыхания явились, конечно, гораздо раньше.

(в общем немногочисленных) случаев находим в записи рукописи мон. Крушедола (Срем) № 8, в лист, XVI в., на листе при переплете (рис. 2):

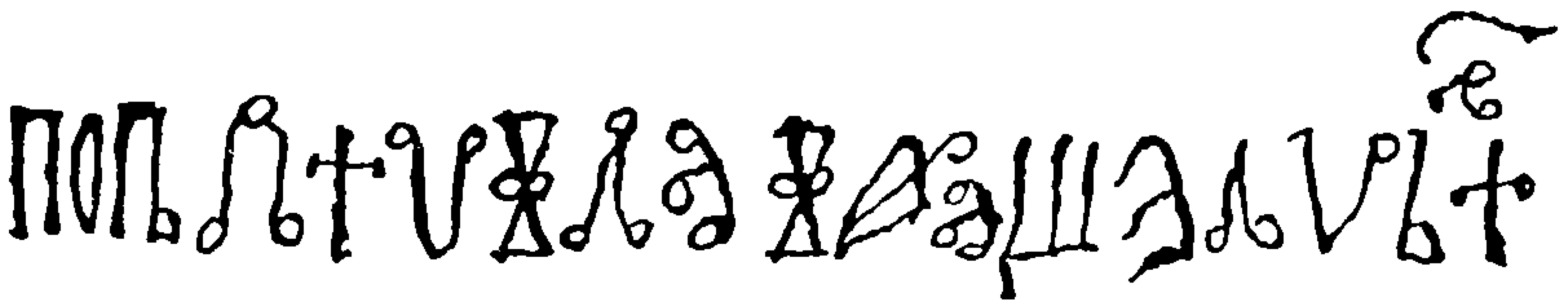


Рис. 2

т. е. попь (кириллицею) давидъ изь белгра.[1] Начертания глаголических букв уже ясно искажены (но не изменены намеренно), но все же связь их именно с «круглой» глаголицей не подлежит сомнению: это, помимо общего с нею сходства, выразилось в пристрастии писавшего к кружечкам, столь характерным для глаголицы, именно, старого типа: он их дает даже там, где их не полагается, как в букве *ꙗ*; связь с глаголицей старшего, «круглого», типа видна особенно в начертании для *и*, несмотря на ясное искажение у него этого начертания: в основу им взят древнейший тип, а не угловатый хорватский (ср. у Ягича в Энцикл. Слав. Филол., вып. 3, стр. 190, № 1-а).

К XVI же веку относится и целый ряд глаголических записей в двух любопытных, своеобразных во многих отношениях рукописях, писанных около 1511 года монахом протопсалтом мон. Путны (Буковина) Евстафием, особенным любителем и мастером по части тайнописи всякого рода.[2] В нотной богослужебной книге, писанной частью по гречески, частью по славянски (по средне-болгарско-молдавски) собр. Щукина № 350 находим писанными в виде заголовков киноварью шесть записей глаголицей (л. 42 об., 54,

---

[1] Это—та рукопись, где помещена «Историческая Палея» в особом переводе; см. Споменик Срп. Кр. Ак. XVI (1892). Глаголическая запись воспроизведена впервые в Arch. f. slav. Philol. XXII, 525, откуда взята у Костича (стр. 10), берется и мною.

[2] В двух писанных им рукописях (Истор. Музея в Москве, собр. П. И. Щукина № 350, и Академии Наук в Ленинграде, собр. А. И. Яцимирского № 16) применено им шесть или семь различных видов тайнописи. О рукописях этого Евстафия сложилась своя небольшая научная литература: см. E. Kałużniacki, Beiträge zur älteren Geheimschriften der Slaven (Sitzungsber. d. Wiener Akad. CII (1882), 287—308), А. И. Яцимирский, Кириллонские нотные рукописи с глаголическими тайнописными записями (Древности, труды Слав. Ком. Моск. Арх. Общ. III (1901), 149—163); ср. И. В. Ягич, Глаголич. письмо (Энц. Слав. Фил., 3), стр. 119—120, он же в Arch. f. slav. Philol. XXV, 33; А. И. Яцимирский, Опись старинных славянских и русских рукописей собр. П. И. Щукина, II (М. 1897), стр. 44—47; Др. Костич, стр. 12—15; Е. Ф. Карский, Славянская кириллонская палеография (Ленингр. 1928), стр. 250—251. Рукопись собр. П. И. Щукина находилась прежде в мон. Путна за № 576, где ее видел и изучал Е. Калужняцкий в 1881 г.; Яцимирскому статья Калужняцкого осталась неизвестной.

58 об.,[1] 117 об., 131 об., 150 об.), а сверх того, целую «фигурную» запись (в виде прямоугольника, разбитого на четыре меньших), содержа-

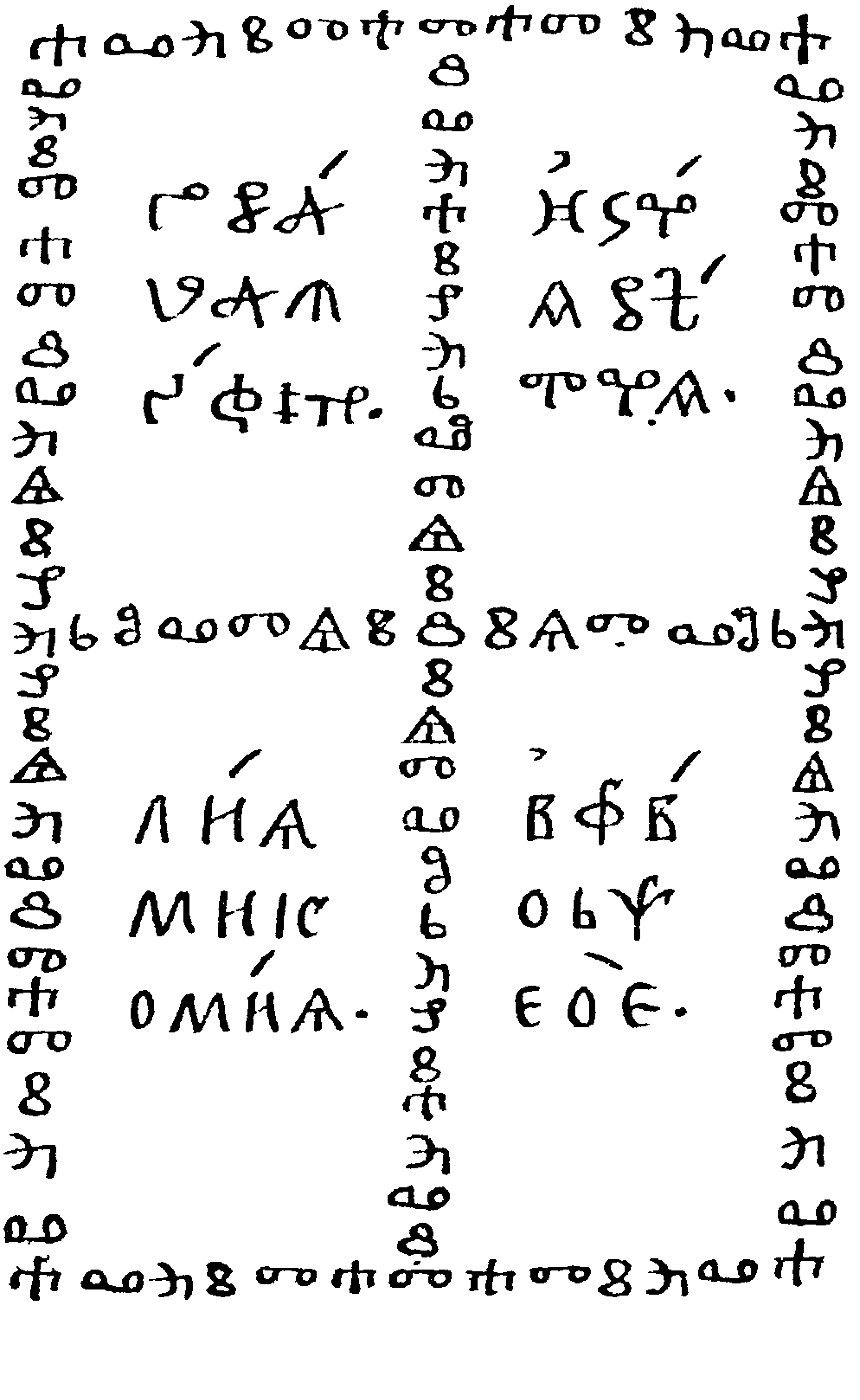


Рис. 3.

щую сообщение Евстафия об его труде (л. 140 об.); в рукоп. собр. Яцимирского № 16 — также две подобных записи (л. 8 об., л. 10).[2]

---

[1] Запись на л. 58 об. носпроизведена по факсимиле Яцимирского (см. у него, табл. II, и стр. 35 отд. отт.) у Е. Ф. Карского, стр. 250, и у Др. Костича, стр. 13.

[2] Чтение снимкон 3-го (из центра) и 4-го: Сиѧ твореиниѧ єѵстатиева (рис. 3) — Сѝи херѹвикъ ѥстъ гласъ петыи҆ (рис. 4).

Выделивши из этих записей азбуку[1] и присмотревшись к начертаниям ее букв, мы заметим, при общей склонности Евстафия к округлению начертаний,[2] бо́льшее соответствие их более позднему состоянию круглой глаголицы, но также соответствие и угловатой (хорватской) глаголице, хотя и старейшего (переходного) ее типа; так, начертания для *Г, Е, Х, И, Т,* один из вариантов *Л* ближе подходят, главным образом своей угловатостью, к хорватской глаголице XIII—XIV вв., нежели к круглой болгарской, хотя другие начертания, напротив, дают бо́льшую аналогию к этой болгарской (ср. начертания для *П, О, А, Б, Ѣ, Щ*). Такой характер глаголических

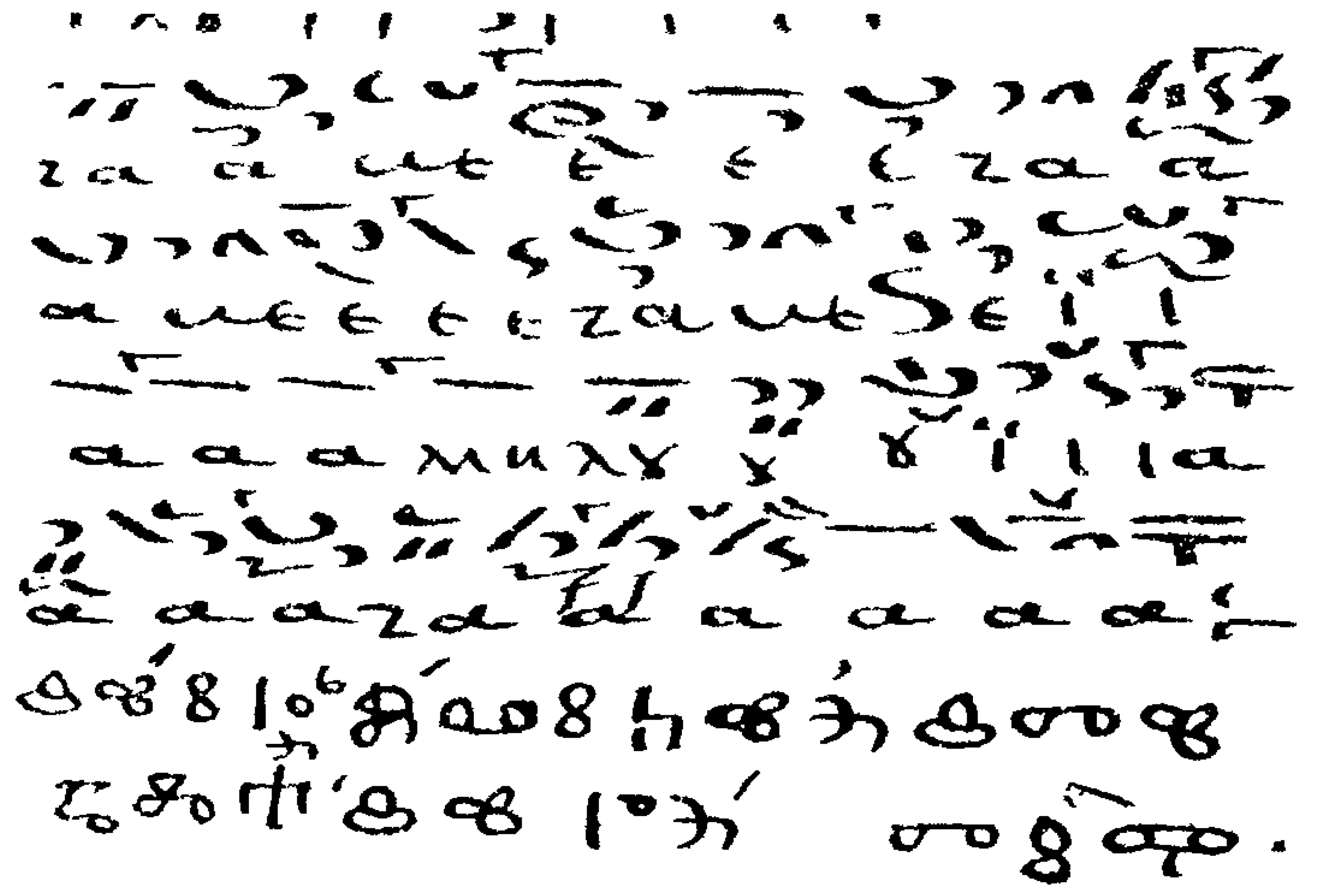


Рис. 4.

начертаний Евстафия позволяет предполагать, что источником его знакомства с глаголицею могли быть и хорватские старейшие начертания. Начертания для *С* и *ОУ,* повидимому, представляют уже своеобразную модификацию старых «круглых» начертаний ꙅ и ꙅ, тогда как знак для *И* может восходить опять к старшей хорватской глаголице (вроде Люблянского отрывка, не старше XIII в.—у Ягича, ук. соч., стр. 190, № 22). Возможность проникновения отзвуков западной глаголицы на Буковину в XIV—XVI вв., особенно если иметь ввиду незаурядную способность и любознательность Евстафия в отношении к графике, вполне допустима.[3]

[1] В ниду однообразия по содержанию записей, буквы н азбуке не все представлены.

[2] Эта склонность видна и в его обычном письме и в других видах его тайнописи.

[3] Некоторое указание на проникновение хорнатской глаголицы н кирилловскую письменность на сербской территории может дать рукоп. Хлудова № 13 (бывш. Гильфердинга, евангелие сербское середины XIV в.), где на л. 12 и 152 находим приписки XV н. типичной хорватской (углонатой) глаголицей: к' цр̃стви же нбсцм (л. 152), с лигатурой т + н.

б) Употребление *греческого* алфавита в качестве тайнописного на юге славянства едва ли нуждается в особой мотивировке; близкое с ним знакомство в силу известного положения греческого языка и письменности на Балканском полуострове в течение целого ряда веков говорит даже за то, что в качестве тайнописи греческая азбука особенно способствовать «затаению» написанного едва ли могла: применение ее в качестве орудия для тайнописи скорее и чаще может рассматриваться как стремление писца хвастнуть знанием и греческой грамоты, а быть может и как привычка пользоваться в обиходе и тем и другим шрифтом; прикрывать тайну греческая азбука могла разве в отдельных случаях, в кругах малограмотных. Этим, вероятно, следует объяснять, с одной стороны, наличие писанных славянином *по гречески* записей, но с примесью славянских начертаний[1] и, с другой стороны, *славянских* записей, но греческими буквами; в этом, быть может, лежит также причина того, что подобные записи встречаются не часто, при том из времени сравнительно позднего (не раньше XVII в.), преимущественно в Болгарии и Босне с Герцеговиной, бывших под более продолжительным и сильным влиянием греческих фанариотов; но известны нам подобные записи и из других местностей. Образцы таких записей находим среди сербских рукописей Синод. библ. в Софии или мон. Хопова (Срем): ἀπόγρ(α)ψα ἁμαρτολοσ ραφαηλь (1600 г. рукоп. Синод. 92/7), или: ἀмӥнь ἀπογραψα ἁμαρτολοσ ραφαηλ (1637 г., там же, 96/16);[2] в псалтыри мон. Хопова в большей записи обычным письмом: .... **писа се вьноутрь светаго града Іеросалима .... роукою грѣшнаго и оунилаго и лениваго мниха именемь** Διομύδια **ѿ земле Херцеговине, ѿ монастира Враньица, близ жѹпе Вранещь** (1637 г.);[3] ποπὰ χριστο ποβεξα (Болг. Син. 33/129, м. б. 1774 г.); ποβεζαχ αζ πρωτώπωπὰ δημήτρη μνώνωγρεσνῆ ȣ βρεμε ἀρχηερεηστβω Θεωφανωβω η δα νε ε πρωστω κῴη γω πωκȣσι δα γω σȣδι ἁγίως νηκώλαως (там же, 34/139, м. б. около 1809 г.).[4]

Несколько в стороне и по времени и по характеру должна быть отмечена упомянутая выше запись в Хиландарском болгарском евангелии

[1] Напр., на средне-болгарской Лествице XV—XVI в. собр. Гильфердинга (Ленингр. П. Б.) № 49 на л. 398 об. целая молитва писана по-гречески, но полууставной кириллицей, при чем писанший по забынчиности станил кое-где на конце глухой: тин онтωс деωтокон ωс алидос. аξион естинь.... деωтоконь тин тимнодерань тонь.... и т. д.

[2] Е. Спространов, Описъ на ржкописитѣ въ библиотеката при св. Синодъ на Българската църква въ София (София 1900), стр. 138 и 142; ср. там же, стр. 52.

[3] Љ. В. Стојановић, Записи и натписи, I, № 956, стр. 270.

[4] Е. Спространов, ук. соч., стр. 54, 56.

1322 года, писанная по-гречески, но, вероятно, болгарином (стало быть, знавшим и по-гречески):[1] она писана деформированным греческим унциалом,[2] при чем в самой деформации отдельных начертаний можно подозревать влияние специально славянских кирилловских начертаний (мнение Костича, стр. 12). Она предположительно читается так: (ἡ βίβλος τοῦ) εὐσεβηεστάτου ἀνὰ Χ͞ν Γεωργίου (рис. 5). Здесь, помимо деформации самого начертания, применено, видимо, и изменение положения букв в строке: *Е*—ѧ, *Т*—ш, *Г*—Ч.

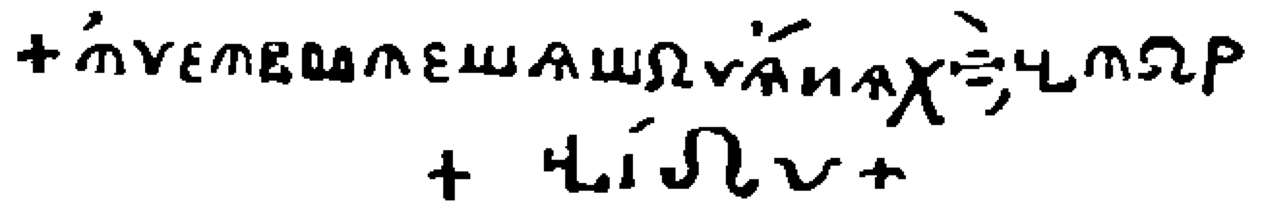


Рис. 5.

в) Что касается применения *латинской* азбуки к славянской тайнописи, то такая ее роль, пожалуй, еще менее, нежели греческой, заключала в себе криптографического: в записях и подписях она встречается очень поздно — в конце XVII и в XVIII вв. — и есть отзвук влияния латино-немецких канцелярий и латинской школы (как и в русских поздних рукописях), особенно на территории Австро-Венгрии, где, кроме того, для сербского хорватского письма уже давным давно существовала латиница; употребление ее в кирилловских рукописях — только в записях и приписках — большею частию — результат или привычки, или стремления к оригинальности. Так, Хоповский монах конца XVII в. пробует свое имя «Аввакум» изобразить латиницей рядом с кириллицей: Abasvm (рукоп. Музея Старой Сараевской ц. № 17); или Филипп azzi (хаджи) Gavra Tadicha (1815 г. — рукоп. собр. Гильфердинга в Публ. библ. в Ленингр. № 45, также из Сараева); любил писать латиницею свое имя Печский патриарх Арсений (XVIII в.), напр., на известной Иловицкой Кормчей (теперь в библ. Югосл. Акад. в Загребе, III, с. 9) он написал: Ovo e starinski zaconik velmi prav i dobar, potreba e nega se drzati. Pisa sie az Patriara Servisii Arsenie meseza genvara 27 v Scople (1727);

---

[1] Она воспроизводилась не раз: см. Др. Костича, стр. 12 (тут же и литература об этой записи), А. И. Яцимирского (Древности, труды Слав. Ком. III, 162; здесь снимок со всей страницы рукописи). В последней статье А. И. Яцимирский, вероятно, по ошибке относит рукопись к 1422 году и предполагает, что некоторые буквы ее заимствованы из грузинского алфавита, в чем, после раскрытия надписи Костичем, нет уже надобности, так же как и в предположении арх. Н. Дучича (Књижевни радови, 4, стр. 127), будто запись писана глаголицею. Запись писана, как будто, рукой писца рукописи: по снимку судить о цвете чернил нет возможности. В более ранней своей статье о тайнописи (Глас Срп. Ак. LIII, 166) Др. Костич предположил, что та же манера письма, какую мы видим в Хиландарской рукописи, известна была и на Руси, основываясь на Описании рукописей Общ. Древн. Письм. (I, стр. 155, 157, 158); но тут мы имеем дело с недоразумением, в которое Костич введен был дурным воспроизведением тайнописи из рукоп. Общества: в ней — записи сделаны *пермской* азбукой.

[2] Стало быть, этой стороной запись идет во *вторую* из намеченных нами групп.

известна нам и немецко-латинская запись священника Петра Николича из Футога (Срем) на книге 1767 г.[1] и т. п.

г) Априори можно предположить, что и *турецкое* письмо, широко (как и язык) распространенное среди грамотных славян балканских, могло служить средством для тайнописи: о такой приписке (но на каком языке?) упоминает Е. Спространов в своем Описании рукописей Болгарского Синода (№ 86/4, рук. сербская).[2] Во всяком случае применение, но иное, к тайнописи турецкой азбуки мы увидим ниже.

II.

Система тайнописи при помощи *измененных обычных* или нарочно для нее *придуманных* знаков представляет несколько разновидностей в зависимости от отношения составителя тайнописи к его источнику или источникам.

а) Упомянутый выше любитель тайнописи Путненский протопсалт Евстафий (ок. 1511 г.) дает в своих рукописях целых две таких системы, правда, очень близких друг к другу по основному принципу, иногда применяя обе в одной и той же записи, но не смешивая их в одном и том же слове записи, а сверх того, комбинируя их с очерченной выше его же «глаголической» тайнописью и системами иного характера; помещаются эти записи так же, как и остальные, преимущественно в виде заголовков к отдельным песнопениям (почему и пишутся киноварью). Из общего числа всех тайнописных записей Евстафия по одной из рассматриваемых систем насчитывается до 16, а по другой системе — до 20 случаев.[3] Это значительное количество записей дает возможность собрать почти полную азбуку того и другого типа и проследить отчасти процесс их сложения (рис. 6).

Азбука *первого* типа [4] имеет в своей основе, несомненно, обычную кирилловскую,[5] при чем все начертания выдержаны в стиле ровных (без утолщений или утоньшений) линий и с одинаковым характером построения

[1] Др. Костич, стр. 10.

[2] Запись помещена среди других кирилловских и греческих; Е. Спространов ее не приводит, ограничившись заметкой: «подъ тази (т. е. под греческой) приписка слѣдва турско писмо, види се, съ сжщото съдържание» (о питии вина).

[3] Они приведены в транскрипции в статье А. И. Яцимирского (Древности, III), при чем наш *первый* тип обозначен вторым, наш *второй* — третьим. Литературу об этих записях см. выше, стр. 6, прим. 2.

[4] На таблице обозначена — I, азбука второго типа — II; в третьем столбце помещена азбука к тайнописи, найденной Т. Остоичем, о которой речь ниже.

[5] На это указал уже Е. Калужняцкий в упомянутой выше статье.

самых начертаний. Приняв это наблюдение в расчет, убедимся, что, действительно, большинство тайнописных начертаний Евстафия получает свое объяснение именно из обычной кирилловской азбуки; только немногие из

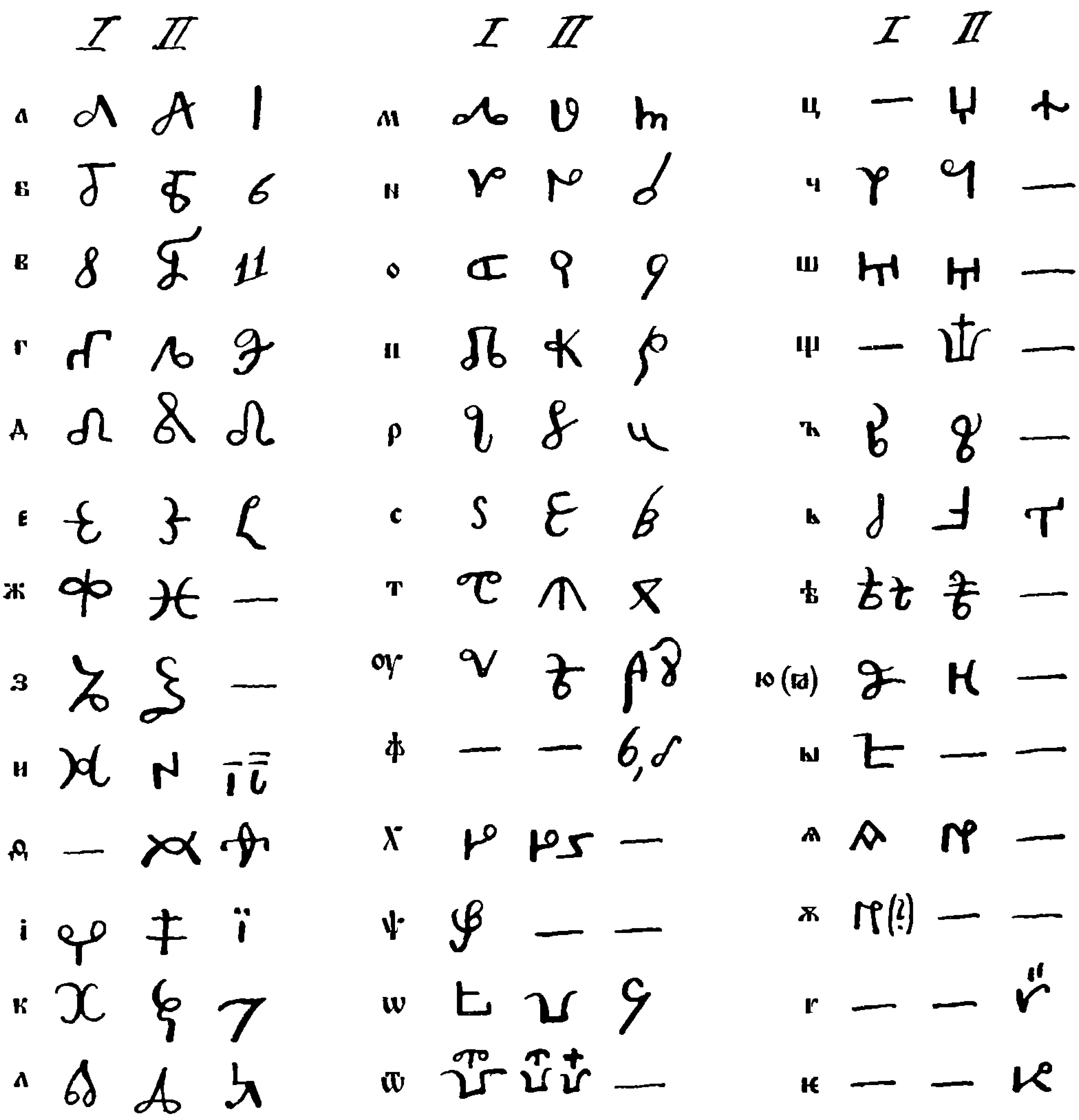


Рис. 6.

них могут быть возведены к глаголице или к азбуке греческой: может быть, к глаголическому восходит тайнописное *М* путем уничтожения верхней части ⰿ (*м*), а также тайнописные *I* и *Х* — к ⱑ и ь; к греческим скорописным ϐ и ν, вероятно, возводятся соответствующие начертания Евстафия.[1]

[1] Впрочем, имея в виду один из излюбленных приемов Евстафия при переработке нормальных начертаний в тайнописные — прибавление колечек и завитков, его *М* можно

Кирилловский алфавит с указанными добавками из других источников был подвергнут переработке в тайнописный путем приблизительно следующих приемов: 1) части букв вывернуты в обратную сторону, как это легко заметить в *А, Б, В, Р, Ь;* 2) прибавлены кружечки и колечки: *З, Л, Н, П, Т, Ч,* или черточки: *Г, Е, О, Р, Ш,* Ѡ; 3) прямые штамбы кирилловского начертания искривлены: *Р, П, Т, Ь, К, Ѣ;* наоборот, реже, сделаны угловатыми, прямыми; Ѡ, Ѿ; 4) отброшены части обычного начертания: один из видов *Ѣ, Ы.*[1] Вот два образца результатов такой переработки:

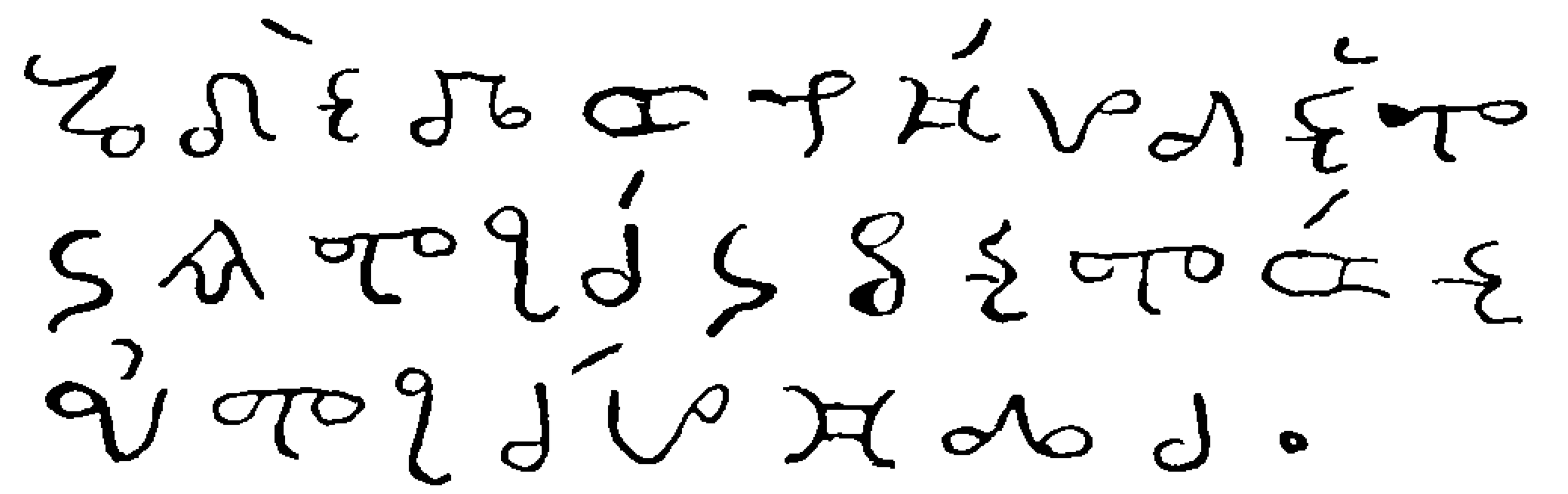


Рис. 7.

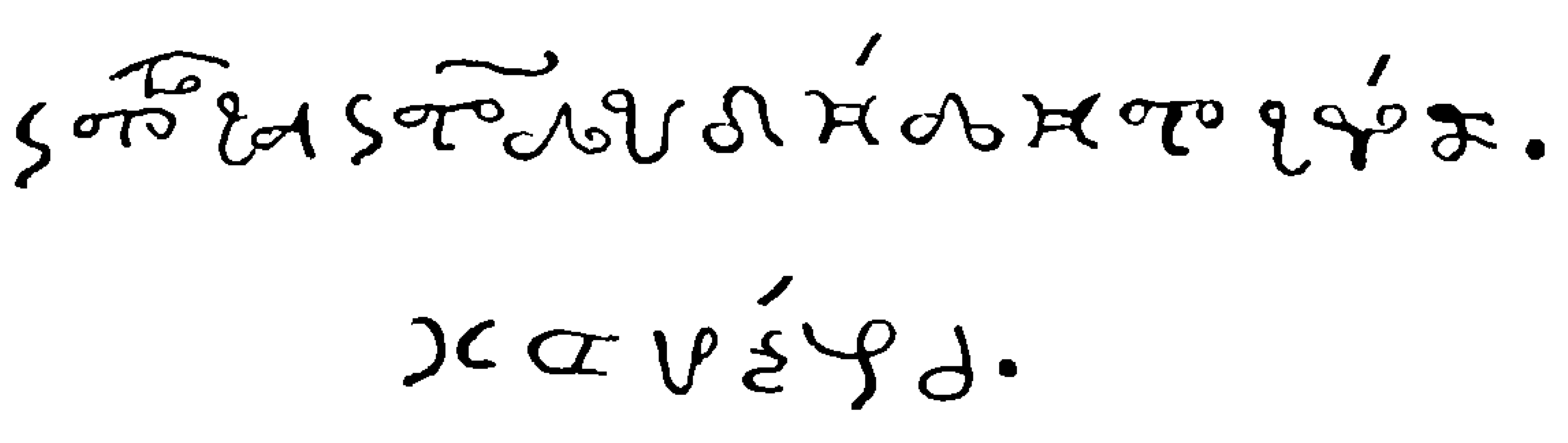


Рис. 8.

Они читаются, первый (рис. 7): **здѐ почі́наѐт | сѧ трьсветóе | оу҆трьнимь;** второй (рис. 8): **стра стмоу ди́митри́ю | коне́ць.**

б) Несколько иную обработку того же кирилловского алфавита представляет *второй* тип тайнописной азбуки Евстафия: если так же, как и в первом, и здесь применение кружечков, черточек (*А, Е, О, Ш, Ю*) или скобочек (*Б, Ѣ*) остается любимым приемом составителя, то здесь же более заметно его стремление к выворачиванию наоборот нормального начер-

объяснять тем, что взято обычное *М,* отброшены вертикали, а к опрокинутому остатку присоединены колечки (ср. его *Н* из греческого ν); греческое же скорописное δ в XV—XVI вв. встречается в кириллице и помимо тайнописи, как отзвук влияния греческой графики не только в юго-славянских, но и в русских рукописях: это начертание могло и таким путем дойти до Евстафия.

[1] Неясными остаются по происхождению и обработке: *И, Ю, Ψ, С*; последнее, может быть, обычное *С* с искривленным и оттянутым налево хвостиком, а предпоследнее — искривленное и закругленное Ψ; *Ю* напоминает глаголическое Э с приставными справа рожками.

тания: *В, Г, Д, Е, З, И, Ъ, Р, Ь*; участие глаголицы также сказалось в начертаниях: *Ж,*[1] *I,*[2] *Л, Х* (первое взято, быть может, из первого типа), может быть *К*[3]; видим и переделку в более угловатую форму: *Т* (из полууставного, в три одинаковых столбика), Ѡ, *Ь*; общими тому и другому типу являются: Ѡ, Ѽ, *Ш*; *Ю* получилось отсечением правой половины буквы и присоединением в средине черточки (откуда и его сходство с Ѥ). Остаются без установления прототипа знаки для *Θ, П, Х* (второго), Ѧ: может быть, они принадлежат изобретательности (во всяком случае не богатой) самого Евстафия?[4]

Таким образом обе системы Евстафия мы вправе счесть восходящими к одной общей системе *измененных знаков*. Заметим, что приемы такой переделки нормальных начертаний, притом употребление одновременно разных приемов (выворачиванье, перекувыркивание, кружечки, черточки) применительно к одной и той же букве, не чужды и греческой криптографии XV века.[5]

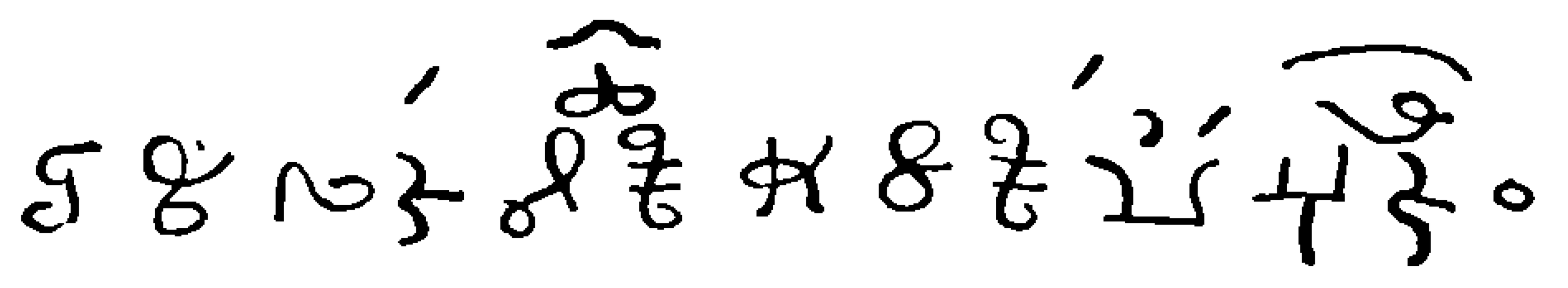


Рис. 9

Приводимый образчик второго типа (рис. 9) читается так: **къ недѣ прѣѡцѣ.**

в) Повидимому, те же принципы (исключая только пристрастие к кружечкам и петелькам) и те же источники лежат в основе тайнописи, ничего общего с предыдущими по выполнению не имеющей, сделанной на сербской Минее Служебной за апрель и май, писанной в 1551 году «на реке Радо-

---

[1] Такое же начертание для *Ж* находим и поздней глаголице (XVI в., рук. Моск Патр. библ. № 951, см. ниже, стр. 64), если это не простое упрощение путем удаления средней мачты и том и другом случае.

[2] Такое *I* встретилось в боснийско-богомильском Апокалипсисе Ватиканской библ. (см. Arch. f. slav. Philol., XXI, I, стр. 21 и 33).

[3] Если его возводить к ѩ, округленному с прибавкой петельки.

[4] Что касается знака для *О*, то скорее всего это — ничто иное, как удвоение и соединение двух обычных начертаний.

[5] Ср. Gardthausen, Griech. Paläogr., S. 240; здесь среди трех, приводимых Гардтгаузеном криптографических алфавитов, есть начертания, если не вполне сходные, то аналогичные нашим, но при том они встречаются во всех алфавитах порознь, и сходные начертания имеют иное звуковое произношение, нежели у нас, так что о непосредственном влиянии в данном случае едва ли можно говорить.

ванштице въ подкриліе Цѣра планине...... роукою многогрѣшнаго Ратка діака»:[1]

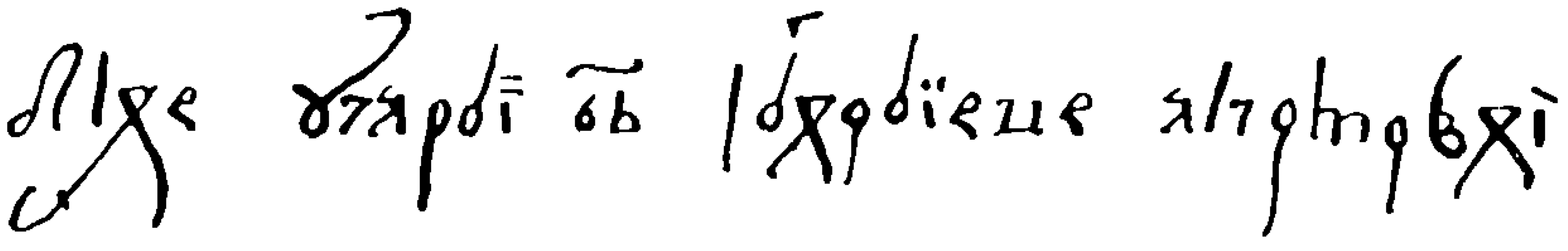


Рис. 10.

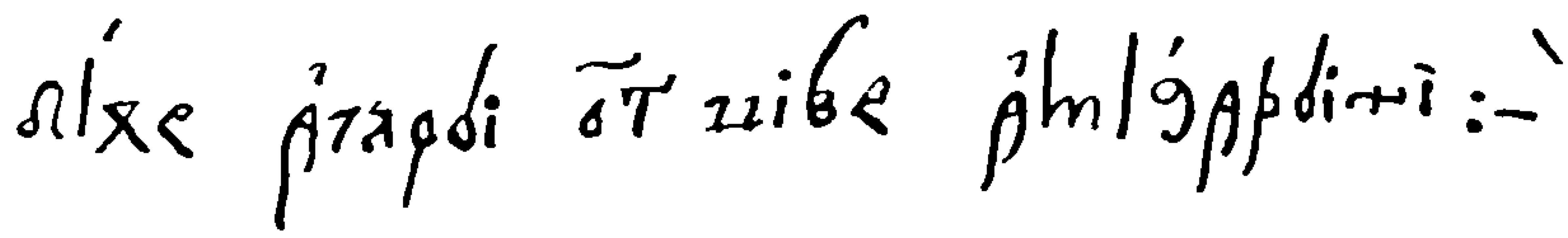


Рис. 11.

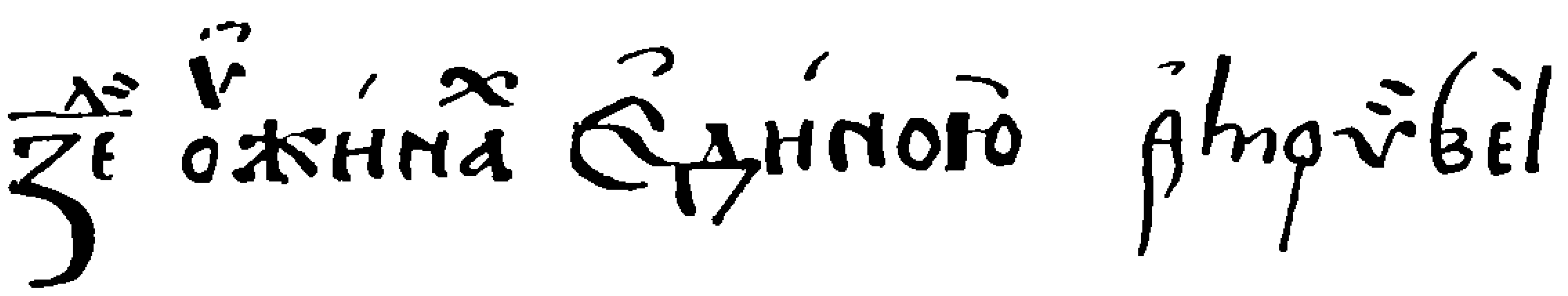


Рис. 12.

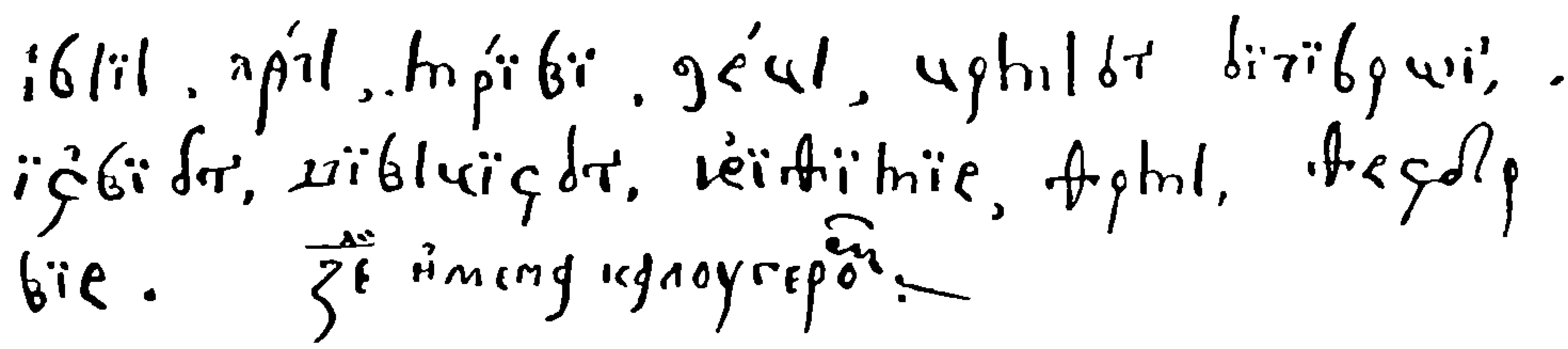


Рис. 13.

Снимки читаются так: 1) да те уклонй въ антоніеве лакомости (рис. 10); 2) да те уклони въ висе у магуинници (рис. 11); 3) (зѣ ѹжина единою) у моусеа (рис. 11); 4) Исаіа, лѹка, моісі, гера, романъ, нікіфоръ, Іосіфъ, вісаріонъ, кіфіміе, дома, деодосіе. (зѣ имена калоугеро) (рис. 13).

Начертания (полного алфавита не получается из записей) этой тайнописи по их происхождению распадаются на три группы: 1) *И (Ï), Б, Е, М,* Ѹ (один вид), Θ, Ѵ, Ѥ восходят к соответствующим кирилловским; сюда же, быть может, следует отнести отчасти и *В,* которое представляет скорее упрощение кирилловского ꙁ (снята верхняя покрышка), нежели глаголического ⱌ, а также *Д* (в виде скорописного греческого δ), вошедшее

[1] Найдены, изданы и объяснены Т. Остоичем в Arch. f. slav. Philol. XIV, 478—479; ср. у Др. Костича, стр. 17—19. Снимки берутся из издания Остоича. Азбуку к ним см. выше, стр. 12.

в моду приблизительно в то же время;[1] 2) с некоторой вероятностью *Д, Г, К, П, Р, С* могут быть объясняемы из соответствующих глаголических, подвергнутых урезке и вместе с тем повороту в обратную сторону и добавлениям; 3) *Н, О* (оба вида), *Т, Ѹ* (второй вид), *Ф* (оба вида), *Ц, Ь* придется отнести на долю изобретательности писавшего.[2]

г) Дальнейшую попытку применить для тайнописи путем деформации кирилловский алфавит, причем изменения его становились настолько значительными, что провести границу между деформированными и специально придуманными знаками представляется затруднительным, мы видим в тайнописи, вероятно, боснийского происхождения, известной нам из записей не ранее конца XVII в. Это — «*турецкое*» письмо: кирилловские скорописные начертания до того переделаны на манер обычного турецкого письма, что производят, действительно, впечатление как будто подлинного восточного письма.[3] Превращение кирилловских начертаний в «турецкие» достигалось тем, что писавший не только оборачивал буквы справа налево, искривлял их, вытягивая свыше меры, прибавляя для большей иллюзии черточки и, по мере надобности, точки, но и самые слова и всю запись писал по «турецки» — от правой руки к левой. Три из таких записей, идущих из Сараева, относятся к 1682, 1689 и 1715 гг. и одна — к 1729 г. из Крушедола, из областей, долее и более других находившихся под давлением турок.

Первая (рис. 14) читается: **тефтер**[4] **цркві сараевскіе светіх архістратіг**; вторая (рис. 15): **Леонтіе еръмонах**; третья (рис. 16): **Філіп**;[5] последняя (рис. 17) (крушедольская): **повеза сі моліткавнікь попь Єпаса.**[6]

---

[1] В XVI в. оба начертания довольно обычны, как в югославянских, так и русских рукописях.

[2] Др. Костич, стр. 18, судя по даваемым им к алфавиту пояснениям, допускает несколько большее влияние кириллицы, а сверх того воздействие и греческой скорописи XV—XVI ст.

[3] Найдены такие записи пока исключительно среди рукописей Музея Старой Сараевской церкви, рукоп. мон. Крушедола (Срем) и одной рукоп. Ленингр. Публ. библ. (из собр. Гильфердинга № 45), вероятно, идущих оттуда же, из Сараева. Собраны, прочтены и изданы они впервые Др. Костичем, стр. 19—21. Нижеследующие азбука и снимки заимствуются из статьи Др. Костича.

[4] Т. е. счетная книга (турецкое слово).

[5] В рукоп. Ленингр. Публ. библ. № 45 собр. Гильфердинга, л. 128 об., н записи, читающейся: сaписа се сіа книжица саписасе ѹ славном мѣстѹ сараевѹ: ~ въ лѣто ѿ рѿ. хва 1715: ~ тоже лѣто бѣтъ. ʒинцѧ (гвера) ѱхцtпе (турке) ѿ (с) ѯонѱпоѯ (млетком). пѿпи (?) кпѿѧ (?) — запись «турецкая» — azzi Gaura Tadicha. Только три слова — у Др. Костича, 9.

[6] Перед этим в обычной записи он называет себя: ѿ пиротъ попа Єтонче синь.

В образовании «турецкой» азбуки применен и числовой принцип: если буквы *Е*, *З*, *І*, *Л*, *Ѯ*, *Р*, *Ѹ* превращены в «турецкие» путем перево-

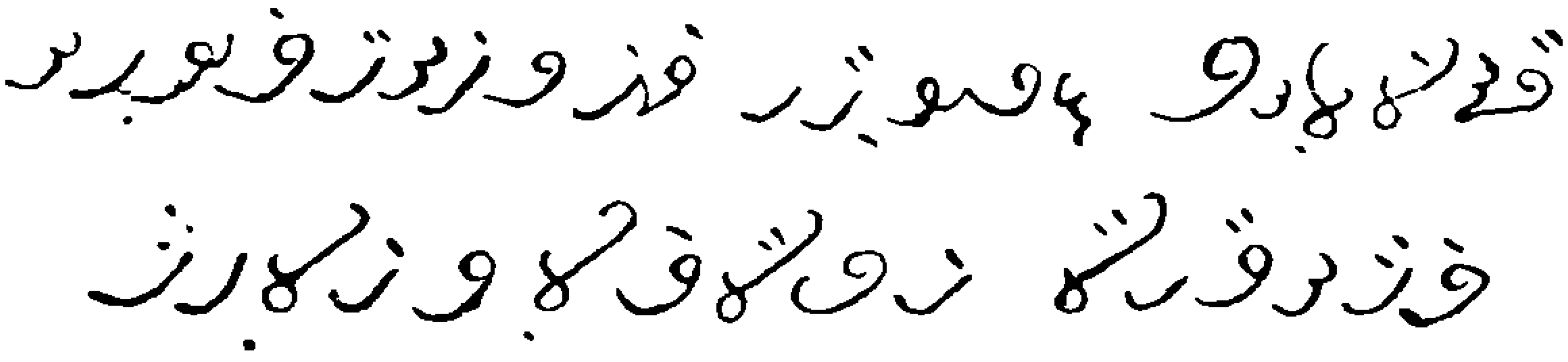


Рис. 14.

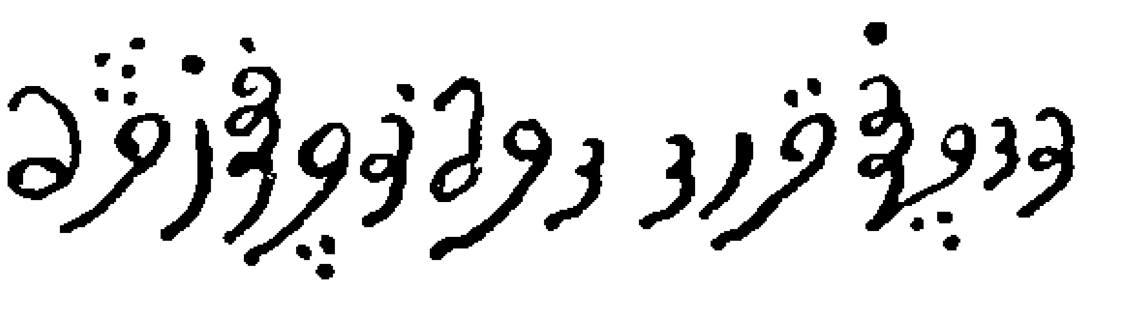


Рис. 15.

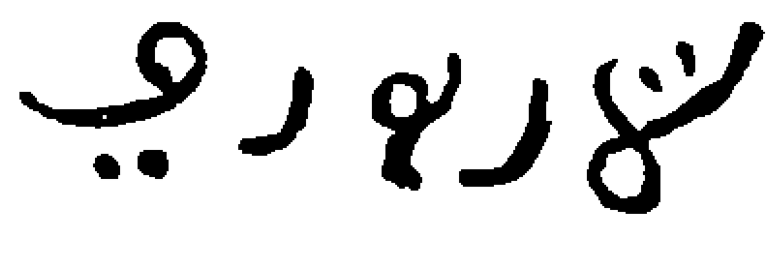


Рис. 16.

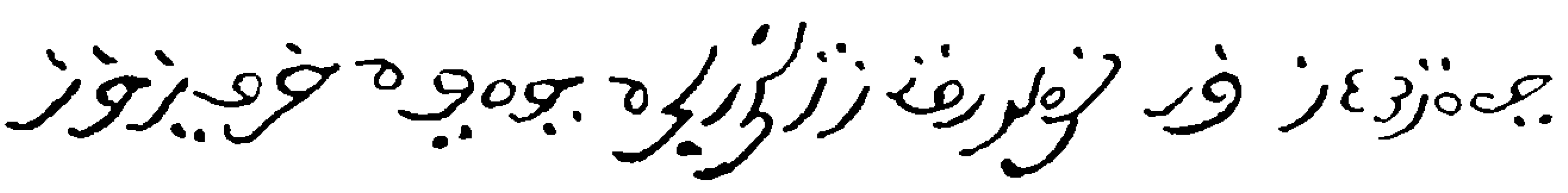


Рис. 17.

рачивания и растяжения, то остальные получаются, сверх этих приемов, еще путем прибавки или вычитания единиц, десятков или сотен, чтобы получить требуемую по произношению букву; это обозначалось точками или черточками вверху или внизу буквы,[1] иначе сказать: составитель отчасти руководился здесь цифровым значением буквы, причем им допущено небольшое нарушение порядка букв в азбуке: *Ѯ* (60) поставлено между *М* (40) и *Н* (50) и *Ч* (90) между *П* (80) и *Р* (100); первые три буквы азбуки получаются из *Ї*, которое без точек обозначает *і* и *и*, с одной точкой — *а*, с двумя — *б*, с тремя — *г*; буквы, не имеющие цифрового значения, и Ц (900) только диформируются; наконец, допускаются и лигатуры (что̀ дается легко при простоте начертаний «турецкой» азбуки). Таким образом

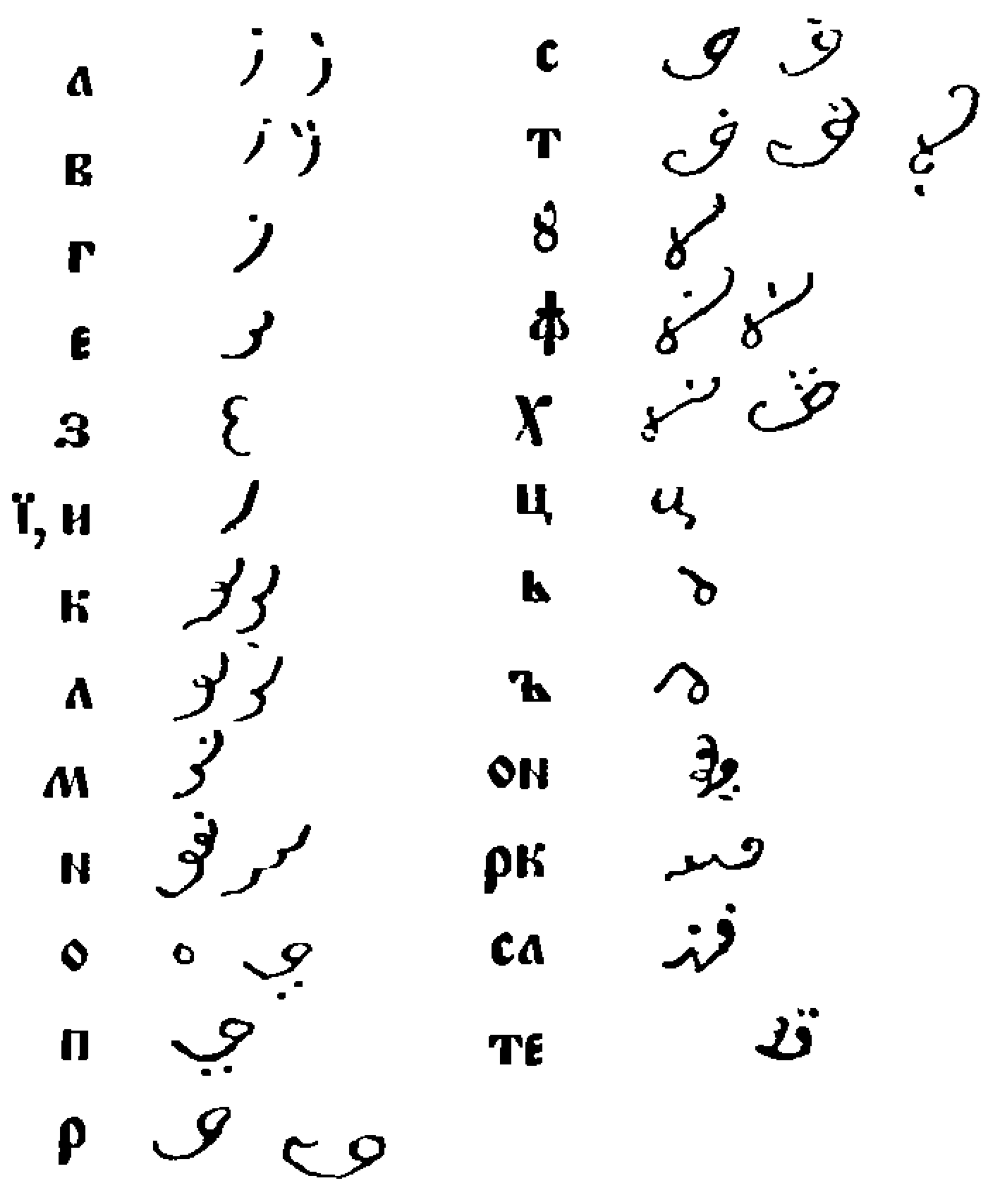


Рис. 18.

[1] С этим способом мы встретимся ниже, при том — что интересно — опять в записях Сараевского происхождения.

возможно полная «турецкая» азбука на основании этих записей будет иметь приблизительно такой вид (рис. 18):

д) Есть еще один вид тайнописи этого рода — измененных и условных знаков — который встретился пока единственный раз в рукописи, и до сих пор остается не прочтенным: в сербской Служебной Минее XVII в. Зографского мон. № 94 (полуустав, запись — скорописью), писанной, судя по послесловию, в Рыльском мон. (в Болгарии) «потружением иеромонаха хаджи Афанасия», переплетенной монахом Мелентием и положенной им в 1653 году в храм св. Георгия в мон. Зограф, находим после записи со всеми этими сведениями, писанными обычным письмом, две строки тайнописи (рис. 19):[1]

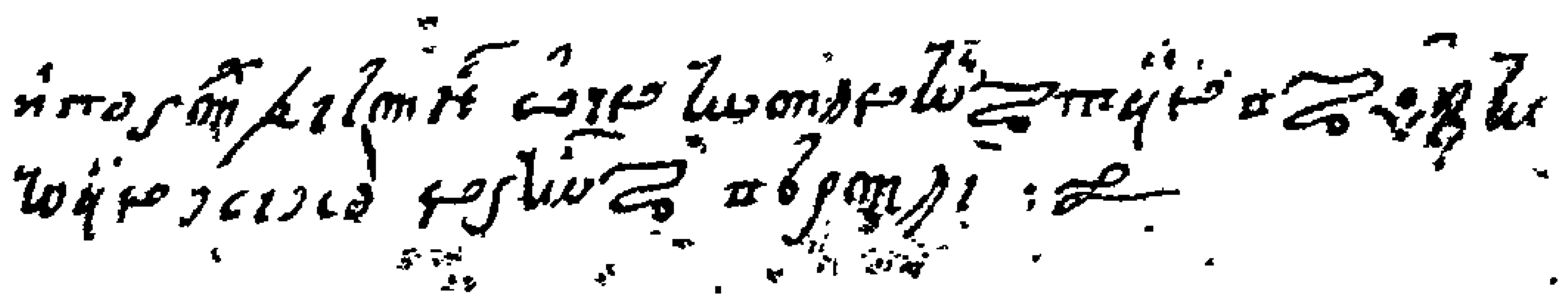


Рис. 19.

В ней, как видим, наряду с обычными буквами применены особые начертания, несколько раз повторяющиеся в записи, но значение их не поддается определению, а аналогии к ним в других системах этого рода тайнописи пока нам не встретилось.

III.

В системе *замен* одних букв азбуки *другими того же алфавита*, построенной на том или ином определенном заранее принципе, могут быть различаемы, по крайней мере, две основных разновидности: в одной замена происходит на основании условно принятого порядка букв в азбуке, в другом — на основании числового значения букв; первый способ и для югославянства можно назвать русским термином «литореи» или «тарабарской грамоты», второй — счетный или цифирный — называют, по его происхождению, «греческим».

Так называемая «*простая литорея*» на юге славянства представлена в тайнописи сравнительно редко, при том в образцах сра́внительно более поздних, нежели в русской письменности. Самый ранний из известных ее примеров дает знакомый уже нам протопсалт Путненского мон. Евстафий

[1] Снимок с последней страницы рукописи сообщен мне П. А. Лавровым. В Изв. Рус. Археол. Инст. в Константинополе, XIII, 268, тайнопись не указана.

(ок. 1511 г.). Она, как известно, заключается в том, что согласные буквы кирилловской азбуки, из числа коих предварительно удалены ꙙ, ѕ, ѯ, ѱ, (как имеющие в произношении дублеты и разлагающиеся на простые, имеющиеся в азбуке), делятся на две равные части, и при письме литореей происходит взаимная замена букв одной части буквами другой части; таким образом *Б* соответствует в тайнописи *Щ*, *Щ* — *Б*, *В* соответствует *Ш*, *Ш* — *В* и т. д.; гласные остаются без замены. У Евстафия находим до 20 случаев[1] пользования этой литореей; таковы, напр.: л. 21 топе́дь = коне́ць; л. 96 пацчоѧшсепі́е = на бгоѧвленіе; л. 119 об. нотоипѫ чса́ .з҃ = покоинѫ гла́ .з҃; л. 130 об. аки^же па́ цочомшсепіе = сти^хо на́ богомвленіе; л. 138 тѡпедь тмакир8 лшекор8 нмотоні́ю = кѡнець кра́тим8 све́том8 про́копі́ю.

На сербской территории письменности нашелся пока только один случай «простой» литореи — в последних строках большой записи белградского митрополита Паисия 1680 г. на рукоп. мон. Гргетега (Срем): нила^ж цменпою м8тою лшоею и приложи^ж шавои люцше = писа^х бренною р8кою своею и приложи^х вашои любве.[2] Запись, как видим, из слов: приложи^ж, любве не выдержана.[3]

На болгарской территории найден пока также только единственный случай, притом на русской печатной книге (Рыльского мон. № 3—22), ничего специально болгарского в языке не дающий: топе́дъ тпифѣ ле́й ѡ҆ри́пъ = конецъ книгѣ сей аминъ.[4]

Имея ввиду редкость «простой» литореи на юге славянства и сравнительно поздние случаи ее здесь — с одной стороны, и большую ее популярность и раннее время ее известности на почве русской — с другой,[5] возможно предположение, что своим появлением на юге славянства она обязана влиянию русской письменности; довольно ранние и притом обильные примеры ее на почве румынской письменности этому предположению противоречить не будут: достаточно припомнить отношения молдаво-валашской письменности к русской, если даже не считаться с индивидуальной страстью к тайнописи Евстафия.

---

[1] Из них значительная часть уже издана у Калужняцкого и Яцимирского в упомянутых выше их статьях; образцы даю по рукоп. б. Щукина из числа не вошедших в эти издания.

[2] Записи и натписи, I, 1765.

[3] У Костича, стр. 27, не верно прочтено: писа же (тайнописное *ж* = простому *х*).

[4] Костич, стр. 27, приводя этот пример, замечает, что это — «руски штампани запис на руској штампаној књизи — Исаака Сирина Словеса посническа». Если это известие правильно, то и этот пример для болгарской территории отпадает.

[5] См. ниже, гл. II.

Попытку создать литорею «похитрее», по времени к тому же довольно позднюю (около 1740 года) и дающую аналогию (а быть может и под ее влиянием) к «мудрой» русской литорее в «квадратах»,[1] представляет запись на Златоустнике мон. Житомислича (№ 136): **Сиѥ кнїга глѥма Златоѹсть (х)рама стго блговѣщенїа престѣй бце близь реке Неретві, зовомь Житомислиѣ. Тои подписа прі (и)гѹменѹ кѵр Моѵсею сщенодїаконь м̄ с̄ г̄ м̄ м̄ п̄ б̄.**[2] Составитель записи взял полную азбуку, но не в обычном порядке букв в ней, а в начале поставил *Ы*, *Ь*, *Ъ*, а за ними остальные в обычном порядке, начиная с *А*, а под этой азбукой подписал вновь азбуку в обычном порядке, так что *Ы* верхнего ряда соответствовала *А* нижнего, *Ь* — *Б*, *Ъ*—*В*, *А*—*Г*, *Б*—*Д* и т. д., т. е. передвинул все буквы по употреблению на 3 места; но, сверх того, осложнил этот прием (вероятно, чтобы «затаить» две одинаковых простых, рядом стоящих буквы) иным, заимствованным из «цифровой парной»[3] системы, разложивши *П* (80) на два слагаемых: *М* и *М* (т. е. 40+40). В результате получается его имя: *ІОАННЬ*. Представляет ли эта литорея подражание русской,[4] или, что̀ также возможно, выдумку священнодьякона Иоанна, сказать трудно: она так проста, а кроме того, этот способ — «с передвижением» — нам известен и независимо от русской письменности из глубокой древности (ср. Gardthausen, Griechische Paläogr., 222) и из позднего времени.[5]

IV.

Гораздо большим распространением на юге славянства пользовался способ тайнописи так называемый «цифирный»: замены обычных букв иными на основании их *численного* значения. Этой «цифирной» тайнописи нам известно несколько разновидностей, при том, вероятно, различного происхождения на славянской почве.

а) Способ цифровой — «*значковый*»: он хорошо был известен в русской письменности[6] и раньше, нежели на юге славянства, где, надо полагать, он и был заимствован из России в довольно позднее время (XVII—

---

[1] О ней — ниже, гл. II.

[2] Записи и натписи, II № 2803, с опечаткой *д* вм. *п*.

[3] См. ниже, стр. 21—22.

[4] Так предполагает Костич, стр. 28—29.

[5] Костич, стр. 28, указывает на поздний ключ подобной литореи по гречески в одной болгарской рукописи Софийской Народн. библ.: он похож на русскую простую литорею, только составлен для полной азбуки

[6] См. ниже, гл. II.

XVIII вв.); в греческой письменности он до сих пор не констатирован. Любопытно, что он встретился на русской печатной книге, принесенной из России игуменом мон. Раковца (Срем) Өеѡфаном, который на ней в 1692 и 1711 гг. и записал свое имя так: .....подписа ю (книгу) грѣшнї иг8мен именемь : ⁝ ⁝ ⁝ .·.·. :·̄: .·̄·. . . ·̄·.Ѣ расодер .а҃.х҃.ч҃.в҃., 1692, дек. .е҃.[1]

Число точек соответствует букве в ее численном значении, причем десятки обозначаются горизонтальной над ней чертой, сотни — титлом.[2] Таковы же записи 1679 и 1711 гг. в рукоп. № 16 Музея Старой Сараевской церкви и Карловацк. библ.: ⁞ ⁞ ѿс ⁞ ⁞ вь = Иѡсивь, и: Ж :::: : . :·: ъ Блыць = Живанъ Блыць.[3]

б) Того же, скорее всего, происхождения и способ *«разложения суммы»*: числовое значение затаиваемой буквы разлагается обычно на два (большею частью одинаковых) или, реже, несколько слагаемых.[4] Этот прием на русской территории восходит по времени не позднее XIV в., тогда как старший югославянский пример идет из конца XIV или, вернее, начала XV века (рукоп. Белгр. Нар. библ. № 314—444); пример этот имеет такой вид: а р҃р.д҃д.е м҃м.д҃д.н҃м.а.л҃к.д҃д.ї҃ї.м҃л.е҃ї.еї҃д҃д.ца[5], т. е. а сие писа Николица.[6] Довольно ранний (XV в.) образец такой же тайнописи имеем в болгарской рукоп. Национ. Румынск. Музея № 356, л. 162 в сложной из трех разных систем записи: пи́са ма́исторь.нн а вв ма ррр а рр нн ь б дд ь = Радота срьби(н)ь.[7] Старший из датированных примеров (1509 г.) — в рукоп. Соф. Нар. библ. № 157: съммддрра вваааддввъ, т. е. съписа Дакидъ.[8] Путненский Евстафий (ок. 1511 г.) дает по обык-

---

[1] Записи и натписи, I, № 1957.

[2] В русских текстах этой тайнописи для десятков и сотен особые обозначения: черточки и кружечки.

[3] Записи и натписи, III, № 5756.

[4] Впрочем, в идее своей и этот способ тайнописи в самой русской (а за ней и югославянской) письменности может восходить, подобно другим, к греческой, как о том можно судить по примерам XII и XIII вв., найденным Порфирием Успенским и К. Весели (см. у Костича, стр. 34 и прим.).

[5] Кое-где титла, кажется, опущены и в подлиннике; ср. Костич, стр. 31 и Гласник Срп. Уч. Др. LVI, 340; раскрытое чтение см. Записи и натписи I, № 173.

[6] Букна с получается из н + м (40 + 50 = 90) = ҁ (копа = 90); Костич, стр. 31.

[7] А. И. Яцимирский, Слав. рукоп. румынск. библ. (1905, Сборн. ОРЯС LXXIX), стр. 406; в издании, повидимому, опечатка: *нн* нм. *нн*, и опущен (писцом?) *н*.

[8] Б. Цоневъ. Описъ, стр. 102. Вероятно, в целях большего «затаения» и подобных записях группы слагаемых, составляющих одну букву, не отделяются от других, и титла умышленно не ставятся на буквах-цифрах, как это обычно принято.

новению целый ряд таких тайнописей: ср.ҁі да ср за ва.кі а рр ь = трети глась (л. 51 об.); рҁі да га лі за ва кі а рҁі ь = седми глась (л. 60 об.); мі гв га ѣ кі ѣ мі шрж = недѣлѣ пцж (л. 93 об.); аа ъ ррж в мл срж кі а ве а ҁі гк аа а = въ сѫботѫ лазарева (л. 99); гі ѕі мі да шр ь = конець (л. 109); лм ҁі мм ѕі га мл в мі за кк ь = преподобнимь (л. 152).

Если разложение на два слагаемых цифрового обозначения требуемой буквы можно считать наиболее ходячим в этой тайнописи,[1] то рядом с этим встречаем и отступления: иногда делается разложение на три, четыре слагаемых (как и в русских примерах);[2] повидимому, такие случаи встречаются уже позднее, с XVI в., как это можно видеть уже у Евстафия. Так, из того же времени идет запись на последнем листе Апостола Карловацкой библиотеки (Срем): кк а ррр да дд = матеи; или на доске рукоп. Соф. Нар. Библ. № 613:[3] в в д р р а(?) в в н н а а а а а = ...драга, или в рукоп. Рыльск. мон. № 2—22: ммввартрргассваннассръ = Пет(р?) зоуграфъ. В записи на Толковой Палее 1633 г., № 307 Хиландарск. мон. (в конце: Дамаскинь нид(а?)рраалеевверь = расодерь) о получается из четырех слагаемых: ллее = 30+30+5+5; если д не опечатка в издании (Зап. и натп., I, № 1248), то здесь следует видеть вторжение «греческой» цифровой системы (о ней ниже), по которой д заменяет собой *а*.[4] Костич (стр. 33) приводит еще пример из рук. XVII в. (Белгр. Нар. библ. № 46) для буквы *П* слагаемые: л л і і, т. е. 30+30+10+10.

Даже при указанном стремлении увеличивать число слагаемых, в данных случаях не трудно заметить, что прием «парности» одинаковых слагаемых остается привычным; заметен он и в тех вариантах (иное расположение самых букв), с которыми встречаемся и позднее: в рукоп. Соф. Синод. библ. № 28 (Евангелие XVII в.) находим такую запись: лелеііквке. хнхн н н е н н е ь.мм а рнрн ю, читающуюся, повидимому,[5] так: кон(а)ць

[1] Ср. Зап. и натп. I, 1529 из мон. Бешенова: ммддрра ѣѣддккъ = писа ѣнмъ (1656 г.).

[2] Старший указан П. А. Лавровским (Русское тайнописание, стр. 20) — 1456 года.

[3] Рукопись прежде числилась в Нар. Муз. н Софии за № 140, откуда передана в Народн. библ.; Б. Цонев (Опис, II, 1923 г.) относит ее к XV—XVI в. Костич, стр. 32, приводит только вторую половину записи, первая смысла не дает.

[4] Не будет лишним напомнить, что рукопись писана с русского извода (Ж. М. Н. П., 1896, IV, 64).

[5] Чтение Костича (стр. 33); запись, видимо, испорчена или страдает ошибками. Принимая чтение Костича, мы должны считать так: іі = 10 + 10 = 20 = к, лле = 35 + 35 = 70 = о, ке ке = 25 + 25 = 50 = н, ѕнѕн (вм. хн хн) = 450 + 450 = 900 = ц — все вместе: кон(а)ць; нні нні = 105 + 105 = 210 = сі (иначе: сі(е)); мм = м (т. е. должны полагать, что вместо двух м (что дало бы п: 40 + 40 = 80) следует взять одно, при том без титла, т. е. простую

сї(є) мат(є)ю; здесь, таким образом, применено сочетание четырех слагаемых, но все же «попарно». Кирилл Хоповац из Сараева дает в 1680 г. (рукоп. Муз. Сараевск. ц. № 16) ту же «парную» систему, только иначе

д клвлд
располагая слагаемые: дмїмлїъ кkгк деїкъ = инокъ мнєнїємъ.[1]

Есть еще одна особенность этой тайнописи, отмечаемая Костичем, которая значительно затрудняет чтение подобных записей, особенно если группы слагаемых для отдельных букв не отделяются промежутком одна от другой:[2] опускается следующая за слагаемыми буква обычной азбуки (остающаяся без затаения), раз она — та же, что̀ стоящая перед ней «слагаемая»; так, повидимому, надо объяснять пропуск букв в записях, приводимых Костичем (стр. 32): мм а лк нна сраєє ӓ=пан(к)ратїа (из рук. 1607 г. мон. Раваницы — Срем); ва аа нн дд Їєг(?)ік ъ=г(а)врии(?)лъ; на дд рр а= писа (рукоп. того же мон. 1581 г.);[3] писахъ грешни кекєнїїфлелєннъ = ник(и)форъ (рукоп. Киевск. Дух. Акад. 1656 г.).[4]

в) Иной тайнописный прием, также цифрового характера, представляет так называемая *описательная* система, где словами излагается порядок букв-цифр, составляющих слово, указываются действия, которые надо произвести с буквами, чтобы получить желаемую букву и самое слово, иногда указывается также общая сумма всех букв-цифр, составляющих слово. Происхождение этого вида для югославянской (как и для русской) письменности следует признать греческим: в нескольких нам известных примерах эта тайнопись представляет простой перевод с такой же греческой. Таким переводом является запись Филиппа на рукописях Диоптры, известная из русских и сербских списков, каков, напр., Сербск. Акад. Н. № 46 (109),

---

букву, а не цифру), а, рй рн = 150 + 150 = 300 = т — все вместе мат(є)ю. Е. Спространов (впервые изданший эту запись, Опис на ръкописите при св. Синод..., стр. 26) читал запись иначе: млм хн ха , но, по мнению Костича, ошибочно.
її іє сє Їсє глє глє ь

[1] Гласник Срп. Уч. Др. LXIII, табл. I, или Костич, стр. 33.

[2] Что обычно в подлинных записях; для облегчения чтения эти группы печатаются мною в большинстве случаев раздельно.

[3] Записи и натписи, I, № 765, ср. IV, № 6404; вторая надпись, видимо, искажена: группа їєг дает 18, т. е. ін; следует или вовсе выкинуть єг, или поставить єї?

[4] Записи и натписи, I, № 1524; первое и и ф остались не разложенными, т. е. не затаенными. Наконец, к той же категории системы разложения следует отнести «ложную» тайнопись в сербской по изводу рукописи XV в. (Пловдивск. Нар. библ. № 56 (88), по описанию Б. Цонева): єжє помози ми да сьвршим сєзи писанїє вьскрєсникь: аа вв гг дд єє ѕѕ нн ѳѳ ї+кои може прочести тиєзика слова да мꙋ поможє б҃ь вь вєки аминь. Здесь тайнописи никакой нет: приведены попарно в подражание ей буквы-цифры по порядку (поэтому в азбуке опущены б и ж, как цифрового значения не имеющие).

XVII в., л. 22 об.;[1] в той же рукоп., л. 97 об. читаем: **Съвраніе се ѡ ѐдинѡ҆ десетина педесетъ, и҆ ѐще еди҃ на триста, и еще петина на четири-десеть и҆ пакы ѿ ѐдинѡ҆ десетина на едномъ. и҆ двѣсте на осминоу. И сіи вси на еффата съвраше се, ѻ҆н же въсѣхъ ѿдолѣв ст҃се се**; если подставить вместо словесных названий цифры-буквы, получится: **інатеміаси** (т. е. ἡ (ἀ)νάθημ[ι]ά σοι). Наиболее же ранний из известных югославянский образец этой «описательной» тайнописи надо видеть, кажется, в записи инока Исаии в 1371 году (после сообщения о несчастной битве на Марице): он скрыл свое имя такими словами: **И име же вь иноцѣхь мене худаго аште хоштеши оувѣдѣти, начело томоу ѥсть осморичноѥ число, срѣда же двосотьноѥ и прьвоѥ, коньць же десетоѥ сь ѥдиниимь наконьчаваѥтьсе.**[2] Довольно старый случай (XV в.) такой системы встречаем в рукоп. молдавского письма Румынск. Нац. Музея № 356: **петорицо, със петьсто҆. и҆ съвъкоупи с҃ъ седедесеть и҆ прилѣпи, двѣ сто. къ ѿсми и҆ петьдесеть. и҆ на конець лихѡ. три десеть с҃ъ петь: і҆ съвъкупи с҃ъ седмь сто҆ и҆ петь-десеть. и҆ прилѣпи три сто кь десеть. и҆ на конець пети = Еф(р)осинъ Леѡнтіе.**[3]

Как простой, пожалуй, очень простой,[4] способ «затаивать» слово, эту тайнопись на практике пробуют осложнить, вводя в нее перестановки и арифметические действия: помимо сложения иногда и умножение. К перестановке искомых букв при описании рукописи прибег писец сербского Евангелия 1537 г. Румынск. Нац. Муз., № 284 **Мардаріе: рабь рабѡм христовѣмь, емоуже званіе есть: в начелѣ оубо къ прьвомоу четыриде-сетое обрѣтаетсе, срѣднее же сто и прьвое съвъкоуплаѥсе съ четврьтымь и на конци окрьсть десетаго сто петое обдрьжеще.**[5] То же дает **Авва-коумъ**, в 1608 г. писавший па Цетинье июльскую Служебн. Минею,

---

[1] Русский текст и греческий подлинник см. ниже; сербский — у Костича, Тајно писање у споменицима српским (Глас Срп. Ак. LIII), стр. 155; вторая запись там же.

[2] Запись идет с Афона. Приводится по изд. Ст. Нонаковића, Примери књижевности и језика старога и српскословенскога (Беогр. 1889), стр. 379; им же она взята у Миклошича (Chrestom. palaeosl., 1861, p. 40—41) по рукоп. Венской б. Придв. библ. XVI в. № 14, при чем правописание нормировано по сербскому изноду. Ср. Яцимирский, Рукоп. загран. библ. (Сборн. ОРЯС т. 98), стр. 145 и Зап. и натп. III, 43—44

[3] Яцимирский, Славянск. рук. Румынск. библ. (Сборник ОРЯС, LXIX), стр. 406: вм. *седмьсто* следует: *осмьсто*.

[4] Как образчик такой тайнописи можно привести еще запись на русской печатной книге 1735 г. н Хиландаре: **Діаконъ два і и осмъ сто и десять і҆и два .є и три і и конечнін слогъ иже есть ъ** = **Кγрілъ** (Зап. и натп., V, № 7706). Запись, может быть, русскан?

[5] Записи и натписи, III, № 5599. Букнально эту запись (изменив, конечно, правописание) дает писец — также Мардарий — среднеболгарской псалтири 1627 г. в том же Рум. Нац. Муз. № 358, л. 188 об.; см. Яцимирский, Слав. рук. Румынск. библ., стр. 260—261.

теперь библ. Серб. Ак. Н. № 13 (42): **Аще хощете оувѣдѣти име писавшаго кнігоу сію: прьвал дващи вторицею съвъкоупіи прьвоу и пакы дващи десетица къ четирищи соутоувѣн сторици и четырищи десетиць съ припрѣжениемь и сего слова ъ;**[1] чтобы получить *к*, надо помножить на два *і* (т. е. 20), *оу*—*р* на четыре, *м*—*і* на четыре. Такие осложнения «описательной» системы часты особенно в XVII веке:

1) **троица и единомꙋ дающоу ѿвѣт, пакы двоица и еще десеторогꙋба десетица осморицы ѿвѣт дающи, пакы троица вь десеторицы** (1633 г., рукоп. мон. Троицы около Плевля (Старая Сербия), № 29) = **гаврил**; предлог *въ* (как и ниже) указывает на умножение (3 × 10 = 30 = л), *отвѣтъ дающи* — на присоединение (3 + 1 = га).

2) **аще хощеши ꙋведети име писавшаго сїи прелевакь (?) брои сїе: петорица вь осморици, единомꙋ дающомꙋ ѿвет шестьдесетни, двоица и троица сь петорицею, и паки петорица вь осморици...** (Евангелие XV—XVI в. Серб. Ак. Н. № 144) = **Маѯім.**[2]

3) **троица вь двоици (и двоица?) и едйн вь двоици и двогоубнал сторица и тръгоубнал сътница и десетогоубнал петорица въ соугоубѣ, единомоу дающоу ѿвѣть и трьгоубнал сторица и петорица вь двоици** (рукоп. XVII в. мон. Плевля, № 15) = **Єѵстраті** (3 + 2, 1 × 2, 100 × 2, 100 × 3, 5 × 10 × 2, 1, 100 × 3, 5 × 2).

4) **петорица осморицею и десеторица седморїцею и осморїца вь единстви и двогоубно сатнїца і осморїца вь единстве** (1678 г., рукоп. мон. Крушедола) = **Моиси** (5 × 8, 10 × 7, 8, 100 × 2, 8).[3]

---

[1] Записи и натписи, I, № 970, Rad, Югосл. Акад., I, 178.

[2] Далее заметка: (некоемꙋ) мꙋжꙋ предстоещꙋ иже ꙋтансе ѿ грькь и роди се вь словенехь и действꙋеть вь грьцехь, вь срьблех же пребиваеть (Глас Срп. Акад., LIII, 156). В отличие от Др. Костича, я понимаю эту заметку в смысле указания на то, что эту тайнопись писец считает славянской по происхождению (роди се), употребительной у сербов (пребываеть), перешедшей и к грекам (действуеть); *утаисе* в таком случае следует относить к изобретению: оно не имело места у греков. Ср. Зап. и натп. I, № 1249.

[3] Все примеры взяты у Костича, стр. 35—36; ср. Зап. и натп. II, № 4445, I, № 1745. Вследствии, вероятно, сложности синтаксического строения и искусственности терминологии, многие из подобных записей ошибочно составлялись писцами, что подчас делает чтение записи сомнительным, а иногда для нас и недоступным. Так, Костичем приводится пример записи на рукоп. мон. Николье (округ Рудника) 1671 года: Писави рꙋкою грѣшнїи име мꙋ обрѣщеши хажи: троица въ единстве, и един въ двоици, десетица трьгꙋба и троица въ единстве, петорица сꙋгꙋбо и троица въ двоице, слꙋжитель и кныгографь (ср Записи и натп., I, № 1665) — и предлагается чтение: евлогїе, но с поправками и разложением суммы нм. сложения; чтение не надежно ввиду необычности и произвольности толкования одних и тех же выражений различно; с другой стороны, читаемая применительно к обычному для других способу запись смысла не дает (получается: гвлгїѕ). Совершенно не поддается вследствие неясности смысла описания, а может быть, и порчи запись на Евангелии 1544 года, № 24 мон. Зографа (Зап.

Приблизительно, разумеется, может быть разгадана запись в том случае, когда дается только общая сумма слагаемых, составляющих слово, без указания этих слагаемых, и общее число букв, из которых состоит это слово:[1] могут найтись разные слова, сумма цифр-букв коих будет одна и та же при одинаковом числе самых букв; такова, например, тайнопись в записи на рукоп. мон. Хопова от 1610 г.: **шестъ писмен, и въсеҳ шесть разно и счистъ и обрѣщеши сто и шедесет и една;**[2] это имя может быть: **Андреа**, сумма цифр которого дает 161, букв шесть, но не все разные.[3]

г) Особую разновидность «цифровой» тайнописи представляет та, которую можно назвать, по ее внешнему виду, *точечной:* суть этого способа заключается в том, что к обычной нужной букве прибавляют или от нее отнимают одну, две и т. д. единиц (десятков или сотен) ее цифровой значимости и пишут результат этого полученной буквой, обозначая точками, сколько к ней надо прибавить или от нее отнять, чтобы получить обычную нужную букву; прибавление обычно указывается вверху, вычитание — внизу буквы; так, *л* в тайнописи обозначается к̇ или м̣, ķ будет обозначать простое *і*, ф̇ — *х*, ç — *р* и т. д., s̈ — *и*, т̤ — *р* и т. д.: изредка в том же значении точек употребляются значки вроде ˇ над буквами. Судя по тому, что все известные до сих пор записи, сделанные этим способом, идут из Босны, точнее из Сараева, а с другой стороны по тому, что способ этот не встречается ни в русской письменности, ни в греческой, а помещением над буквами и под ними точек (одной, двух, трех) такая запись по внешности напоминает манеру турецкого письма, может быть, можно предполагать, что этот вид тайнописи — специально не только сербский, но и боснийский и даже сараевский; «турецкая» манера письма, скорее всего, могла явиться там же, где явился «турецкий» алфавит, упомянутый выше[4] (стр. 17);

и натп., IV, № 6261, ср. Изв. Русск. Археол. Инст. в Константинополе, XIII, 259): **аще хощеши оувѣдѣти и име писавшаго сію книгоу, и се напнсоую: изчет Ѿ словесь. ѕ҃. три писмена имать съгласна и трое же сложно послѣдни и срѣдни по три писмена имат кааждо. проча вещьща. въсе о число есть едино въ сѫгоубѫ. и двоица двощ петорицею, троица въ двоици тисоуіць. три кь троіци. петорица вь wсморици. и шесторица въ петорици. . . .**

[1] Обычно эта общая сумма дается в заключение подробного описания цифр загаданного слова и является как бы поверкой правильности данаемого этим описанием, как это видим, например, в упомянутой выше записи на Диоптре: здесь имя Филиппа (в греч. форме: Φίλιππος), выводимое из описания, дает, действительно, сумму цифр 980.

[2] Костич, стр. 36; Зап. и натп., I, № 993.

[3] Костич, ук. стр., считает возможным читать здесь и **Нікола**, допуская ошибку в сумме цифр (161 вм. 181).

[4] Применение точек именно в таком значении, как в данном случае, известно, правда, и в русской поздней тайнописи; но там они применены не к буквам, заменяющим цифры, а к цифрам, при том арабским, заменившим буквы: оба применения могли возникнуть независимо друг от друга.

судя же по времени дошедших писанных этим способом записей, можно способ этот считать довольно поздним:[1] он не старше второй половины XVII века. Старшая из известных таких тайнописей — 1682 года — в рукоп. Музея Сараевской церкви: здесь в разных местах Счетной книги повторена этой тайнописью запись: «Тефтер црква сараевские», при том с разнообразными комбинациями в обозначении букв; наиболее характерная имеет такой вид: ȣ̣ є ȣ ȣ г̈ п̈·ѱ̈ ч λ ѧ з̣̇·р̇ ѧ ρ ѧ є ѧ̇ р̇ λ̣ з̇ є (Костич, стр. 37); такая же запись того же года на Сараевской рукоп. № 21: монахиѧ г̈ т̈ з̇ λ̇ з̇ ѧ = Єфимиѧ. Как в первой, так и во второй некоторые буквы остались не замененными: в первой — ѧрѧє, во второй также — ѧ. По той же системе, но выдержаннее, сделана запись на известной Сараевской Кормчей XIV в. (№ 7) рукой не ранее конца XVII в.: Сїю книгȣ прочитахъ азъ грѣшнихъ (грѣшникъ) ф̤ с ѕ̇ р̇ ф̇ н̈ ѱ̤ ѯ̇ т̤ ъ ж з̇ с в̣ к̈ д̣ р м̣ з̇ ѣ ъ, т. е. Христофоръ Житамисли̇ѣъ.[2]

Тот же прием, с сохранением некоторых букв не замененными, находим и в более обширном тексте — «Беседе трех святителей» — в виде ответов на вопросы: (Вопрос) Мȣжь мои отьць твои. и ѡтьць твои отьць мои. Аз же мати твоѧ сестра ти се наричȣ. Такь. Кос р̇ас̇ор̇з̇ г̇ес̇ицнь са гацнд̇р̇ѕ̈ю р̇вод̇ю р̇ие рд̇че мӑрӣ (sic!) о̇срочд̇іт̇ь, т. е.: Лот сатвори детицнь са дацнерию своею сие рече мари отрочедȣ(ь). Точки, повидимому, в оригинале (а может быть, в издании?) не везде и не всегда правильно помещены над той буквой, где им следует быть. Так же с такими же недочетами изображены ответы и на другие вопросы: адамь, предтеча, петр апостоль, голȣбь послань ѿ ноѧ из ковчега. Преобладал при письме способ, повидимому, прибавления, но есть и случай вычитания: адамь написано: леа̇ль, правильнее было бы: ац̣а̇ль.[3] Наконец, встречается эта тайнопись с заменами обычных букв по этому принципу, но без обозначения точками этих замен (что̀, разумеется, еще более затрудняет, как определение, к какому типу должна быть относима запись, так и ее дешифрировку и по установлении ее принадлежности «точечному» типу); такова запись 1763 г. в рукоп. мон.

[1] Напоминающие точечную систему по внешности тайнопись Люблянской библиотеки 1599 г. (ср. Яцимирский, Описание рукоп. заграничн. библ. — Сб. ОРЯС XCVIII, 173) и запись 1653 г. на Служ. Минее мон. Зографа № 94 (см. рис. 19) общего ничего, кроме наличия точек, не имеют с «точечной» системой.

[2] Споменик, XXX, 39, осталась не раскрытой; напечатана с ошибкой н вм. ї и прочтена — Глас Срп. Ак. LIII, 157—158, ср. у Костича, стр. 37: он относит запись к половине XVIII в. Другие записи такие же 1687, 1689 и 1693 гг., с указанием изданий, см. там же.

[3] Рукопись, бывшая митр. сербского Михаила (теперь в Белгр. Нар. библ.?), частью XVII, частью XVIII в., идет из Македонии, была одно время в Сараеве; но второй ее части, XVIII в., и помещена «Беседа». Отрывки из нее с тайнописью напечатаны в Споменике, XV, 4.

Дубочицы (близь Плевля): сїе чертах азъ грѣшни їером. м ѡ л ѯ е з л ъ т҃, что̀ должно обозначать: нїкодимъ, т. е. по системе должно быть изображено так: ṁ ҫ̇ л ѯ е̣ з̇ л̣ ъ.[1]

д) Наиболее распространенным на юге славянства и в то же время наиболее развившим варьянты видом «цифровой» тайнописи, несомненно, следует признать так называемый вид *греческий*;[2] вместе с тем он, судя по дошедшим его образцам, должен быть сочтен наиболее ранним среди других известных нам видов югославянской тайнописи (со второй половины XIV в.); по всей вероятности, он появился впервые на Афоне, откуда и распространился по югу славянства, проник также и на русскую почву.[3] Главное правило этой «греческой» тайнописи очень не сложно в своей основе:[4] взаимно заменяют друг друга буквы, числовое значение коих дополняет до 10, 100 и 1000. Таким образом получается для этой тайнописи следующий ключ:

аѳ = 1+9	іҁ(ч) = 10+90	рц = 100+900
ви = 2+8	кп = 20+80	сѡ = 200+800
гз = 3+7	ло = 30+70	тѱ = 300+700
дѕ = 4+6	мѯ = 40+60	ѹх = 400+600
[ее = 5+5]	[нн = 50+50]	[фф = 500+500]

Остальные буквы азбуки, как не имеющие цифрового значения, а равно е, н, ф (как половины десятка, сотни и тысячи, «сами себя» заменяющие), остаются по нормальному правилу без изменения в тайнописи. В результате такой схемы замен получается довольно значительно число букв славянской азбуки, которые остаются без замены иными, остаются не «затаенными» (что̀ в иных словах не давало, конечно, достаточно тайны, и всей записи); с другой стороны, эта «греческая» схема утрачивала у славян постепенно свою связь с цифрой, так как в написанном ею не бывало види-

[1] Записи и натписи, II, № 3234. Что значит т҃, не изнестно.

[2] Так его назнал И. И. Срезненский: Замечания о русской тайнописм (Зап. Ак. Н., XIX, 2, стр. 237).

[3] Костич, стр. 40.

[4] Основу этой тайнописи впервые давно еще угадал в греческих текстах Порфирий Успенский (Перное путешествие на Афон, стр. 254), формулирован ее так: «(подпись построена) посредством обращения букв *в цифры*, напр., ϑ — 9, ν — 50, π — 80. . . . и посредством *вычитания* этих единиц, десятков и сотен из десятков, сотен и тысячи, и обращения вычтенных чисел в буквы же, напр., 9 — α, 50 — ν, 80 — κ. . . .». Но это открытие прошло незамеченным, и западным палеографам пришлось внонь его делать (Gardthausen, Griech. Paläogr., 234—235).

мых указаний на эту связь: буквы, ставшие на место настоящих на основании цифрового своего значения, титлами (отличающими в обычном письме букву-цифру от простой буквы) не накрывались. В этих двух обстоятельствах, надо полагать, лежит объяснение дальнейшего развития — уже на славянской почве — греческой тайнописной системы; это развитие мы в состоянии до некоторой степени проследить на основании сохранившихся, довольно многочисленных примеров, идущих со второй половины XIV века и до конца первой четверти XIX-го.[1]

В старших записях и спорадически до конца XV или нач. XVI в. чувствуется еще связь этого вида тайнописи с цифровой основой греческой: об этом можно судить по тому, что в них встречаются, с одной стороны, греческие по начертанию буквы, специфически греческие численные знаки (рано в славянской письменности замененные славянскими, каковы: ϙ = 90 — *ч*, ϡ = 900 — *ц*); таковы, например, записи: затаенное имя Никонь, где вместо обоих *н* (остающихся по правилу без замены), писец, не желая, видимо, облегчать отгадки, написал большое курсивное греческое ρ,[2] и запись XV—XVI в. (собр. Гильфердинга в Ленингр. Публ. библ. № 49, л. 128 об.), где вм. ожидаемого *ц* (= *р*) поставлен греческий знак для 900 (ϡ).[3] Но во всяком случае уже в средине XV в. югославянские писцы в этой тайнописи в большинстве случаев более не подозревают цифр, на которых она основана, а видят в ней буквы, которые условно заменяют друг друга. Этим объясняется появление *ключей*, где в азбучном порядке даются замены простых букв «тайными», т. е. видят здесь тайнопись не цифирную, а какого-либо иного типа (хотя бы «простую» или «хитрую» литорею): иначе, ведь, помни они цифровое основное правило этой тайнописи, им не было бы никакой надобности в особом ключе; правда, один из таких ключей (рукоп. Соф. Нар. библ. № 80, л. 35) едва

---

[1] Драг. Костич в своей внимательной монографии «Тајно писање у јужнославенским споменицима» (1913) собрал с почти исчерпывающей полнотою эти записи по «греческой» системе, давши в конце сводную наглядную таблицу, как самых записей в их хронологической последовательности, так и обзор тех изменений, которые эта тайнопись испытала на пространстве почти пяти столетий. То немногое, что̀ стало известно уже по выходе книги Костича, не нарушает его выводов и вводится нами по мере надобности в наш обзор, построенный, естественно, главным образом на основании труда Костича.

[2] Рукопись с 1442 годом, в частных руках, идущая из Старой Сербии, приводится Костичем, стр. 44 и на табл. № 9.

[3] Запись идет с болгарской территории; Костич, стр. 41, табл. № 5, неизвестно, почему относит ее к XIV—XV веку, вместо XV—XVI-го (см. Отчет Публ. библ. за 1868 г., стр. 98—99).

восходит по времени написания к XVI веку (скорее, к XVII в.), другой (Белгр. Нар. библ. № 491, л. 186) несомненно XVII в. Вот эти оба ключа:[1]

I.

а̃ се̏ фїнѡ̓ти

ѧ	в	х	р
а	и	ꙋ	ц
б	п	ф	ѯ(є)
б	к	ф	н
и	є(о)	ꙋ	ш
в	л	х	ш
з	ч(ѯ)	ь	щ
г	м	ь	щ
ѕ	є	ѿ	ꙗ
д	н	ѿ	ꙗ
н	л	с	ѣ
і(є)	о	ѡ	ѣ
ж	к	т	ю
ж	п	ѱ	ю
д	ц	м	і
ѕ	р	ѯ	і
г	ѡ		
з	с		
	ѱ		
	т		

II.

а се̏ є̑ фиѡдь. гори̑ слова́ зри̏ и̓ внїма̏.

ѧ҃.	ж҃.	и҃.	з҃.	ѕ҃.	н҃.	б҃.	д҃.
а.	б.	в.	г.	д.	є.	ж.	ѕ.
г҃.	і҃.	в҃.	п҃.	о҃.	ѯ҃.	є҃.	л҃.
з.	і.	и.	к.	л.	м.	н.	о.
к҃.	ц҃.	ѡ҃.	ѱ҃.	ч҃.	а҃.	ѿ҃.	ь҃.
п.	р.	с.	т.	ꙋ.	ѧ.	ф.	х.
х҃.	ф҃.	с҃.	т҃.	м҃.	р҃.	ꙋ҃.	щ.
ь.	ѿ.	ѡ.	ѱ.	ѯ.	ц.	ч.	ш.
		ш҃.	ю҃.				
		щ.	ѣ.				

---

[1] На первый ссылается Др. Костич, но ключ не был издан (см. у К. табл., № 54). Писан он небрежно, с ошибками; даю его по рукописи, приведя в порядок и в скобках внося исправления: каждая пара букв в столбце, считая сверху вниз, и есть указание на замену; буквы не подлежащие замене, писаны писцом дважды — одна под другой. Память о цифровом значении букв сквозит в том, что буквы кое-где покрыты титлами, но ими же покрыты и буквы, численного значения не имеющие (*ш, щ, б, ю*. . . .); поэтому в издании титла откинуты. Второй ключ также не был издан; он писан лучше, но он дает уже *свои* замены; печатаю его также по рукописи точно. Старший же из известных, но не полных ключей (почему Костич называет его «полуключ»; см. стр. 42 и табл., № 2) — много старше: быть может, он относится ко второй половине XIV века (сербское Евангелие Ленингр. Публ. библ. О. п., I, 44) или, вернее, к нач. XV (писан на свободной части праного столбца л. 1 об., непосредственно за текстом, иной рукой, нежели рукопись); здесь дана только односторонняя замена: *ѧ б и з ѕ е ж (м?) д г ї в п о ѯ н л к ц ѡ ѱ л ү ф х ь ѡ р с т* иначе: а — е, б — д,

Как видим, в ключах дана уже азбука буквенная (хотя и с разбитым порядком); оригинального сравнительно с «нормальной» (по основному правилу) цифровой тайнописью только то, что внесены буквы, замене не подлежащие (*б*, *ъ*, ѡ, *ш*, *щ*, *ꙑ*, *ѣ*, *ю*),[1] но остается не заменяемым *і* (которое по норме участвует в заменах с греч. ϛ или слав. *ч*); отсутствует в первой азбуке и ч(=90), так как оно, встретившись только раз, дано по ошибке вместо ѯ; рядом с этим ключи идут уже из того времени, когда установилось не только чередование *е* и *н*, но даже *і* и *е* (о чем ниже).

Раз понимание цифровой системы стало таким, ясно, что дальнейшее развитие тайнописи сводилось к стремлению найти замены (как для специально греческих цифровых знаков нашлись в славянской азбуке свои замены) по возможности и для всех славянских букв, первоначально не имевших таких замен.

Старшая из известных нам записей по «греческой» системе, еще сохраняющая «основное правило», это — запись на известной Сараевской Кормчей № 7, 1371 года[2]: ѡв бльжьѡѱины (лχѱинві) кѣѡньнрь (кѣѡноирь) ндквѡд ѡє бодзлѡѱвилв (бозлѡѱвилв) в ѵцьѡѱлоюбвилв (ѵцѡ...) вь (в) кцѣнвѡлплв злѡзв ѕєѡклѱврв (гєѡ...) пχца (пχцд) єлєнѣ (єоєнѣ) нь оѣѱл щєѡѱв ѱвѡлχщно (шєѡ. . . .) сѡѯвѡѱьно (сѡѯвѡьил) ѡєѕьѵь (ѡ єѯь) ѕєѡѱєѱѕє (гєѡєѱь в҃ъє) = Сѥи божьствны (оу)бо (б҃ствнні) пѣсньць (пѣснл҃вць) написа сє благостивои (бл҃чостивои) и хрыстолюбивои (хр҃с. . . .) и прѣвисокои гос[по]ги (чосчи) деспотици кура єлєнѣ вь лѣто шеститисоущно ѡсмисьтно (. . . .съть) седьмьдесеть (восемьдесеть) дє (и д҃ є).[3] Как видим, в записи система выдержана исправно по старой схеме (*н* и *е* и буквы, не имеющие цифрового значения, остались без замены). Так же хорошо

в — и, г — з, д — ꙃ, е — е и т. д. И здесь помимо букв, не имеющих цифрового значения, остаются без замены: *е*, *і*, *н*, и греческие цифры (ϛ, ϟ, ѱ) отсутствуют. Греческий ключ по образцу коего может быть, писались славянские, нашелся в рукописи XIII в. (см. Гардтхаузен, ук. соч., стр. 235), и процесс забвения цифрового принципа тайнописи и у греков представляется аналогичным славянскому. Б. Цонев (Опис. . . . . I, 176) указывает в сборнике Соф. Нар. библ. (№ 274—542), 1639 г. на л. 5 об. еще ключ: «има един тайнописен ключ системи I: замѣна на буквитѣ по редове (4 реда от по 11, 10, 10, 7 букви)». Непосредственно этот ключ остался мне неизвестен.

[1] ѫ, ж, ъ нет, так как азбуку писал серб; может быть, потому же пропущено ꙑ.

[2] Об этой рукописи упоминают все, кому приходилось иметь с Сараевскими рукописями: М. Вукичевиħ, Из старих србуља (Гласник Зем. Муз., XIII, I, стр. 31), А. И. Яцимирский, Љ. Стојановиħ, И. А. Шляпкин и др. (см. Споменик, XXX, 39; Библиогр. Летопись, II (1915), 27; Зап. и натп., I, № 132). Ввиду того, что в изданиях запись читается не одинаково, привожу ее в чтении Љ. Стојановиħа (Споменик, XXX), а в скобках — чтения И. А. Шляпкина (Библ. Лет.).

[3] Оба чтения, как самой записи, так и раскрытия ее, ясно, страдают неточностями, ошибками и, может быть, опечатками, но все же кое-где исправляют друг друга.

выдержана небольшая запись на л. 340 сербского списка Синтагмы Властаря б. Новоиерусалимск. мон. (Историч. Музея в Москве) библ. № 27: ✝ к л ѯ в о х в ѯ е в҃ е к л и е о в р ѣ в ѯ в о ͯ ѡ ѱ в ѱ и л к в: = помилуи ме б҃е по велицѣи мил°сти твоіи.[1]

Сюда же следует отнести и упомянутую выше запись писца рукоп. Гильф. № 49 (впрочем, не вполне читающуюся): ѡвѐ ѡ́лил ндквѡд ѧ̀пддниы ꙋ҆ѳ҃епл: — = сиѐ сло́во написа ѡ̀кланиы.. (?) ѐко.

Для XV в. можно привести запись на Панагиреке 1425 г. Церковно-историко-археолог. Музея при Синоде (в Софии), № 182: клиѣоенвеѯь зидкдѱцвдцꙋд пц' нвплид (?кв)ѡд ѯ(н)лѯлзцеш(=ш)нв ѕвдпъ днъѕцѣд в ѕд зд кцлѡ҆ѱв дѯвнъ: = повѣлениемь г҃на патриарха кр' никона (пи)сä м(н)огогрешни диакъ анъдрѣа в҃(?) да га прости аминъ.[2]

Эта система, несмотря на некоторые ее неудобства, указанные выше, довольно долго, однако сохраняется неизменной, вероятно, не в центрах письменности (напр., на Афоне), а главным образом на окраинах югославянской территории; так можно думать потому, что этим объясняется то, что даже такой любитель тайнописи, как Путненский Евстафий (на Буковине), пользуясь «греческой» системой в начале XVI в., все еще держится ее довольно последовательно, оставляя не замененными *е*, *н*, *ф*, даже *і* (как в приведенном выше ключе).[3] Вот несколько образчиков его «греческой» криптографии из рук. Щук.: 1) ѐѡѯвзоꙋѡ́ь — ѡ҆сми́ гл°сь (л. 62); 2) нд́цсжѕеѡѱилѵ҃ис — на́ рѡжество̀ х҃вѡ (л. 95 об.); 3) ндиъгне́ѡенвѐ — на възнесениѐ (л. 93); 4) (нъ(д?)ѱж'жѕекцдг°впь — на т҃жже празн҃икь (л. 139); 5) пл недь. пц́дѱвѯхѡиеѱсѯхїӧднх ѡхчди́ѡпсѯх — конець[4] кратимоу свѐтѡмоу їѡаноу соучавскѡмоу (л. 140); 6) ѡѱе́оуецд в҃сцсѕвчпж — сти́хера в҃ѡрѡдичнж.[5]

Образец из XVII в.: клкдѐсдпвкквѡд г҃ ц҃ л҃ д҃ мц҃а їѡ. а҃в(?) = попа і҆ѡаки писа ҂з р о ѕ (7176—1668) — Евангелие № 14 болг. Рум. Акад. Наук.[6]

---

[1] Запись сделана рукой писца всей рукописи; поэтому должна быть отнесена вместе с рукописью к концу XIV в. (а не XIV—XV, как у Костича, табл. № 4); рукопись идет с Афона, откуда привезена в Москву Сухановым в качестве подарка патр. Никону от игумена мон. св. Павла.

[2] Ив. Гошев, Стари записки и надписи — Годишник на Софийския Университет, VI. Богословски факултет (София 1927), 350.

[3] Ключ к тайнописи Евстафия см. в указанной выше статье Калужняцкого, стр. 292.

[4] В тайнописи ошибка: *д* вм. *р* по «простой» литорее.

[5] Здесь опять такая же ошибка: *п* вм. *н* по «простой» литорее.

[6] Яцимирский Слав. рук. Румынск. библ., стр. 108 (с ошибками).

Изредка встречается эта же первоначальная система, уже при господстве видоизменений, и позднее и на сербской, и опять на валашской территории, как об этом свидетельствуют записи 1766 и 1788 гг.[1] В самом конце XVIII в. эта же старая система как будто опять оживает на Афоне, а также в Болгарии и Валахии, вероятно, независимо от старой вновь перенесенная непосредственно из греческой письменности, как можно предположить из греческой по языку, но писанной славянскими буквами записи на рукописи XVIII в. Соф. Нар. библ. № 344: **Знáтися какѡ̂ а҆́зъ чет8хъ на та́зи кни́га на летѡ ҂аѱче 1795 мц҃а маїа д҃нь 25 езѡ зецдѿвѯлѿъ дкл ѱл дзкѡ̂нъ ѡцлѿъ дкх ѱл 8вовнѕдць ѯдндѿвць ѿ хр҃та летѡ ҂аѱч е.... = егѡ герасимосъ апо то агиѡнъ ѡросъ апоу то хилиндарь манас(т)ирь.**[2]

Последующие замены одних букв другими не по первоначальному правилу (в чем выразилось развитие этой системы тайнописи) могут быть сведены более или менее к таким группам.

1) *Е—Н*. Часто встречающиеся в словах буквы *е* и *н* особенно нуждались в заменах для придания большей тайны написанному; такого рода попытки замен *е* и *н* начинаются, кажется, довольно рано, уже в XV веке: так на Златоустнике мон. Крушедола в записи 1457 г. из Смедерева (Костич, стр. 45, табл. № 12) дьяк Степан скрыл свое имя таким образом: **ѡѱѿкдюь**, т. е. вм. *е* поставил ѿ (которое, при наличии ѡ = 800, места в криптограмме этого вида не находило) и вм. *н* — *ю* (на том же основании). Ту же замену видим в записи 1531 г. по рукоп. Сербск. Ак. Н. № 291.[3] Встречаются в это время и другие замены *е* и *н*, напр.: 1) рукоп. Слов св. отец 1468 г. мон. Трескавца: **Ѧвплод** = вероятно, **Никола** (т. е. *н*—*а*, Зап. и натп. I, № 332); 2) рукоп. № 432 (634) Соф. Нар. библ. (известный Дриновский сборник с Синодиком ц. Борила) XVI в.: **пи҃ а҆́зь грѣшни р8кою граматикь именемь дрзїодпь** (л. 217 об.) = вероятно, **Ѧнгелакь** (т. е. *р* вм. *н* и *і* вм. *е*); 3) в рукоп. 1591 г. мон. Доволье (Новопазарский санджак):[4] **ѱцхѕв8ѡнсѡфѯі** = **троудихсе ѡ семь** (т. е.

---

[1] У Костича, табл., №№ 118 и 119.

[2] Взявши ѿ = ѡ (800), как оно встречалось в обычном письме, писец ставит его вместо с согласно правилу, поэтому ѡ оставляет незамененным и дает таким образом дублет к л = с. Запись издана у Цонева, Опис.... I, стр. 362, но с ошибками (н вм. к), которые здесь исправлены.

[3] Костич, стр. 45, табл., № 23; к сожалению, запись издана уже в раскрытом виде. (Зап. и натп., I, № 465; ср. Каталог рукописа Ак., стр. 30).

[4] Она была в руках у А. Ф. Гильфердинга; см. Костич, табл., № 37.

вм. *е* не только *н*, но и *ф*); 4) то же в записи 1677 г. славянскими буквами по румынски.[1]

Наконец, самый естественный способ «затаивания» *е* и *н* заключается в простой из взаимной их смене, что̀ мы, действительно, и находим уже в начале XVI в., как явление обычное, вплоть до конца XVIII.[2]

Процесс замены *е* — *н* распространяется и на другие буквы, не только остававшиеся первоначально открытыми, как не имеющие места в цифровой тайнописи. Часто замены эти носят характер или местный, или же индивидуальный, и особенно часты они в XVII в., обильном тайнописями.[3]

2) *Ф*. Первоначально *ф* (500) по правилу, естественно, оставалось без замены, и, как вообще редко встречающееся в славянских словах, оно так и осталось без замены; но в редких случаях и оно получало заместителя, и, кажется, только в XVII веке, в виде *н* (в Валахии) и ѿ (на Афоне), как можно судить по двум примерам: 1677 г. в упомянутой румынской записи славянскими буквами (ївфи = cine) и в ключе по рукоп. Белгр. Нар. Библ. № 491 (см. выше). Повидимому, в связи с этой заменой стоит и обратная: *ф* вм. ѿ в рукоп. Загребск. Акад. Н. 1602 г. (из Подринья);[4] кроме того, *ф* кое-где заменяет собой *ъ*.[5]

3) Ї. I с одной стороны заключает в себе сумму первого десятка, а с другой — в качестве дополнения к ҁ или *ч* (90) начинает собой сотни; это несколько своеобразное положение его среди других букв-цифр обусловило его судьбу: с одной стороны, оно оставалось без замены, в качестве звука, в старейших записях (какова упомянутая в Сараевской Кормчей 1371 г.), с другой — чередовалось с ҁ и *ч* (как славянской заменой греческого цифирного знака). Это чередование и встречается изредка, но довольно рано (в XV в.), кажется, на Афоне: квѡд цдиход оусѱе ѯьгзх ҁѯѣѱв = писа равоула хѡте мьздоу їмѣти (Споменик, III, 200 — полная запись),[6] и позднее: йь оѣѱл г҃.ц҃.ҁ. = вь лѣто ҂з҃.р҃.ї (7110—1602).[7] Вполне есте-

---

[1] I. Bianu, Catalogul manuscriptelor româneşti, II, 2, стр. 243 (по Костичу, стр. 46, табл., № 85).

[2] Таковы записи 1510, 1543 гг. — обе из Старой Сербии (у Костича, табл., №№ 18, 26, 27).

[3] Одной цифровой («греческой») из общего числа 125 записей, собранных на таблице Костича, на долю XVII века приходится свыше 60-ти.

[4] Споменик. XXXVIII, 132.

[5] Костич, стр. 49, табл., №№ 92 и 114: болгарские записи 1696 и 1754 гг.

[6] В той же рукописи (Венск. библ. 144 (31) на л. 450 об. запись того же Равулы мниха с путаницею (или только в издании?): ѯвв^х = мнн^х (Яцимирский, Опис. рукоп. заграничн. библ., 20).

[7] Б. Цонен, Опис.... I, 447, читал ошибочно: 7090—1582 (добавив, впрочем: «ако не е грѣшка»; если есть «грѣшка», то его, а не писца); Костич, стр. 48, читал правильно.

ственна в этом случае замена *і* через *ч*, но и обратно: **ѡ҃ѯєцнв ꙁдицчвоь дазчвї = смєрни гавріиль дадїич** (Споменик, III, 166).[1] На сербской территории встречается и еще одна замена в записи 1650 г. (из Санджака, на Верхнебрезницком Хронографе собр. Шафарика в Праге, № 29, л. 329 об.): **много потрудив сє. . . . . многогрѣшныи ꙁдицвьої вєопї = Гавриїль инокь**, т. е. взаимная смена *ѣ* и *і*.[2]

4) *М* — ѯ. Обычно выдерживаемая взаимная замена *м* и ѯ к концу XVI в., насколько можно судить по записям, дает спорадически рядом со старой и новую: **сѡфѯь. . . . . тчнѡѿд = ѡ сємь. . . . ѿ мєста**, т. е. *ч* вм. ѯ, которое в той же записи на своем месте (зап. 1591 г., Костич, стр. 49, табл. № 37); такую же замену предполагает приведенный выше ключ (Соф. Нар. библ. № 308). Из XVI же века есть пример и для замены *ч* через *м*: **ѡъквѡ҃д ѡ҃вн б҃жъѡѱнєлн ѡ҃олил чєлзлзцншєв клкь с҃вцнѱнєъ с҃ мнчѣшь = съписа сиє б҃жъствноє слово многогрєшни попь ѡ҃брєтєнъ ѿ чємишь** (Соф. Нар. библ. № 90, Опис. I, стр. 165, рукоп. сербская). Ту же замену (помимо других) дает запись на Прологе № 178 Зографск. мон., помещенная под записью 1656 г. обычной «греческой» системой: **квцін нє҃дєъ ѡ҃вю ѡ҃олй҃д псв хѯнк ꙁд ѕвмдѱн д псв єн хѯнк ꙁд ѡдмхꙁв = пишє ни҃ѡ҃анъ сиꙗ слова кѡи оумєк да читатє а кѡи нє оумєк да са чоуди.**;[3] если чтение правильно, то имеем, помимо взаимной смены *е* — *н*, также *щ* вм. *ш*, ѯ вм. *м*, *м* вм. *т* (при обычном ѱ вм. *т*), *м* вм. *ч* и ѕ вм. *ч*. Повидимому, эта взаимная смена *ч* и *м* не получила распространения: более ни во второй половине XVII в., ни позднее она не была встречена.

5) *С* — Ѡ. Взаимная смена *с* — ѡ выдерживается довольно последовательно, и только в XVIII в. вм. *с* — ѡ появляется *с* — ѿ (видимо, под влиянием обычной графики, где ѡ (особенно ѡ҃) начинает путаться с ѿ, преимущественно в босанской письменности), как это можно видеть по приведенной выше (стр. 33) славяно-греческой записи 1795 г. (Цонев, Опис. . . . . I, стр. 362).

6) *Т* — ѱ. Смена *т* — ѱ редко подвергалась изменениям: случай замены *т* через *м* мы видели выше (Зографск. зап. 1656 г.); встречается довольно рано спорадическая замена через ѿ: **ѡѱцдѕвєю тчнѡѿд = Ѡтрахиню ѿ мєста**: *т* = ѿ, ѿ = *т* (1591 г. — Костич, стр. 50, табл. № 37 —

---

[1] Рук. Унд. (б. Рум. Муз.) № 75. Рукоп. нач. XIV в., сербская — в записи о хождении в Иерусалим в 1561 г. (ꙁѯд) из Сараева. Л. Стоянович в первом слове ошибочно печатал *и* вм. *н*, но втором *і* вм. *ѣ*, а Костич неверно привел год: 1661.

[2] Споменик, III, 97 (Костич, табл., № 71).

[3] По фотографии, сообщенной П. А. Лавровым.

из Санджака); в записи 1602 г. (также из Санджака):[1] е҄жн тмъѿнл зцоѣь к гн҄оѡ ҄лѿв = ем(ꙋ)же ѿчъ(с)тво гроѣь и землю мати: *т* = ѿ и ѿ = *т*. Также спорадически вм. *т* находим румынскую букву ⴵ (если только это не повернутое вниз головой ѱ): ҁцѣшнѣ ⴵлѕлцѣ = грѣшни тодорѣ (Соф. Нар. библ. 680 (303), серб. XV в., л. 349 об. внизу — Цонев, Опис.... II, 216).

7) *Д* — Ѕ. Замена *д* — *ѕ* нарушалась только в Молдавии и Валахии в виде замены *д* через *з* (вм. *ѕ*) потому, что оба звука, *з* и *ѕ*, спутались в живом произношении, а затем и на письме уже в XVII в.; встречена была эта замена в двух случаях в румынских по языку и славянских по письму записях 1677 и 1736 гг.[2]

8) *Ч*. Если в старейших криптограммах, еще помнящих ҁ (греческий знак для 90), *ч*, как не имевшее первоначально цифрового значения, остается не замененным до довольно позднего времени, то с XVI века рядом с сохранением его встречаются довольно разнообразные его замены: через м (наиболее ранняя и частая замена), через і, ҄, ꙋ, ф, ѿ и даже через к, при чем разные замены применяются иногда одновременно в одной и той же записи. Впрочем, большинство этих замен носят или теоретический характер, встречаясь в ключах (например, в ключе из Старой Сербии 1746 г. — Костич, табл., № 110, или в приведенном выше ключе из рукоп. Соф. Нар. библ. № 308—80), или спорадический: вдв҄о = влічо (Соф. Нар. библ. № 10—249, 1577 г.); вді́мс = влі́чѡ (рука того же писца, Библ. Болг. Синода, № 11); свцнѱневн кцнѕѣѱнѿнил = ѡбретеніе предътечево (Серб. Акад. № 291, 1531 г.); кц҄ѕѱфд = прдтча (Гласн. Срп. Уч. Др., XI, 177, из рук. Серб. Ак., XVII в.); колинпъ = чловекъ (приписка XVI—XVII в. в рукоп. 1416 г. Белгр. Нар. библ. № 590—403).

9) Ѿ. Ѿ чаще всего оставалось не заменяемым (есть, впрочем, графическая его замена через ѡ҄; см. выше); но иногда оно разлагается на составные части, ѡ и *т*, и каждая затаивается обычным способом, т. е. вм. ѿ пишется сѱ, как это находим у Путненского протопсалта Евстафия, в виде *с* и над ним ѱ,[3] или просто рядом: сѱидѡнꙋъ = ѡт васеҳъ (Белгр. Нар. библ. № 590—403). Из других единичных замен можно указать на замены ѿ через *ф*, *ч*, и даже *ж* (Костич, стр. 52).

10) *Ъ* и *Ь*. Глухие, как правило, остаются не заменяемыми, не имея цифрового значения, но как буквы, которыми часто кончается слово, ослаб-

[1] Записи и натписи, I, № 915, передана не точно, Костичем проверена.

[2] Костич, стр. 50, табл., №№ 86 и 107, взяты им из Каталога рукоп. Румын. Ак. (Bianu).

[3] См. Калужняцкого, ук. соч., стр. 293.

ляют загадочность написанного;[1] поэтому и они требовали маскировки — замены (по замечанию Др. Костича, стр. 52). Замены эти и появляются различные в различных местностях уже с половины XVI в. Так, в печатной тайнописи в послесловии Тръговищского (Валахия) Апостола (1547 г.) находим: йч ѕлѯн8ч ѕѣѯкѱцлин8ч = єѣ домєхѣ димитровєхѣ;[2] весьма возможно, что это ч — ничто иное, как перекувырнутое ѣ. Наиболее обычной на сербской территории, изредка и на болгарской, заменой ѣ является к концу XVI в. ї, реже — замена его через б (встретилась только в ключе половины XVII в. идущем с Афона), в двух случаях через х.

Ъ (появляющийся, как известно, и в сербской графике в XV в.) до XVII в. обычно сохранялся неизменным, но со второй половины появляются его заместители в единичных случаях и единичных записях: ѡниѻдз8 = Ѳєвлад̾ъ (имя—в серб. рук. Соф. Нар. библ. № 249—10, запись 1674 г.), т. е. 8 вм. ъ; ѽквѽд8б дгб ѯєлзлзцнцєв в кѽѽлєѕєв пвцб ѡѯнцнєв ѱлѯд = списахъ азъ многогрєшни и послєдни кирѣ смєрєни тома (рукоп. Болг. Синода, № 86, болг. XVII в.) или: д҆нцдд́ѯб = а҆враа́мъ (Служебник 1656 г. Соф. Нар. библ. 601 (282)[3]; т. е. б вм. ъ; в болгарских же текстах: дгф . . . . . ѕвѣплєф . . . . . хѽдѯ^п^лиф = азъ . . . . диѣконъ . . . . 8 само^к^въ (Рыльск. мон., запись 1696 г.), ѡвѯнсєф = симєѡнъ (Соф. Нар. библ. № 291, запись 1754 г.), т. е. ф вм. ъ; наконец, единственный известный случай: здицївож = гаврїилъ (молдавско-болгарская Минея 1534 г. в Нац. Рум. Муз. № 354).[4]

11) Б. Б остается довольно последовательно не заменяемым, но изредка уже в конце XVI в. попадается замена его через ж: ѡжвѱвꙗ = ѿ битиꙗ (Серб. Акад. № 291, серб. зап. 1595 г.); х ждєв = 8 бани (серб. из Рачи — Starine, XVI, 10—1668 г.); жвнщдзл = бившаго (мон. Крушедола, № 81—1696 г.); обратный случай, б вм. ж, дан только теоретически (в ключах); известны редкие случаи замены б через ѣ и ъ (см. выше) и через ч (Гласник Срп. Уч. Др., XI, 177).

12) Щ — Ш. Смена щ и ш (чаще щ вм. ш) легко объясняется из

[1] Тайнописи пишутся большею частью без разделения слов, в виде сплошного ряда букв, а ъ и ь часто указывают на конец одного и начало следующего слова.

[2] Это — Димитрий Логофет, внук Божидаров, печатавший книгу; см. Љ. Стојановић, Каталог рукоп. Срп. Акад., стр. 234; ср. И. Каратаев, Описание славянорусских книг, I, 113. Конец тайнописи не поддается чтению. Факсимиле записи см. в альбоме «Палеографич. снимки шрифтов, принадлежащие к Описанию старопеч. книг, находящихся в библ. И. Н. Царского», табл. II, № 3.

[3] Цонев, Опис.... II, 111. Ср. Пловдивск. библ. 45 (86) такую же запись того же Аврама (1660 г.) — Цонев, Опис. рук. Пловдивск. библ., стр. 30.

[4] Яцимирский, Опис. слав. и русск. рукоп. румынских библ., стр. 408.

слабого различия самых начертаний; появляется она, повидимому, в нач. XVII в. в Старой Сербии (ср. Костич, стр. 54, табл. № 65—1618 г.), Болгарии (см. выше, рукоп. Болг. Синода, № 86) и Румынии (Румынск. Нац. Муз. № 1196—1641 г.).[1] В общем *ш* остается без замены; обратная замена только в ключах (Костич, табл., № 82 и 103).

13) **Ꙗ, Ѣ, Ѥ, Ю.** Обычно эти буквы остаются без замен, но с конца XVI в. кое-где спорадически друг друга заменяют: ѡвꙗ = сию; ѡвѥ = сию; ѡвю = сиꙗ и т. п. Чаще других такие замены дают записи из Ст. Сербии, Срема и реже Афона.

На основании перечисленных примеров мы можем заключить, что сравнительно с древнейшей системой, более отвечавшей греческому прототипу (назовем эти замены «нормальными») подвергались заменам преимущественно буквы, остававшиеся первоначально не заменяемыми, и лишь немногие, первоначально имевшие уже своих заместителей, получили со временем новых заместителей. Таким образом для представления общей картины этих «вторичных» в том и другом случае замен могла бы быть составлена такая таблица:[2]

Простые	«Норм.» зам.	Вторичные	Простые	«Норм.» зам.	Вторичные
б	—	ж, ь, ъ, ч	ш	—	щ
є	—	н, ѡ, ї	щ	—	ш
ж	—	б	ъ	—	ѹ, б, ф, ж
ѕ	д	з (только в рум.)	ь	—	ї, ч, б, ѵ
м	ѯ	ч, т(?)	ю	—	ѥ
ї	—	ҁ, ч, ь	ꙗ	—	ю
н	—	є, ю, л(?), р	ѣ	—	ю
т	ѱ	м̇, ѿ, ↑ (рум.)	ѡ	с	ѿ, т
ф	—	ѿ, ъ, н	ѿ	—	с + ѱ, с с ѱ над ним
ч	—	ї, м, ѹ, ѯ, ф, ѿ, ѥ			

[1] Путанная запись; см. Яцимирский, Опис. рукоп. румынск. библ., стр. 313; ср. Костич, стр. 55, прим.

[2] В нее не вносятся «нормальные» замены, если вторично они не подверглись дальнейшим. Тире указывает на то, что буква нормально оставалась не заменяемой.

«Вторичные» замены, как мы видим, встречаются в отдельных записях и по одиночке, и по нескольку в одной; в то же время, если присмотреться к записям с годами или точно датируемым (в выше приведенных примерах брались по преимущественно именно такие), то можно заметить между этими «вторичными» заменами некоторую хронологическую разницу и последовательность; это наблюдение дает возможность оценить эти записи и с точки зрения палеографической и, исходя от них, подойти к определению времени записей не датированных, именно, основываясь на характеристичности той или иной замены для того или иного времени. Такого рода обобщение наблюдений может дать для «греческой» цифровой системы такого рода выводы:[1]

I. В XIV—XV в. «основное правило» сохраняется строго: *е* и *н*, равно как все буквы без численного значения, остаются не заменяемыми.

II. В XV—XVI в. *е* и *н* получают различные особые замены, начиная со взаимной; буквы без численного значения продолжают оставаться не заменяемыми.

III. В XVI в. *е* и *н* взаимно заменяют друг друга; кое-какие новые замены или замены старые (*м*—*ч*, *т*—ѿ) появляются сравнительно изредка, только к концу века.

IV. В XVII в., помимо взаимной смены *е* и *н*, время расцвета «вторичных» замен не только среди «нормальных» замен, но и среди букв, не имеющих численного значения (*м* — *ч*, *т* — ѿ, *б* — *ж*, *ї* — *з*, *ї* — *ь*, *з* — *б*, *ш* — *щ*, *ю* — ѥ — ꙗ).

V. В XVIII в. остается в силе взаимная смена *е* и *н*, но наблюдается упадок и исчезновение некоторых старых замен (*м* — *ч*, *б* — *ж*, *ш* — *щ*, ꙗ — ѥ — *ю*); из вновь явившихся замен встречается одна: *с* — ѿ.

VI. В XIX в. на болгарской и румынской территории (может быть и на Афоне) замечается новое влияние непосредственно греческой цифровой системы, благодаря чему опять входит в силу «основное правило»: *е* и *н* и «нецифровые» буквы пишутся без замен; остаются от XVIII в. только: *с* — ѿ.

V.

Из других, менее распространенных на юге славянства видов тайнописи прежде всего следует упомянуть *акростих* (краегранесие): если акростих

---

[1] Заимствую их из труда Костича (стр. 57): они им построены на основании почти исчерпывающим образом анализированного большого материала.

и мог быть известен с давних пор (по подражанию византийскому) в славянской письменности, то употребление его в качестве тайнописи или загадки едва-ли следует связывать с этими древними «краегранесиями» (каковы, напр.: Константина Болгарского, Феодосия, автора канона св. Симеону, и даже Константина Костенского): эти последние имели совершенно определенное назначение в церковной поэзии, служа одной из литературных форм в ней в качестве стилистического приема самой композиции; моду же на акростих в качестве загадки-тайнописи, скорее, следует считать явлением более поздним—преимущественно XVII века—и связанным на юге славянства (как и на Руси) с влиянием западной (отчасти, может быть, византийской) школьной реторики с ее стремлением к словесным хитроплетениям.

Старшие примеры таких акростихов относятся, действительно, только к началу XVII века, именно, к 1616 и 1618 годам; на рукоп. Трипесньца в Никольском мон. читается: Аще хощеши оувѣти име писавшагѡ сїю книгꙋ, възри на стихи выше писаные.

Алкотꙋ и жаждꙋ хрт҃а ради люби,
Вѣсы якѡ призывающеи цр҃а ѡчищают палатꙋ,
Елико пакѡсть тѣлꙋ твориши, толїко бл҃гть дши зїждеши,
Размышляи же по въсе часы честа съгрѣшенїа твоа,
Кроткь оубо боуї к вьсакомоу чловѣкоу,
Идꙋщоу ти въ стыи хра помысли еда кого разгнѣвалъ еси,
Епгѡ прѣклании главꙋ свою и пади къ ногама их, мли се да да ти
се бл҃венїе.

Выходит: АВЕРКИЕ.[1] Еще один пример:

Артофориѡн сеи светыи
Вждeлех сатворити, иже недостоин съ изʙранимї сести
Агнцовь светих хранити.
Крꙋшедола манастира ст.
Оуже летꙋ текꙋща ҂а.х.з-го
Месеца маїа числа .е.-го
Ъ. Семꙋ делателъ Никола Неделковић. = АВАКꙋМЪ.[2]

К акростихам условно следует отнести и такие записи, где берутся только начальные буквы слова, а остальное добавляется из другого слова,

---

[1] «Даница», изд. В. С. Караџић. Година прва (У Бечу, 1826), стр. 32; первый стих, опущенный в «Данице», взят из Путешествия по Сербии Иоакима Вуића (У Будиму граду, 1828), стр. 167. Второй пример оттуда же — 1618 г. — дает имя: КИРИЛЬК.

[2] Надпись на серебреном ковчеге для хранения артоса; см. Зап. и натп. II, № 2169.

начинающегося с той же буквы; для большего «затаения» применяется иногда и обратный порядок слов, набранных таким способом; так, в рукоп. Сербск. Ак. № 46 (109) (серб. сборник XVII в.) л. 97 об. находим: ѥ̓ѻвѻ́лъ сѣдѣ. въ єлмєзи єтилсимє. ѻ̓вол́сѣдѣ. є ѡ оу и цр҇л. ѻ̓рводѻ̓. є̓логалга. иⷣюли кѹ́въ·:·[1] Для разгадки надо читать с конца, отбросивши ненужные при таком чтении конечные ъ и разделивши правильно слова (разделенные умышленно неправильно в загадке): вѹки люди а глаголє о добро а рци оу ѡ вѣдѣ слово є мислитє и зємлє вѣдѣ слово є; взявши начальные буквы получаем: благодароу ѡ всєм и з(а) всє.[2] То же представляет и другая загадка, но попроще: вѣхѹ .л҇. ӓзжє гла҇лхъ ѡ̓ни доврѣ а҇то ра҇ко ѹнѣ. ѡ̓вѣдє въсѝ двѣстє и̓пєтина мои є̓дї́нъ; если вместо двѣстє и петина подставить их буквенные обозначения (т. е. *с* и *е*), получим: благѡдарѹ ѡ всєм.[3]

Своеобразно использовал принцип акростиха-анаграммы в XV в. известный ученый Константин Костенский в своем трактате о письменах,[4] а также в своем Житии Стефана Лазаревича: свое посвящение Стефану Константин расположил таким образом, что каждая глава сочинения начинается таким словом, первой или первыми двумя буквами которого являются буквы, входящие в состав слов этого посвящения; поэтому первая глава его трактата начинается словами: Слова ради...., 2-ая: Аще оубо ты...., 3-ья: Молю же...., 4-ая: О нихже прєльщаютсє...., 5-ая: Достоит же.... Собравши все эти начальные слова и взявши начальные их буквы, получим: Самод(р)жавнѡмоу дєспотѹ Стєфаноу рав Константин.[5] Таким образом в сочинении, не носящем надписания имени автора, мы вскрываем труд Константина Костенского.

Гораздо труднее для дешифрировки прием иной, но аналогичный акростиху-анаграмме: пишутся только начальные буквы слов, составляющих запись; отгадку — и то не всегда надежную — могут дать или посторонние указания, почерпаемые или от предмета или содержания

---

[1] Далее в записи простым письмом добавлено: г҇. рѣчи сръбскым ꙗзыком. сєго ’ф҇фата мнозїи чътошє, і ничто нє сказашє.

[2] Три же речи, о которых говорит примечание, получаются, конечно, если соединить последние слова: благодароу ѡвсєм изавсє.

[3] См. Др. Костић, Тајно писање у споменицима српским — Глас Срп. Ак., LIII, 163—164. Конец записи, приводимой в глоссе, не поддается чтению.

[4] Целиком издан И. В. Ягичем, Исследования по русскому языку. I (СПб. 1895), 383—487, частью Ю. Даничичем, Starine Jugosl. Akad., I, 1—43.

[5] Единственная известная рукопись этого сочинения (Карловацкой Патриаршей библ. XV в.) дефектна: при списывании писец ее пропустил конец пятой и начало шестой главы (которая должна была начинаться с Р), или списывал с уже дефектного экземпляра.

рукописи, или же если под буквами скрыт какой либо словесный шаблон;[1] так, с известной вероятностью ряд букв: : ѧ : д : с : к : н : ѡ : л : ѡ : : м : с : г : 1805 («Дамаскин» Соф. Нар. библ. № 432) читается: Θеодоръ[2] даскалъ сию книгу написа....... (дальнейшее не вскрывается); сию книгоу писа а̄ г̄ р̄ б̄ в̄ д̄ (рукоп. XVI—XVII в. монастыря Раваницы): а(зь) г(рѣшни) р(абь) б(ожїй) в(ладиславь?) д(іакь);[3] или: ряд букв: Іс. Хс. Никл. е.ф.д.с.м.д.х.с.в.Лт.1771., на дарохранильнице в мон. Добриђеве, может быть расшифрован так: ермонахь Филотеи Стефановичь манастира Добричево храма светаго Въведениꙗ;[4] или: сие т(рикирие) п(риложи) б(огȣ) з(а) д(оушоу) с(вою) м(илостиви) и п(реосвещени) е(пископь) к(ѵръ) ма(ксимъ).[5]

Совершенно не поддаются чтению заговоры, состоящие из ряда букв, ряды букв на амулетах в лечебниках, если случайно в других местах не оказывается полного текста их (ср. Starine, X, 92).

VI.

Может служить средством «затаить» или, во всяком случае, затруднить чтение написанное в виде произвольного или условного порядка букв или слов. В этого рода тайнописи на юге славянства можно различать несколько разновидностей.

А) Самый простой вид условного порядка букв и слов это — *обратное* письмо (от правой руки к левой), распространенное, как на Востоке, так и на западе. В кирилловской югославянской письменности оно встречается не особенно часто и не особенно рано: в болгарско-молдавской рукописи Румынск. Нац. Муз. № 356, XV—XVI в., л. 162 об., в записи, комбинирующей четыре различных системы тайнописи: «простую» литорею, цифровую «греческую», повидимому, систему «обратного письма» и цифро-

---

[1] Ср. ниже и русской тайнописи; ср. также в рукоп. Рум. Акад. Н. № 13 — четвероевангелие молдавского письма 1643 г. (Яцимирский, Рукоп. Румынск. библ., стр. 105); приписка идет чуть ли не от русского оригинала.

[2] Его имя и титул встречаются в той же рукописи на л. 128.

[3] Зап. и натп. II, № 4307.

[4] Записи и натписи, V, № 8400; чтение предложено издателем; осталось не раскрытым первое д.

[5] Печуйская церковь, трикирий 1721 года (Костич, стр. 24); в подобных случаях, быть может, скорее мы имеем дело с простым результатом недостатка места для полной надписи, нежели тайнопись: она *для нас* только явилась тайнописной.

вую «описательную», — вторая и третья тайнописи имеют такой вид:[1] ѡѱдѐвѣоч. пчеѕд.ьлю́чи̇̆а́тс = станиюль кч(?)н(?)да стаи̇̆чюль.

Остальные же, нам известные, «обратные» записи, преимущественно сербские, восходят только к XVII в., какова, например, в рукоп. б. Придв. Венск. библ. № 117 — 1670 г.: Єїс асипдоп акоур оганшѣрг Аіртимид огавинеа вь лѣто ҂з р о и ацесем атсоугва .кз. = Сіе подписа роука грѣшнаго Димитріа лениваго вь лѣто ҂з р о и месеца авгоуста .кз.[2]

Б) Несколько сложнее прием, если буквы, составляющие слово, размещаются не подряд и в одной строке, а в нескольких строках или образуют какую либо простую *фигуру*; таким образом порядок надо угадать не только в одной строке, но в нескольких; если таким способом затаено слово небольшое, то отгадка дается после нескольких попыток найти начальную букву и уловить скачки от одной буквы к другой. Довольно просто, например,

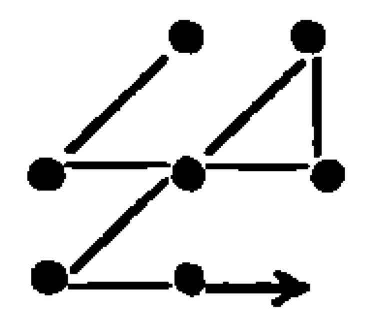
п
раскрываются: т (л) р = пет(л)р(ъ)[3] в рукоп. серб. 1603 г. Соф.
(ъ) е

Синод. библ. № 15 (93): буквы писаны, видимо, крест на крест; также не сложна, с применением «обратного» порядка (в средней строке), запись на сербск. Служ. Минее Белгр. Нар. библ., XVII в., № 171 (430):

П
Ъ квѡдѯелазлазцишев П = писа многогрешни ПОПЪ тодор'.[4]
ѱлѕли̇ О

Несколько сложнее запись XV в. на рукоп. Соф. Синод. библ.:[5]

і д
и к о
і м а

Она читается: Никодима; схема последовательности букв может быть изображена чертежом: 

[1] Повидимому, запись испорчена или в оригинале, или при издании (Яцимирский, Слав. и русск. рук рум. библ., стр. 406). Последнюю букву Яцимирский читает *е*, Костич — *с*; второе слово Яцимирский предлагает читать «Преда» (собств. имя), перное (повидимому, искаженное) — по «греческой» системе, но прямо: станчюль (с заменой *и* — *ч*).

[2] Споменик, III, 206 (№ 40); такие же «обратные» записи: 1631 г. — в рукоп. Крушедола (Зап. и натп. I, № 1125, дана уже в прямом чтении), в рук. XVII в. Белгр. Серб. Ак. № 25 (Гласн. Срп. Уч. Др., XI, 171) и др.

[3] Взятые в скобки буквы добавлены позднее (Костич, стр. 26).

[4] Остальные слова — по «греческой» системе (Костич. стр. 26), ср. Спространов, стр. 139.

[5] Рукопись без номера, у Спространова не описана, приводится Костичем, стр. 26.

Разновидностью этого приема может счесться тот же способ, осложненный пропуском букв в записи из Хиландаря:

Ѳ
Д + Є, которое, вероятно,
Є

следует читать: Д(о)с(и)де(и).[1]

Наиболее же искусной и сложной представляется запись Константина Костенского в конце его грамматического трактата:

Въсе́* по ѡ҃бразоу краегране́сь. и҆мат҆ же си́це.
+ а о р҆ а́ но. оу е́ по оу те́ а оу
а́ ҆ о та и́ . с м д ж в м д
с т с ф н . р в к н҆с н҆т н : ~
м҆ бо̀ чи́слихѿ си́ за ѥ҆же і҆ двои҆ блъга́рскаа въспомѣноу́хѡмь:~[2]

Если в этих трех строках, во второй строке между *и* и *с* разделить строку на две части и между буквами второй половины этой строки вставлять по букве (или по две, где даны эти буквы гнездом) первой строки, а затем — во второй половине строки также вставлять между букв буквы третьей строки, затем остаток из второй строки — во вторую половину третьей, то получим: самодр҆жавномоу деспотоу Стефаноу раб҆ Кон҆стан҆тин҆. Иначе, обозначая буквы цифрами, получаем для порядка букв такую схему:[3]

2	4	6	8	10	12	14	16	18	20	22	24
26	28	30	32	34	1	3	5	7	9	11	13
15	17	19	21	23	25	27	29	31	33	35	36

В) На ином, нежели у Константина, принципе размещения букв в записи основано так называемое *фигурное* письмо, также представляющее до некоторой степени тайнопись или, скорее, загадку: буквы располагаются в виде какой нибудь замкнутой фигуры (квадрата, прямоугольника, ромба, креста, сердца, круга и т. п.), и весь секрет состоит в том, чтобы угадать, откуда начинается чтение записи, и в какую сторону идет чтение: раз такой пункт найден, остальное дается уже легко, если следовать кон-

---

[1] Записи и натписи, V, № 8392; ср. там же, IV, № 6580 (1619 г., мон. Гргетек — Срем): т҃ ѿ д҃ і҃ = Т(і)ѡд(ос)і(е)? Чтение не надежно.

[2] И. В. Ягич, Исследования по русскому языку, I (СПб. 1895), стр. 487; то же — Starine I, 5 (здесь и объяснение Ю. Даничича).

[3] Схема составлена Костичем, стр. 26.

турам фигуры, идя слева направо или справа налево, снизу вверх или сверху вниз. Старшие из известных, в то же время искусные и разнообразные образцы такого фигурного письма дает знакомый нам протопсалт Путненский Евстафий в обеих своих рукописях (Историч. Музея, собр. Щукина № 350 и библ. Акад. Наук, собр. Яцимирского № 16), осложняя свою затею еще тем, что иные из своих фигур он дает то глаголицей, то той или иной из своих тайнописных азбук (см. выше, стр. 7, 12), при том соединяя разные системы тайнописи в одной фигуре; так, на л. 25 об.[1] простой кириллицей он располагает запись в виде продолговатого креста, при этом на концах его меняет нормальный порядок букв; начинать чтение надо из нижнего угла левого плеча креста, идя налево и затем вверх. Запись имеет приблизительно такой вид[2]:

```
                            р г ъ ь ч      (порядок букв: 2, 1, 3, 4, 5)
                              ь   с
                              м   к
                              о   ы
                              с   м
                              о   ь
                  к           н   ѧ           ы
(порядок букв:    ь е с т ь т о   з ы к о м ь б    (порядок букв:
4, 5, 3, 1, 2)    и                           л    2, 1, 3, 5, 4)
                  ȣ р є χ и ъ с   ы к с ь р а г
                  в           ѧ   м           ь
                              ї   ь
                              к   с
                              и   л
                              т   о
                              а   в
                              м   о
                            р а г м ь      (порядок букв: 2, 1, 3, 4, 5)
```

Получается, таким образом, чтение: **Ѳъи χерȣвикь есть тоносомь гръчьскымь ѧзыкомь быльгарскымь словомь граматикїѧ.**

Другой такой же крест, но с тремя перекладинами, дает он (в рукоп. № 16, л. 14 об.) своей тайной азбукой (по нашему — первого типа), поме-

---

[1] Примеры беру из рукоп. Щукина и академической.

[2] Древности, труды Славянск. Ком. М. Арх. Общ. III, 151. Слова вверху и внизу креста, а также по бокам, писанные обычно, в строку, как не имеющие отношения к самой фигурной записи, мною опускаются.

щая по обе стороны перекрестий еще слова; получается такая фигура (рис. 20):

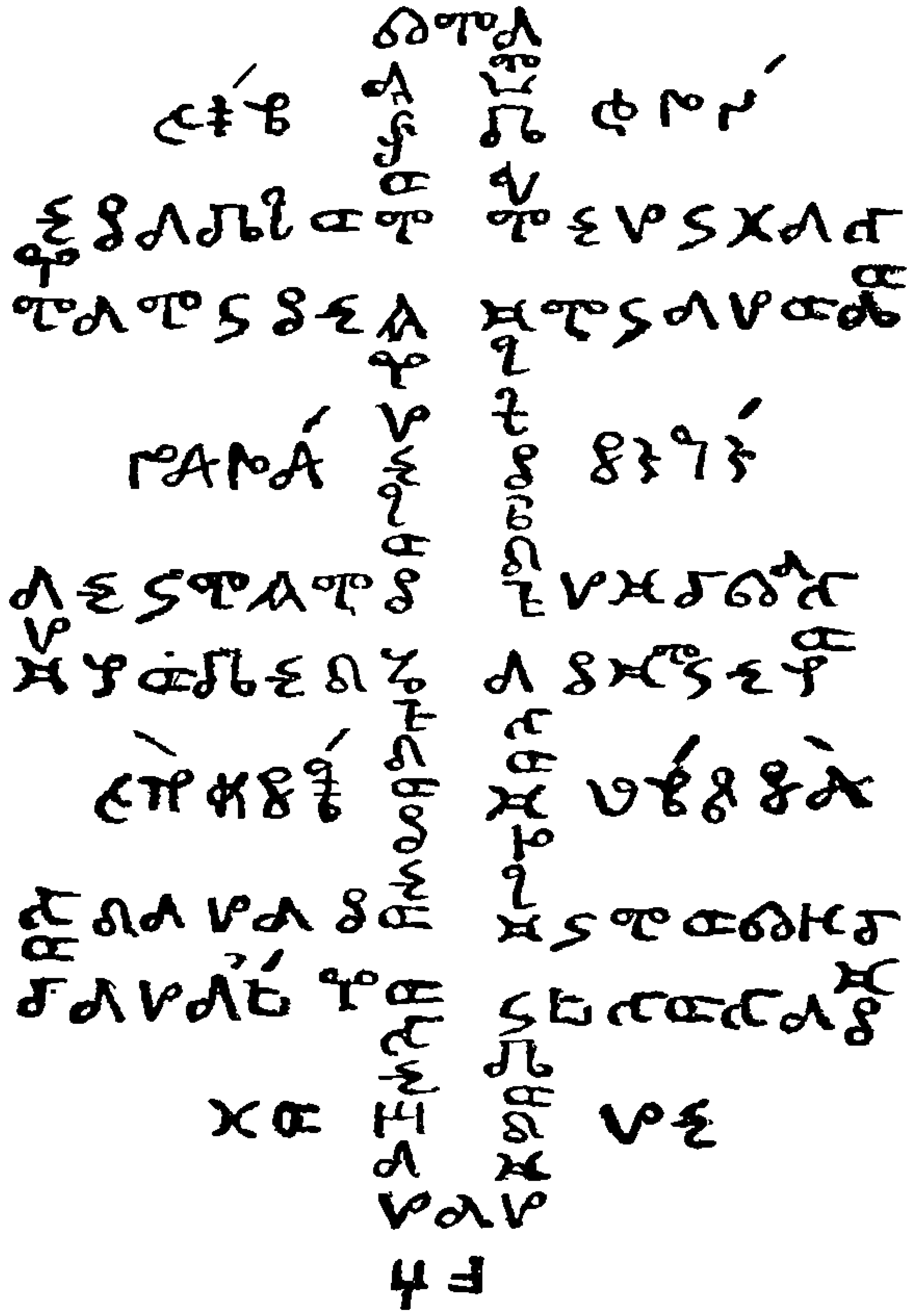


Рис. 20.

Чтение начать следует также из нижнего левого угла второго перекрестья, идя налево и затем вверх; получается: Здє починаєтсѧ (в рукоп. ошибка: починаєстѧ) твореніѧ Євстатієва протоѱалта ѿ пȣтенскаго монастирѣ въ дьни благочестиваго и христолюбиваго гѡсподина нашего Їѡана Богдана воєводы.[1]

Опять новый рисунок фигурного письма находим на л. 140 об. рукоп. № 350: глаголическая запись расположена в прямоугольнике, разделенном параллельными линиями на четыре меньших (см. выше, снимок 4), и чтение (повторяется четыре раза во все стороны) идет от середины — от пересечения линий внутри прямоугольника: сиѧ творєниѧ Євстатиєва.[2] Еще

---

[1] Снимок в натуральную величину см. также в указанной выше статье, табл. I, в уменьшенном размере также у Е. Ф. Карского, Слав. кирил. палеография (Ленинград, 1928), стр. 250 (откуда заимствуется мной) или у Костича, стр. 13.

[2] Кириллицей изображен рисунок у Яцимирского, указ. ст. (Древности, III), стр. 154.

вариант той же фигуры на л. 158 представляет двойной прямоугольник, также разделенный на четыре меньших, но двойными рядами букв; промежутки заполнены столбцами по пяти букв: чтение — так же из середины: **сіѧ книга сіѧ пѣсни приноситъ** (далее в прямоугольниках) (1) **протоѱалтъ Єѵстатіе ѿтъ пȣтеньскаго монастирѣ исписа сіѧ книга о пѣти-(2)ѡ творенїа своѧ въ дн҃ы благочестиваго и христолюбиваго господина наше-(3)го Їѡана Бѡгьдана воеводы господарѣ земьли мольдовлахїнскои въ лѣто с-(4)едьмо тисѣчьное и девѣтьнадесѣтое лѣто мѣсеца юнїа єдиньнадесѣте дн҃ь.**[1]

Поздний пример такого же фигурного письма, 1806 г., находится в издании (Рымник) «Кириакодромион»а Софрония Врачанского: здесь на последнем листе книжки в виде сердца вокруг креста напечатана надпись: **Софрониѧ епископъ врачански ѿ Казанъ.**[2]

Все эти способы фигурного письма на юге славянства (как и на Руси) идут, вероятно, из двух источников: более ранние — от аналогичных византийских,[3] более поздние — от западноевропейских школьных учебников, где это письмо поощрялось, достигло большой вычурности и входило в систему школьного обучения.

VII.

Еще с бо́льшей оговоркой, нежели акростих или фигурное письмо, можно относить к области тайнописи употребление своеобразного вида *лигатурного* письма, близкого по характеру (но не по сущности и назначению) к *вязи*.[4] Этот вид вязи — правильнее, лигатурного письма —

---

[1] Изображена набором у Яцимирского, ук. ст. Древностей, стр. 155.

[2] Воспроизведено современным гражданским шрифтом в книге А. Теодорова-Балана, Софрони Врачански (София 1906), стр. 106; там же (стр. 111—112) — другие образцы фигурного письма Софрония.

[3] Ср. Gardthausen, Griech. Paläographie, S. 119—124.

[4] Вязь в обычном ее применении в рукописях (в заглавиях книг, отдельных глав) имеет своим назначением прежде всего украшение, цель эстетическую, а кроме того — обратить внимание на ту или иную сторону содержания (напр., на начало новой главы, статьи), почему писанное вязью выделяется и цветом (киноварь, краска); таким образом только этой последней стороной вязь приближается отчасти к целям тайнописи. С другой стороны, и лигатурное письмо может преследовать цели, аналогичные вязи: самая затейливость письма должна обращать внимание на написанное ею, как это видим в запутанных по начертаниям и их сплетениям подписях (главным образом под документами, где самая сложность подписи до некоторой степени защищала ее от подделки, утверждала подлинность самой подписи). В виду этого лигатурное письмо и получило своеобразный тип сравнительно с обычной вязью, имеющей свои законы построения. Ср. В. Н. Щепкин, Вязь (Древности, труды Моск. Арх. Общ. XX, 1904).

по структуре своей отличается от обыкновенной вязи тем, что лигатурное письмо обнаруживает явное стремление писать буквы слова одним почерком пера, чтб роднит его с так называемым монокондилом, самые же начертания букв лигатурного письма стремятся к закруглениям, добавлениям соединительных черточек росчерков, что̀ роднит его не с вязью, а с курсивным, скорописным письмом. Это стремление ослабить общее впечатление письма, как ряда отдельных букв, и приблизить его к рисунку ведет к такой сложности начертаний, что превращает написанное и в тайнопись, т. е. письмо, далеко не легко читаемое, как и в обычной тайнописи. Самое происхождение такой «тайнописной» вязи на славянской почве, несомненно, греческое: она видимо подражает греческой такой же,[1] хотя, кажется, и не достигает той виртуозности, какая обращает на себя внимание в греческой.[2] Особенной сложности, как в греческой письменности, так и в славянской достигают писанные вязью подписи оффициального преимущественно характера (например, высоких духовных сановников), где, в силу упомянутых выше практических соображений, этот вид вязи держался более или менее устойчиво.

Рис. 21.

Случаи же употребления этой «вязи» вне круга подписей, повидимому, не были особенно часты в югославянской письменности: старший из известных случаев такой тайнописи, относится, кажется, к началу XV в.;[3] большею частию они встречаются в конце глав там, где остается свободной часть последней строки или свободное место на странице; в таких случаях писец иногда умышленно растягивал слово, снабжая буквы хвостиками и извитиями, чтобы заполнить строку, или писал таким же способом последнее слово в виде концовки; в таком качестве часто фигурирует слово «аминь» (обычное в конце статей и книг), как это видим, например, на л. 108 в рукоп. Белград. Нар. библ. №̆ 21 (1538 г.); как видно из снимка (рис. 21), весь пошиб письма — греческий.

В качестве подписей эта «вязь» чаще встречается в XVII и XVIII вв. преимущественно у членов церковной иерархии: такова подпись Софрония

---

[1] Греческая же, в свою очередь, ведет свое происхождение с Востока.

[2] Ср. Gardthausen, Griech. Paläogr., S. 114.

[3] Он отмечен А. П. Яцимирским в описании болгарской рукоп. (Сборник Нац. Рум. Муз. 162 (317), л. 81 об.). К сожалению им не дано ни снимка, ни более полного указания на характер этой надписи писца, ни ее чтения (см. Рукоп. Рум. библ., стр. 496).

Врачанского на его автографе по рукоп. Соф. Нар. библ. (1802 г.), № 98, л. 2,[1] или сербского патриарха Арсения на рукоп. Ленингр. Публ. библ. F. I, 11, л. 132 об. (рис. 22):[2]

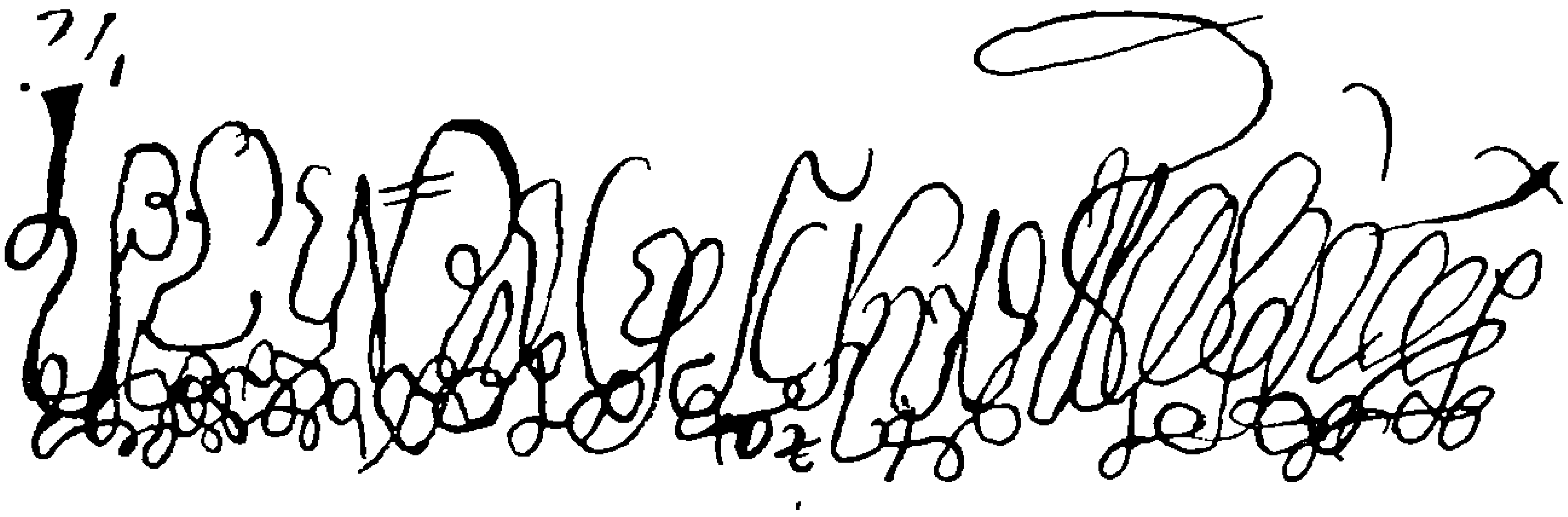


Рис. 22.

Близко по типу и назначению к этой «вязи» стоит греческая *монограмма,* также нашедшая себе подражание и на югославянской почве: по крайней мере, очень напоминают греческие монограммы (см. у Гардтхау-

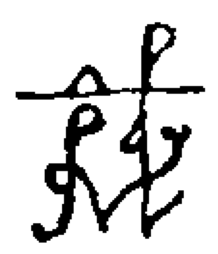


Рис. 23.

Рис. 24.

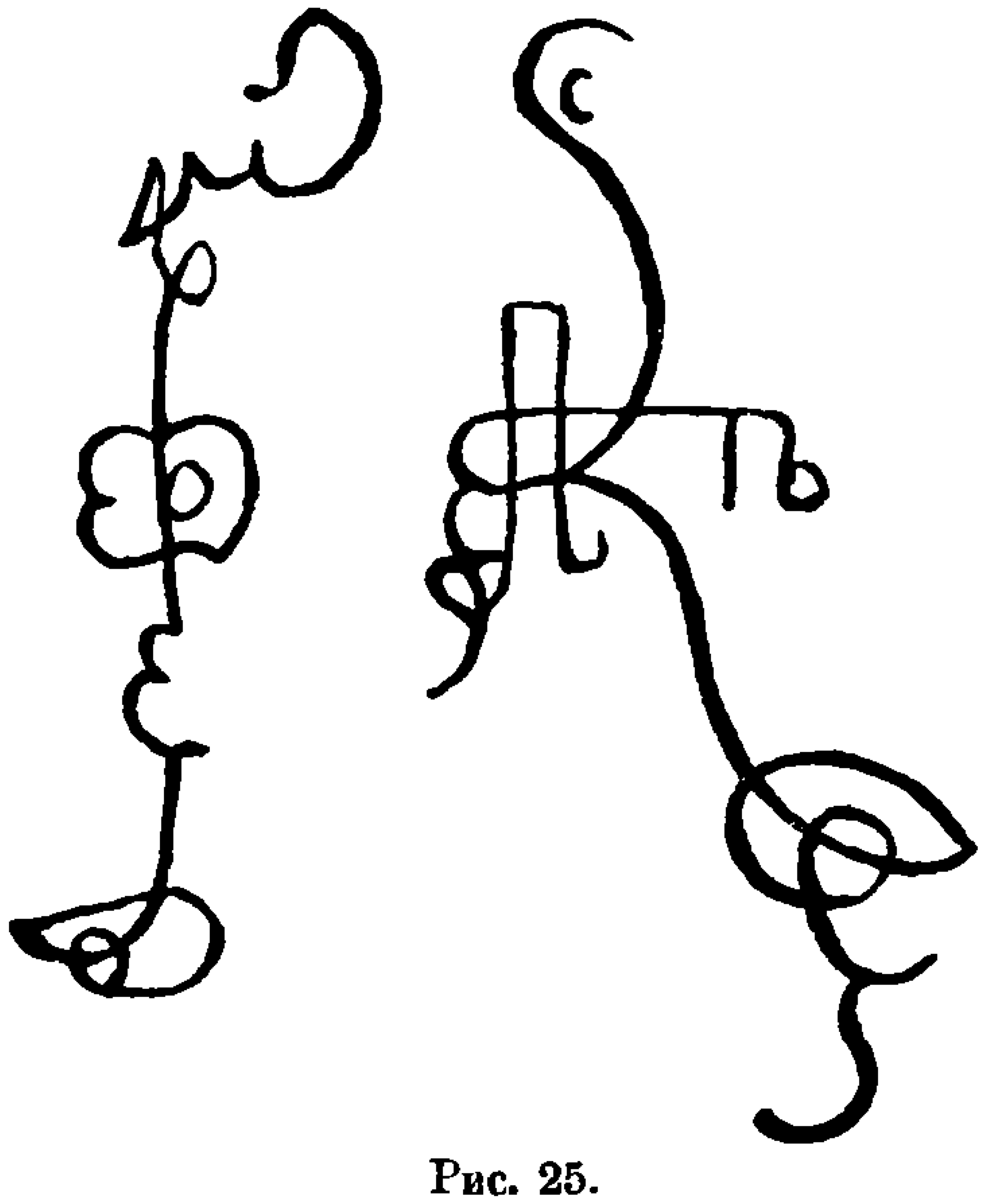


Рис. 25.

зена, стр. 116) примеры:[3] имени «Мардаріе» (рис. 23) в рукоп. Рыльск. мон. № 4—5 (1483 г.) и «Владислава» (рис. 24) в рукоп. Белгр. Нар. библ. № 21 (XVI в.), а также епископа Ефрема (рис. 25) на Октоихе

[1] Снимок у Теодорова-Балана, Софрони Врачански (София 1906), стр. 65, внизу страницы рукописи, или у Костича, стр. 7; подпись по гречески.

[2] Снимок заимствован у Костича (стр. 8). К сожалению подлинника отыскать не удалось вследствие ошибочной сигнатуры рукописи, приведенной у Костича (l. c.).

[3] Первые два примера взяты из Костича, стр. 6, третий из Яцимирского. Слав. и русск. рукоп. румынск библ., стр. 159.

молдавск. письма Румынск. Ак. Наук, № 43 (1617 или 1624 г.). Как поздний пример употребления монограммы можно отметить монограмму 1711 г. в рукоп. б. Румянц. Муз. № 401 с именем Гавриила (рис. 26), остроумно развернутую Др. Костичем (стр. 6).

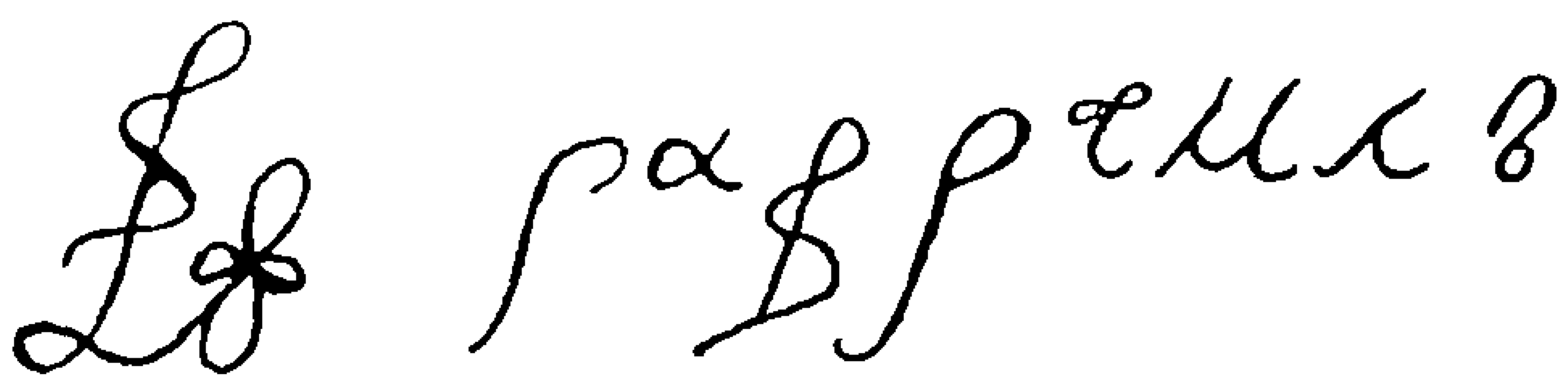


Рис. 26.

VIII.

При наличии в обиходе нескольких разнообразных систем тайнописи стремление возможно глубже скрыть секрет чтения находило себе выход в *комбинациях* в одной и той же записи нескольких систем: раскрытие такой записи требовало знания этих систем у читающего и еще большего напряжения его догадливости. Общий характер такого рода комбинирования имеют случаи:

1) Когда составляется запись по «греческой» цифровой системе, но иные буквы оставляются намеренно не «затаенными» (что̀ таким образом наводит на «ложный» след); напр., в записи 1643 г.: ꙁаѵриоъѱцоиѮѻевеъ = Гаврилъ троичанинъ, остались без замены: *а*, *р*, *и* — в первом слове, *о*, *и* — во втором, тогда как в том же слове вм. *и* у него стоит (и правильно, по правилу) *в*, а в первом оно стоит вм. *в* (Споменик, XV, 4).

2) Соединяются две или более тайнописные системы одного и того же порядка, напр., «греческого» цифирного и «разложения суммы», как это можно видеть из записи на сербской рукописи 1485 г. (Минея № 136 Соф. Нар. библ.): к҃кд клѮеив ѕ҃в цдвд ѿвппддѮвѱцд в в҃ки аминь[1] = п҃па (?) помени г҃и раба си димитра в в҃ки аминь; вся запись идет по «греческой» системе, кроме имени «Димитра», которое в начале писано по системе «разложения суммы» (*вв* = 2 + 2 = 4 = *д*, *дд* = 4 + 4 = 8 = *и*). Или в рукоп. Крушедола № 8 запись 1687 г.: лѣто ѿ ро҃ х҃ва ҂а҃.х҃.г҃.ѕ҃. сѣде на престѡ х а п р с ѕ а р т к с а м ѡ хонвѮде = царст(в)ина сѹлтан с(?)леиман; первые слова идут по «точечной» системе, последнее — по «греческой» (Зап. и натп. I, № 1880). Так же в 1689 г., присоединив еще отсутствие замены, изобразил слово «Хоповацъ» Кирилл в Сараевской

[1] Цонев, Опис.... I, стр. 90. Костич, стр. 60, *пп* исправляет на *вв*.

рукописи: **Хо҃ндръ**. *Хо* осталось не замененным, *но* — по «точечной» системе, остальное по «греческой». Четверную комбинацию дает Аввакум из Хопова же на рукоп. мон. Житомислича, писанную в 1690 г.: **ѹ сдраевѹ погрѣшенна же кцлѡѿвѿн** («греческая») **о҃лмк** («точечная») **ниссіа** («разложения»: 50+50, 200+200, 10+10) **авннешіна** («разложения»: 1+2, 50+50, остальное не затаено) **квѡд** («греческая») = **простите поне рѹка грешна писа.**[1]

3) Соединяются и менее родственные между собою системы, например, «значковая» и «греческая», как видно из надписи 1724 г.: **ѡ . · . н : г · д : : · стефан** (Зап. и натп. II, № 2438).

4) Комбинирует «простую литорею» с «греческой цифирной» Евстафий Путенский: **лън жемоушитъ ачлфопъ нанила** (простая литорея) **ѕе҃ѡнвпь енѡѱдѱве сѱ кхѱнд** («греческая») = **съи херѹвикъ агафонъ исписа демесникь евстатие ѡт поутна.** (Ист. Муз., собр. Щукина № 350, л. 45). Тот же Евстафий дает четверную комбинацию: «простую литорею», «греческую» и две своих тайнописных азбуки, в надписи: **съи херѹвикь наречеса** (литорея) **пръви гласъ** («греческая») **исписа евстатіе** (тайнопись первого типа) **протоѱалта ѿ пѹтна** (тайнопись второго типа) (рукоп. Акад. Наук, № 16, л. 6).

5) Встречается и комбинация «обратного письма» с цифровой «греческой», какова, например, указанная выше (стр. 42—43) запись рукоп. Рум. Нац. Муз. № 356. Взятая в целом, эта запись дает в одной фразе целых четыре системы: простой литореи, «греческой, «обратного письма» и «описательной цифровой».

6) Есть сочетания «греческой» с системой произвольного порядка букв; пример — **попъ Тодор'** (выше стр. 43).

7) Иногда комбинированье бывает, однако, намеренно ложное; так, в указанном выше (стр. 23) примере из Раваницы 1607 г. с именем «Панкратий», построенной по системе «разложения суммы»: в подлиннике над каждой буквой поставлено по точке, как будто запись идет по «точечной» системе; если же читать по этой системе, смысла не получится. То же видим и в записи 1658 г. из Сараева (Зап. и натп., I, № 1555 или Споменик, XXX, 39): **й й ѿ д ц к с е і** = **Кисаріѡнь**, на деле построенной по «греческой» системе, причем второе *и* осталось открытым и *ъ* и *ї* заменяют друг друга. Но есть и обратный случай: намеренно в записи, построенной по «точечной» системе, точки над буквами не проставлены, чтобы

[1] Записи и натписи, III, стр. 479 (к № 1926).

*

запись по внешности выглядывала, как построенная по «греческой» системе: мд҃ѯєзлъ = никодимъ (см. выше, стр. 28).

Конечно, перечисленные комбинации не исчерпывают всех возможных соединений, встречающихся в югославянских записях: вероятно, при более тщательных розысках, найдутся и иные комбинации.[1]

IX.

Не смотря на сравнительно детальную разработку и тщательное изучение югославянской тайнописи (какую видим, например, в работе Др. Костича, объединившей и прежние труды и привлекшей весь печатный материал и много неизданного), — остаются не только отдельные записи, но, повидимому, и системы, нами еще не раскрытые. Причина этого заключается отчасти в несовершенстве самих записей: писцы, привыкшие к обычному (нормальному) письму, часто ошибаются, когда им приходится применять столь не обычно написание тех же букв, какое они имеют в тайнописях различных систем, часто весьма сложных, каковы, например, замены в «греческой» цифровой; эти ошибки часто делают запись, действительно, тайной для нас; а те «вторичные» замены, о которых речь была выше, как носящие часто характер не только случайный, но и индивидуальный, делают раскрытие написанного иногда не выполнимым, несмотря на знакомство с самой системой. Поэтому к настоящему времени накопилось некоторое количество таких вовсе непрочитанных или отчасти неразобранных, или же не надежно раскрытых записей.[2] Вот несколько таких записей в качестве материала для дальнейшего изучения тайнописи:

1) Рукоп. сербская Белгр. Нар. библ. № 727, под 1568 годом: **И ,писа се сые въ дьны вьсеѡсвещеннаго митрополит(а) кѵр Медодіа вь лет(о) ,з҃.о҃.з҃ месеца с(?)** (Зап. и натп., IV, № 6348; рук. идет из Призрена).[3]

і ρ ȣ ц ѣ н т

2) Рук. Зографск. мон., XVI в., № 101: **Богь да простит писакшаго**

с҃

и богь да спасет чьтȣщаго —ф·⁘·п҃— (Зап. и натп., VI, № 9385).

т

---

[1] Ср. Костич, стр. 61—62.

[2] Иногда нина может падать здесь и на неточности самих мзданий записей, доступных нам только н их печатном виде, на что справедливо жалуется Костич (стр. 53 и 55, примечания).

[3] Отношу к 1568, а не к 1569 году (как в издании) ввиду наличия буквы с (сентября).

3) Хиландарск. мон. на русской печ. книге, 1735 г.: **Дакон҃ъ два .І. осмъ сто и десатъ .І. и два .Є. и три .І. и конечнїи слогъ есть ъ** (по «описательной» системе: **Кирилъ**(?) **п.о:п:и:д:п:д:в:в:к:п:о:п.к.д.оу.х**. (Зап. и натп. V, № 7706; книга принесена из Москвы архим. Герасимом).

4) Рук. Соф. Нар. библ. № 548 (154), сербск. XVI в., на л. 74 об: **иновлд чоъид щвωѱъ нъ ѱлизичи ѿ дѕдзнеъ иъ евдмигочд ѿ ѿ блкдвв8ъ ѿ годзл егилѕд** (Б. Цонев, Опис. . . II, 66). Здесь смешаны, как будто, несколько систем: простая литорея, может быть, «разложения суммы» и «греческая»; при.таком предположении можно, кажется, читать некоторые части записи: **щвωѱъ = бисть** (*щ = б* по простой литорее, остальное — по «греческой»); **бл=що** (*б = щ* по простой литорее, *л = о* по «греческой»); **кдвв8ъ ѿ годзлегилѕд = пани҃хъ ѿ злаго изводл** (по «греческой»).[1]

5) Рукоп. Соф. Нар. библ. № 488 (363), сербо-болг. четвероевангелие 1555 г., писанное Петром в граде Ловче, на л. 97 об.; в конце предисловия к ев. Луки: **н҃п҃п҃н҃м҃.л҃р҃б҃**. (Цонев, Опис... II, 25). Может быть, здесь имеем дело с «анаграммой»: **н(исл) п(о)н П(етр) . . . . . . р(лб) б(ожий)**?

6) Соф. Нар. библ. № 459 (128), Псалтирь серб. (но кое-где и юсы) 1559 г., рукоп. идет из мон. св. Илии (Врачанско), две записи на переплете: **ъліимтеблевк**, и **:пил азъ граматникъ агиплсестдω**; (Цонев, Опис... II, 8) в первой записи, сверх замен, может быть, и «обратное письмо», во второй конец идет, как будто, по «греческой» системе.

7) Берлинск. Кор. библ. № 22 (49) — серб. Церковный устав 1331 г., но запись XVII в., на л. 275 об.: **лзкѕтк ѯпоъ зωапѕтдѣъ**; построена, повидимому, частью на «точечной» системе: **ѯпоъ**, может быть, следует читать «попъ», конец также может быть по той же системе (Яцимирский, Описание слав. рук. в загран. библ., стр. 302).

8) Любляна, Лицей, № 8 (15), Псалтирь со службами, серб. 1599 г., на л. 267 об.:

ρ г з г д а д і м ӥ д а ė ~
ӟ д п а̇ а мда в ѯ д ћ а м і
ѿ ρ. л. д ѯ ӥ к ӟ в. м д ь
о и д ρ ч і. — ρ о д ч д а а̇ ѯ ѯ і
м ӟ ь — ѕ ӟ ч і п и м. і з м д ь ~
л ї ѯ д м з а ф ρ — : ~

По внешнему виду запись отчасти, по крайней мере, напоминает «точечную» (Яцимирский, Слав. рук. загран. библ., стр. 873).

---

[1] Неполное слово Цонев предлагает читать: **патихъ**.

9) Вена, б. Придв. библ., № 127 (10), Хроника Георгия Амартола, XIV в.; на л. 219 запись 1604 года: ѡвꙗпевзд: кцвавюѻзпь вь трьгови^щ^ в лѣ҃ ҂з҃.р҃.в҃і мц҃а иѹлиа д҃; читаются только первые два слова: сиꙗ книга. Яцимирский (Слав. рукоп. загр. библ., стр. 173) предлагает читать: париндиюл (— священника) гкь (?). Чтение сомнительное.

10) Соф. Нар. библ. № 613 (19), Требник серб. XV—XVI в.; на переплете внутри: в҃ в҃ д҃ р҃ р҃ а҃ в҃ в҃ н҃ н҃ а а҃ а҃ а҃ а. (Цонев, Опис... II, 121). Последние девять букв Костич (стр. 32) предлагает читать по системе «разложения суммы»: драга (2+2, 50+50, а, 1+1+1, а); чтение начала по той же системе смысла не дает.

11) На листе евангелия XV в. кириллицей XVII в. по румынски:

┼ дꙗц^ѡт^ъ Ѡфѣ҃ѱь. й҃дзеΔк^ц^ ѡд^м^зъ
ѡ҃в. ҂ на҃ Δд ивѱьѯдну. ^о^ѕв о^рп^ь пд^нн^
пь^ндг^ а^м^фл^ѡт^ ѱх. зьбьнд҃ Δдрвнуѱх҃
нꙗ́рхΔхв.

ачꙗ^ст^ъ сфѣ҃ть. е^в^а҃гелі^е^. ѡ а^м^ гъсѝ.
҂ к҃а ла вьтьманѹнѹ^а^. ди҃ а^ен^ка^н^.
кь^ндг^а^м^фо^ст^ѹл гь^вд^ вьна҃.ла цинѹтѹ^м^.
нꙗ^м^цѹлѹи.

Перевод: «Это святое евангелие я нашел в доме у ватамана из Лецкан, когда в Нямецком округе был Галбынаш». Такое чтение и перевод дает Яцимирский (Слав. и русск. рук. румынск. библ., стр. 404). Видимо, построена запись по «греческой» цифирной системе, но с необычными, вероятно, произвольными заменами и буквами, обычно заменяемыми, но здесь оставшимися частью открытыми, частью же замененными; здесь находим такие замены: ꙗ — *ч*, Ѡ — *с*, Δ — *л*, *к* — *і*, *н* — *к*, *и* — *ц*, *и* — *н*, *с* — *т*, *д* — *л*; *н* остается также и незамененным. Таким образом или чтение остается сомнительным, или передача в печати не везде правильна.

12) Рум. Нац. Муз. № 26 (1196), Четвероевангелие ср. болг. 1641 г., на обертке: ѡzд ѡолинѡд. едквѡд҃. телб҃лвци҃ лв҃. нцн^ѹ^ бивблцzи; Яцимирский (Слав. и русск. рук. румынск. библ., стр. 313—314) предлагает читать: сіа словеса написа҃ многогрѣ҃шнии ерѐѹ глигоріе. При таком чтении приходится признать большой произвол со стороны составителя, который ввел в тайнопись еще латинскую букву z = и (і); ср. Костич, стр. 55, прим.

13) Триодь мон. Руссика (Афон) сербская, XV в.; в конце большого послесловия (л. 383) внизу страницы рукой писца: раизззззвг҃ихни.[1] По внешнему виду запись несколько напоминает известную (но также не прочтенную) запись на Псковском Апостоле 1307 г. (б. Патр. библ. № 722):

[1] По фотографии, предоставленной мне П. А. Лавроным.

є зззззⒷморє, отчасти также запись 1696 г. на серб. евангелии Болг. Синод. библ. № 37 (32): зззз мшм шшш 888 [1] (Спространов, Опис... стр. 61). Может быть, в Афонской записи начальные и конечные буквы представляют переставленные буквы слов: г҃и хрании? Может также быть, что запись построена на манер «ребуса из букв», подобно той, какая находится на рук. Диоптры нач. XV в. Белград. Нар. библ. № 314 (л. 19): г҃...... помилѹи мє грєшнаго ѹѹѹѹѹѹѹѹѹѹ, которую Др. Костич (стр. 29) предлагает читать: самоѹка (по сербски: само (т. е. только) «ук»; «ук» — название буквы *у*)?

---

[1] Если только эти буквы не служат лишь для заполнения пустого места в строке, как и предполагает Е. Спространов.

II

ТАЙНОПИСЬ В РУССКИХ ПИСЬМЕННЫХ ПАМЯТНИКАХ.

Так же, как у югославян, и у русских была в ходу тайнопись; так же, как там, и здесь она по своим прототипам в ряде случаев восходит к криптографии византийской. Кроме этого источника для русской тайнописи, сообразно с общими влияниями в литературе и письменности, должны быть допущены, как для более раннего, так отчасти и для более позднего времени источники и югославянские (в свою очередь заимствовавшие отдельные элементы из той же Византии), затем также источники западно-европейские. Рядом с этими заимствованиями следует отметить и обратные случаи: русская тайнопись, заимствуя из югославянской письменности, иногда и сама служила источником для югославянской.[1] Наконец, необходимо признать, что русская тайнопись, охотно пользовавшаяся заимствованиями, выработала и некоторые самостоятельные системы тайного письма.

Употребление тайнописи в русской письменности восходит, судя по сохранившимся ее памятникам, к довольно раннему времени: не позднее XIII в. мы уже можем говорить о ней в русской письменности; некоторые же исследователи находят возможным отодвигать первые памятники тайнописи в русской письменности к XI—XII вв. (с чем, однако, согласиться трудно, как это будет видно из дальнейшего). Привычка же употреблять тайнопись в ее древнем, настоящем смысле (не в виде лишь забавы, загадки) продолжается, судя по наличным памятникам, даже во второй половине XVIII века. В течение этого ряда веков в письменности существует ряд различных систем, и одна система по временам отчасти сменяет другую; таким образом, возможно говорить о той или иной из них, как становящейся известной нам с того или иного времени и бывшей в употреблении преимущественно в то или иное время. С другой стороны, одновременное суще-

---

[1] Ср. Д. Костић, Тајно писање у јужнословенским ћириловским споменицима (Глас Српске Кр. Акад, CXII. стр. 2).

ствование различных систем ведет к выработке новых, как результату влияния одной системы на другую: это — системы смешанного характера, возникшие уже на русской почве. Это все, в свою очередь, дает возможность совместить исторический обзор употребления тайнописи в русской письменности с обзором и анализом различных систем, как усвоенных, так и выработанных этой письменностью, положивши в основу этого обзора исторический принцип.

Присматриваясь к известным и раскрытым до сих пор системам русской тайнописи, применявшимся в различное время в нашей письменности, мы можем по характеру распределить их на *семь* главных групп, допуская однако вариации не только в каждой из этих групп, но и совмещение, скрещение этих групп между собою и применение в одной и той же записи одновременно. Системы эти следующие.

I. Система *иных письмен:* вместо обычного принятого алфавита кирилловского, употребляется другой алфавит, при чем однако буквы этого алфавита применяются в значении тожественном с кирилловским; например, когда пишут по-русски или по-славянски, вместо кириллицы, глаголицей, греческими буквами и т. п.

II. Система *измененных знаков:* отдельные начертания букв, сохраняя исконное произношение, изменяют свой обычный вид путем прибавлений лишних черт, например, петель, крючков, искривления прямых штрихов и выпрямления округлых, или путем отнятия обычных составных частей буквы, или изменением положения буквы в строке; этим достигается «затаение» обычного, привычного вида написанного, а следовательно и произношения данного начертания.

III. Система *условных знаков:* для обозначения букв придумываются особые отдельные начертания, иногда на основании произвольных изменений начертаний букв чужих алфавитов или путем переделки алфавита в отдельных случаях кирилловского же; иногда изобретаются начертания целиком вновь.

IV. Система *замен:* условно по определенному ключу одне буквы азбуки заменяются другими из той же азбуки; и только при знании ключа возможно восстановить обычную букву и ее произношение.

V. Система *счетная,* или *цифирная.* Она основана на том принципе, что в кирилловском алфавите (как и в других, ведущих свое происхождение от греческого или восточных) буквенные начертания, почти все (например, исключая *б*), имеют также значение цифр; «затаение» достигается тем, что для того, чтобы получить требуемую букву слова, необходимо предвари-

тельно произвести то или иное математическое действие с числами, указанное в криптограмме; или же в этой системе применяются для означения букв-цифр особые для этого назначаемые условные значки или начертания.

VI. Система *акростиха:* по начальным буквам стиха или отдельным буквам фразы, составляющим запись или фразу, нарочно для этого составленную и имеющую иное содержание, или же по начальным буквам рядом стоящих слов, требуется составить «затаенное» слово; сюда же может быть отнесено употребление только одних начальных букв слова: только зная, как дополнить недостающие буквы, можно прочесть запись.

VII. Наконец, отдельный вид тайнописи может представить употребление письма в *обратном порядке букв* (справа на лево), причем и самые буквы могут переворачиваться в своих начертаниях в обратную сторону (так наз. «зеркальное» письмо); сюда же можно причислить перестановку букв и слогов в слове, размещение их в условной последовательности и т. п.

К тайнописи можно относить также писание *узором*: когда буквы слова или фразы, сохраняя свое обычное начертание и произношение, располагаются в виде какой нибудь фигуры (напр., креста, круга, сердца), и для прочтения написанного необходимо найти начало и направление линии в чертеже. Условно к тайнописи можно отнести и употребление *вязи*, когда применением особо сложной, необычной системы ее достигается затруднение для прочтения написанного.

Наконец, условно же, к тайнописи относятся *дипломатические шифры:* они по своему специальному назначению и в большинстве случаев по системам отличны от видов тайнописи обычных у авторов и писцов книг, поэтому должны быть предметом отдельного рассмотрения и в обзор тайнописи обычно не входят.

I.

Из иных азбук, применявшихся в русской тайнописи в качестве обычной кириллицы, встречаются: а) глаголица, б) греческая азбука, в) латинская и г) азбука пермская.

а) Что касается употребления в качестве тайнописи *глаголицы,* то здесь мы, несомненно, имеем дело прежде всего с округлой (так. наз. болгарской), а не угловатой (так наз. хорватской) глаголицей: только эта глаголица и могла быть известна с древнейшего времени русской письменности.

В употреблении глаголицы в качестве тайнописи мы можем различать хронологически два периода: древнейший, когда мы имеем дело большею частию с отдельными словами и буквами в кирилловском тексте, писаными глаголицей и встречающимися в рукописях XI, XII и XIII вв.; затем — позднейший, в рукописях XV и XVI веков (начала последнего), когда целиком глаголицей пишутся не только отдельные буквы и слова, но и целые фразы в кирилловском тексте.

Если относительно последнего периода не возникает сомнения в том, что здесь глаголица, письмо давно уже вышедшее из употребления, по крайней мере у православных югославян и у русских, применялась уже в качестве именно тайнописи, то относительно древнейшего периода дело представляется не вполне ясным и определенным: действительно ли глаголица в период XI—XIII в. (а может быть и XIV в.) могла на Руси всегда служить только в качестве тайнописи? Причина такого сомнения лежит в неясности истории самого глаголического письма на русской почве. Употребление глаголицы в виде тайнописи представлялось бы вполне естественным в древнейшее время нашей письменности только в том случае, если бы мы были убеждены, что глаголица совершенно была чужда нашей письменности, пользовавшейся с первых шагов своего появления исключительно кириллицею. Между тем такой уверенности (охотно принимавшейся еще недавно) мы иметь не можем ввиду тех известных теперь данных, которые довольно определенно говорят о том, что, если кириллица с первых же пор своего появления у нас стала обычным общеупотребительным шрифтом для русских рукописей, глаголица во всяком случае также проникала на русскую почву, как письмо, которое привыкшие к кириллице читатели и писцы умели читать и копировали в своих текстах; об этом свидетельствуют такие известные русские тексты, как: «Евгеньевская» псалтирь, 13 Слов Григория Богослова XI в. (Ленингр. Публ. библ.), так наз. «Толстовская» толковая псалтирь (там же) и другие памятники XI—XII вв., вне сомнения, списанные с глаголических оригиналов на Руси; о том же вполне определенно свидетельствует известное послесловие новгородского попа Упыря Лихого, в 1047 году списывавшего «исъ куриловицѣ», т. е. с глаголицы, Толкование на малых пророков.[1] Если мы до сих пор не знаем и не нашли писанных сплошь глаголицею текстов русского извода (да и надежды найти таковые у нас, повидимому, нет), то знаем не одну

[1] Дошедшая в поздних (XVI в) копиях работа Упыря в самых текстах сохранила следы своего глаголического оригинала; из этих копий особенно обильна следами глаголицы рукоп. Чудов. мон. (б. Патриарш. библ. в Москве № 13/183).

кирилловскую рукопись, где писец, писавший с кирилловского оригинала, в послесловии от себя пишет отдельные слова или отдельные буквы слов глаголицею; таковы, напр.: отрывок из поучения XIII в.,[1] приписки в церковном уставе XI—XII в. (б. Типогр. Синод. библ.), в апрельской служебной минее XII в. (той же библ.), в Поучениях Кирилла Иерусалимского XII—XIII в. (б. Патр. библ., № 478)[2] и др.; или же в самом тексте писец дает такую причудливую смесь кириллицы и глаголицы, что предполагать в глаголических буквах лишь случайный след оригинала недостаточно: если такие тексты XII—XIII вв., как то поучение, из которого приводит отрывок И. И. Срезневский,[3] допускают предположение об их глаголическом происхождении (хотя и не безусловное), все же самый способ пользования глаголицею показывает довольно небрежное отношение к ней, как к чему-то такому, что особенного значения в глазах читателя или писца не имеет; так, в отрывке Срезневского найдем: цвѣтъ, но тут же: цвѣтъ; ⰸаⱃрѣⱛⱏⰲ — оувѣщавакть, всѧка, всѧ — ⱛсѣмь и т. п.; у Бодянского: польⰸоу — польза, бо — ⰱо, иⰶе — кже, оуповаюіть — оупоⱛаюіть и т. д. Перечисленные случаи, ясно, показывают, что в XI—XIII вв. глаголица на Руси не представляла собой чего либо из ряда вон выходящего, если и не была столь обычной в письме, как кириллица. Так же приходится объяснять и известные новгородские graffiti, изданные В. Н. Щепкиным (утверждающим при этом, что «глаголица заходила в Новгород в XI—XII в.»).[4] Все эти соображения относительно применения глаголического шрифта на Руси заставляют уже a priori ослабить излишне категорическое заключение о неизвестности глаголицы, незнакомстве с нею на Руси XI—XIII вв., а стало быть, ограничить и мнение о глаголице в это время на Руси в качестве тайнописи: глаголица, если и не была письмом обычным, все же не была настолько редкостным алфавитом, который бы *всегда* мог быть применен как орудие для «затаения», загадки.

Присматриваясь ближе к глаголическим словам и строкам русских рукописей, мы найдем еще подтверждение нашему априорному предположению, именно: в содержании, отчасти в составе, этих глаголических запи-

---

[1] И. И. Срезневский, Сведения и заметки, XLI—LXXX (СПб. 1876), стр. 14 и 34.

[2] Е. Ф. Карский, Палеография, стр. 213 сл.; Описание славянских рукописей Моск. Синод. библ., II, 2, стр. 48 (снимок).

[3] Древние русские книги (СПб. 1864), стр. 18—19; оно же — так называемые «Московские глаголические отрывки»; см. изд. О. М. Бодянского в Чт. ОИДР 1859, 1.

[4] Древности, труды Моск. Археол. Общ., XIX, 3 (М. 1902), стр. 26 сл.

сей и слов мы прежде всего заметим, что происхождение глаголических начертаний может быть объяснено различно: в одних записях, каковы упомянутые б. Типографск. библ. XI—XII (рис. 27) и XII в., еще можно говорить о тайнописном их характере: ⰿⰹⱈⰰⰾⱏ ⱂⱄⰾⱏ ⰿⰹⰽⱆⰾⰵ (т. е. михалъ пслъ микоуле) и: ⰾⰰⰲⱃⰵⱀⱅⰹⰹ ⱂⱏⱄⰰлъ ⰿного (т. е. Лаврентиі пъсалъ много), где писавшие, из смирения или по обычаю, могли прибегнуть к тайнописи, скрывая свои имена; можно смотреть, как на такое же стремление или желание задать читателю загадку, пожалуй, и на запись в Поучениях Кирилла Иерус. XII—XIII вв.: ⱄⱂⰰⱄⰹ ⰳ͠ⰹ ⱂⱁⰾⰹⱅⰰ (спаси г͠и полита), или в Финляндском отрывке № 39: ⱄⱅⰰⱀⰹ ⰲ(?) ⰱⰾ(= ⰾ?)ⰰⰳⱏ. ⱈⰲⰰⰾⰹ о г͠и поспѣши || ⰱⱁⰳⰰ. ⱁⱌⰰ ⰹ ⱄⱀⰰ ⰹ ⱄⰳⱁ ⰴ(=ⰾ?)ⱈⰰ (стани в? благъ хвали о г͠и поспѣши бога оца и сна и сго дха).[1] Но в новгородском graffitto (рис. 28): «страньныи ⰳⱃⱑⱎⱐⱀⱏⰹ панъ

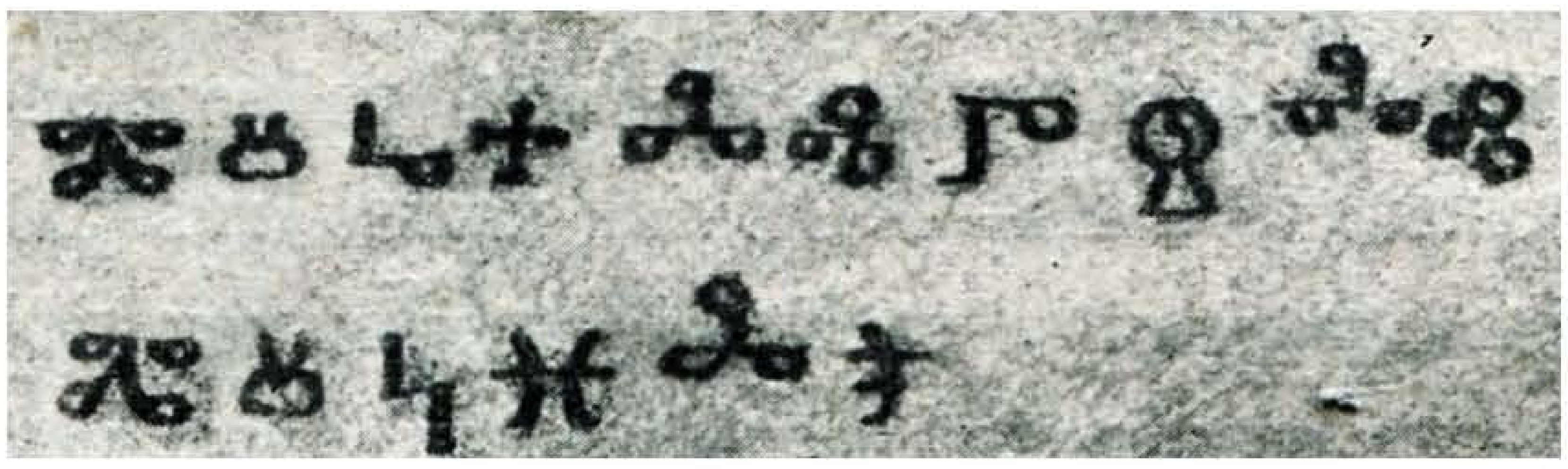


Рис. 27.

Рис. 28

воине», это уже труднее: прикрытым глаголицею оказывается как раз ходячее слово «грѣшьныи», затаивать которое не принято, а имя, которое обычно и прикрывается тайнописью, осталось писаным кириллицею. Еще меньше можно подозревать желание скрыть что-либо или дать загадку в упомянутых отрывках Бодянского: отдельная глаголиче-

[1] И. И. Срезневский, Сведения и заметки, XLI, 14.

ская буква в слове, написанном кириллицею и рядом то же слово, писаное целиком кирилицею, разумеется, исключают всякое намерение затаить что-либо. Разумеется также, уже никакого сомнения насчет отсутствия какой-либо мысли затаить что-либо нет в таких случаях появления глаголических начертаний, как Евгеньевская или Толстовская псалтирь и 13 Слов Григория Богослова. Из всего сказанного явствует, что об употреблении глаголицы в качестве тайнописи, притом в полном смысле этого термина, для XI—XIII вв. можно говорить лишь с большими ограничениями, так как глаголица была письмом настолько известным, что списывание с рукописей глаголических было делом уже не столь редкостным, и глаголица, в качестве ли описки, или по другим побуждениям (напр., желание похвастать знанием и другого шрифта, просто курьоза), могла встречаться в кирилловских рукописях, и это, повидимому, не создавало затруднения при чтении текста для грамотного человека XI—XII в. И с культурно-исторической точки зрения подобное представление о положении глаголицы в русской письменности XI—XII в. не будет противоречить фактам, если принять во внимание то общение между русской и болгарской письменностью не только восточной, но и западной с Охридой — этим гнездом балканского глаголитизма — во главе; это общение становится для нас все более и более ясным при внимательном изучении международных отношений, как гражданских, так и церковных, древней Руси и балканских народов.[1] Такой взгляд на положение глаголицы в русской письменности вполне подтверждает и мысль И. В. Ягича, высказанную им по поводу новгородских graffiti: «da auf einer anderen Inschrift (у Щепкина, XLII, табл. II, 8) mitten unten den cyrillischen auch glagolitische Buchstaben begegnen und zwar mit gleicher Sicherheit geschrieben[2] — es sind durchwegs hübsche runde Züge, — so muss daraus auf die Vertrautheit des unbekannten Individuums mit beiden Alphabeten geschlossen werden, irgend welche kryptographische Absicht ist hier gewiss ausgeschlossen.[3]

[1] Имею в виду такие работы, какова, напр., М. Д. Приселкова, Очерки по церковно-политической истории Киевской Руси X—XII вв. (СПб. 1913), где настойчиво выдвигается роль болгарского патриархата в истории борьбы русской церкви с византийским патриархатом за самобытность церкви Русского государства, роль Болгарии в самом процессе крещения Руси.

[2] То есть, как и сплошной глаголической надписи — XLI, табл. I, 3 (см. рис. 3). Эту надпись И. В. Ягич читает несколько иначе, нежели В. Н. Щепкин, именно: ⰴⰰⰴⰰⱅⰰ ⰴⱁⰱⱃ (— щ у В. Н.) ⰽⱃ (— ь у В. Н.) ⱃⱁ .... ⱅⱏ (— ь у В. Н.) ⰽⱏ (дадата добръ кро'.... тъкъ).

[3] Arch. f. sl. Ph. XXV, 1, стр. 32; Ср. его же, Глаголическое письмо (Энциклопедия Славянской Филологии, вып. 3, СПб. 1911), стр. 109—110.

При таком положении дела для XI—XIII в. употребление глаголицы в качестве тайнописи, вероятнее всего, надо представлять приблизительно таким образом: чем древнее эпоха, тем меньше шансов видеть в «русской» глаголице тайнопись; с другой стороны, нельзя отрицать, что к концу старейшего периода могла явиться мысль об употреблении глаголицы в качестве тайнописи: это могло произойти только тогда, когда, во-первых, употребление старой (округлой, болгарской) глаголицы стало падать в самой Болгарии, и когда приток писанных глаголицей памятников оттуда на Русь ослаб, во-вторых, когда сношения Руси с югом славянства также ослабели; как то, так и другое падает на конец XII и начало XIII века. Поэтому можно предполагать, что и глаголица стала к этому времени забываться на Руси,

Рис. 29.

как письмо, хотя чужое, но еще понятное. Иначе сказать, к XII—XIII в. можно допустить употребление глаголицы уже в качестве тайнописи на Руси. В XIV в., сколько до сих пор известно, интерес к глаголице вообще и к ней же в качестве тайнописи в частности совершенно замирает; мы не знаем ни русских глаголических рукописей этого времени, ни списанных с глаголицы или несущих на себе следы непосредственного происхождения от глаголических оригиналов, не знаем и тайнописи глаголицей в рукописях этого времени. Но в начале XVI в., а, быть может, даже в конце XV века, мы опять встречаемся на русской почве с глаголицею, притом опять с округлой. Так, в русском по письму сборнике б. Патр. библ. № 951 (по Описанию Горского и Невоструева — № 316) на л. 2 (18) в Слове,

приписанном Иоанну Златоустому, среди страницы находим несколько строк, писаных глаголицею, при том входящих в состав самого текста (см. рис. 30):[1] «си г҃лна бываху ⰄⰀⰆⰅ ⰐⰅ ⰔⰑⰈⰄⰀⰐⰑ Ⰱ҃ⰔⰕ ⰀⰄⰀⰏⰑ. ⰒⰅⰓⰠⰂⰋⰡ ⰂⰑⰑⰁⰓⰀⰈⰋⰔⰡ ⰒⰎⰑⰕⰠ Ⱈ҃ⰔⰕⰑⰂⰀ Ⰺ ⰀⰒ҃ⰎⰋ. тъгда ⰀⰄⰀⰏⰑ создано бы҃».

Знакомство писавшего с круглой глаголицей не подлежит сомнению, хотя, видимо, уверенности в начертаниях глаголицы и нет; на это указывает общая невыдержанность стиля букв, такое начертание как э-є, кое-где кирилловские буквы, самое искажение отдельных глаголических начертаний (напр. для *з*, *н*, *с*, *б* и др.). Легко заметить, что применение глаголицы в данном случае явилось результатом желания не щегольнуть знанием редкого письма, а скорее желания обратить необычностью письма особое вни-

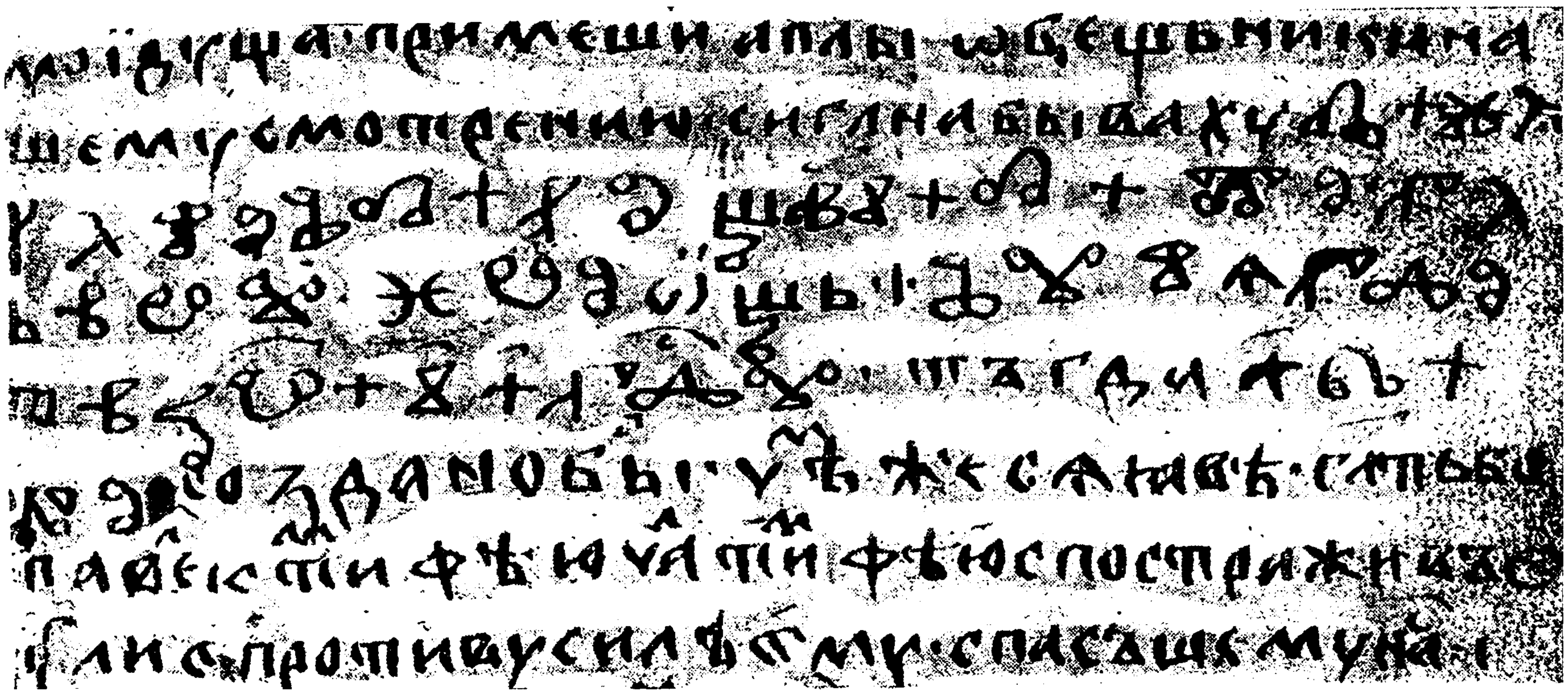


Рис. 30.

мание на это место текста, может быть, рискованное с точки зрения обычных воззрений, или важное, для чего и применена им употреблявшаяся в его время в качестве тайнописи глаголица; чтение же всего этого места таково: «си глаголана бываху даже не создано (= ъ) бысть адамо (= ъ) перьвиѧ (= е) воборазися плоть христова и апостоли. тогда адамо (= ъ) создано (= ъ) бысть».

В этом случае применения глаголицы интересен вопрос: имеем ли мы перед собою старую традицию (может быть XI—XIII вв.), когда допустимо было такое пользование глаголицею, или источник нашей глаголицы XV—XVI в. был иной? Определенно ответить на этот вопрос при теперешних наших средствах представляется затруднительным. Скорее, однако, можно думать, едва ли мы здесь имеем дело непосредственно с продолжением ста-

---

[1] Передано в факсимиле, сделанном от руки, в Описании рук. Моск. Синод. библ., II, 3, стр. 570; мы даем более точный снимок по фотографии.

рой традиции. Как было уже замечено выше, глаголическая традиция в русской письменности быстро шла на убыль и в XIV в. может счесться почти оборвавшейся, а по отношению к глаголице в качестве тайнописи это можно предполагать в особенности; к тому же в XIV—XV вв. мы видим иные, новые виды тайнописи, которые уже получили, как убедимся из дальнейшего, в письменности права гражданства. Такие теоретические соображения могут найти себе некоторое подтверждение и во внешнем облике глаголической тайнописи XV—XVI в. Интересующая нас запись в б. Патр. рукописи, своими начертаниями довольно резко отличаясь от старой глаголицы, выдает неуверенность в начертании глаголических знаков, искажения подлинных начертаний старой круглой глаголицы. Самая мысль написать несколько строк глаголицей, при всем том, допускает иное объяснение, а именно: кажется, появление у нас вновь глаголической тайнописи в конце XV в. и начале XVI в. до некоторой степени может объясняться в связи с новым, так наз. «вторым» югославянским, влиянием в русской письменности, замечаемым здесь уже с конца XIV в. и имевшим место в течение XV в. и в начале XVI в. В это время, как известно, замечается прилив в нашей письменности югославянских рукописей, попытки привить в русской письменности некоторые навыки письма, выработанные на юге славянства.[1] С другой стороны, в самой югославянской письменности, рядом с реформами Евфимиевской эпохи, мы видим, что старая глаголическая традиция на фоне кирилловского письма держится дольше, чем на Руси; это фактически доказывается наличностью кирилловских югославянских рукописей XIV, XV и XVI вв. со следами глаголицы; такова упоминавшаяся раньше (стр. 4) рукопись Апостола конца XIV в.—нач. XV в. Сербской Акад. Наук № 55; таково же, повидимому, и евангелие XV в. с цитатой из Ио. XV, 17—20, писаной также глаголицею, при чем при общем характере круглого письма, кажется, заметно влияние и угловатой глаголицы; и здесь среди глаголических букв примешаны и кирилловские: *о, м, ч, ю*, ꙗ, ѿ[2]; к XVI в. относится глаголическая же запись в рукописи мон. Крушедола № 8;[3] наконец сюда же относится глаголическая тайнопись протопсалта Евстафия (о которой см. выше стр. 8), представляющая по характеру и языку самой рукописи переходную ступень от южнославянской традиции к русской. Наличность таких фактов, вместе с «вторым» югославянским влиянием, дает возможность предположить, что

[1] А. И. Соболевский, Переводная литература Московской Руси. СПб., 1903, стр. 1—16.
[2] Снимок см. в Archiv f. slav. Philol. XXV. 35.
[3] См. выше, стр. 6.

глаголица Патр. рукописи № 951 (316) может быть рассматриваема, как одно из отражений времени «второго» югославянского влияния, может быть, и у нас заставившего вспомнить замершую-было традицию. В дальнейшем нам придется иметь дело с этим югославянским влиянием в той же области тайнописи. Может быть, и в самых начертаниях глаголицы Патр. рукописи возможно заподозрить, хотя бы отдаленную, связь с югославянской глаголической традицией? При общем округлом типе этой глаголицы, обращает на себя внимание начертание для і — ж, очень напоминающее подобное же угловатое Ⰺ в упомянутом евангелии XV в. и ж записи Крушедольской рукописи; так же, как в приписке XV в., и у нашего писца не хватило глаголического начертания для ѡ, почему оба оставили его не замененным; так же, как и оба упомянутые южные писца, и наш принял для глаголического э позднюю его форму (э); замечаем один и тот же принцип выпрямления ·в — ·в и в нашей рукописи и в приписке XV в. — оборот петель в одну (правую) сторону; наконец, угловатое ш нашей тайнописи напоминает угловатую глаголицу и в частности начертание в приписке XV века.

Таким образом, если приведенные соображения правильны, мы можем допустить, что в XV веке употребление глаголицы в русской письменности в качестве тайнописи обязано своим происхождением югославянскому влиянию. Но, повидимому, этот способ тайнописи большого распространения у нас не имел, вероятно, при наличии других систем: еще примеров применения глаголицы к русской тайнописи на северовостоке мне не встретилось за XVI — XVII вв., если сюда не относить непонятные записи на лл. 453 и 487 в рукоп. XVI в. б. Рум. Муз. № 494 (собр. Пискарева № 59), лишь

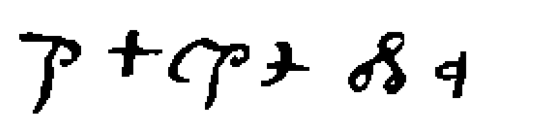


Рис. 31.

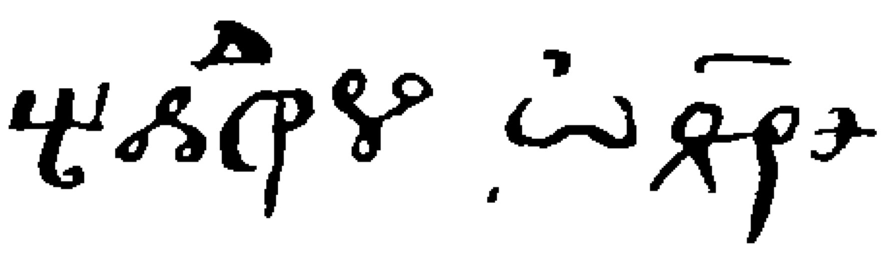


Рис. 32.

отчасти напоминающие по начертаниям глаголицу,[1] и рукоп. б. Архива мин. иностр. д. № 626, нач. XVI в., где на л. 79 среди букв, подражающих греческим скорописным (см. ниже, рис. 34) находим ∞ = глаголическому ⱌ (ср. рис. 30). Но на югозападе Руси мы, однако, можем конста-

[1] А. И. Соболевский (Палеография, стр 109) относит всю рукопись к 1472 году; но на деле конец ее с л. 453 (как раз в той части, где находятся интересующие нас приписки, рис. 31 и 32) и до конца писан позднейшими почерками XVI в. Ср. Каталог сл.-русских рукоп. Д. В. Пискарева, М., 1871, стр. 13.

тировать случаи применения глаголицы в виде тайнописи даже в первой половине XVII века; так, в конце книги «Τριῴδιον, сиесть Трипѣснецъ» (напеч. в Киево-Печерск. типогр. 1631 г.) имя типографа скрыто под печатной глаголической записью (см. рис. 33): «Памво, иже и Павелъ

Рис. 33.

Беринда, протосингелъ и архитипографъ». Записи, также гравированные, смешанного типа (особые значки и глаголические буквы) встречаются также на летучих листках той же типографии: «Житие св. Памвы», «Лествица», «О преп. Памве Нитрийском» (1626—1629 гг.). Повидимому, эта тайнопись принадлежит тому же известному лексикографу Памве Берынде. Судя по начертаниям глаголических букв приведенной записи, мы имеем здесь дело отчасти с подражанием печатным типам хорватской глаголицы, чтó вполне возможно для юга Руси при ее отношениях к южному и югозападному славянству в XVI и XVII вв.[1]

б) Что касается употребления в качестве русской тайнописи азбуки *греческой*, то примеров древнее XV века нам не известно. Появление этого способа тайнописи надо, повидимому, ставить в связь с оживлением сношений Московской Руси с греками, начавшимся с конца XIV в. и до начала XVI в., когда в наших рукописях замечается, в графике их, влияние и югославянства, несшего также кое-какие навыки и греческого письма, более югу славянства близкого, нежели Руси.[2] В это время и в кирилловских рукописях, писаных югославянами в России или русскими их учениками, появляются начертания, стоящие в зависимости от греческого скорописного письма. Таков, например, сборник библ. б. Троице-Сергиевой лавры № 793 (1639) XVI в. (полуустав, переходящий в скоропись): его писец (русский?) не только охотно пишет югославянизмы (ж, окончание — ааше), но и для

---

[1] Ср. Хв. Тітов, Матеріяли для історії книжної справи на Україні в XVI—XVII в., Київ, 1924, стр. 253. Подробнее см. С. И. Маслов, Библиогр. заметки о некоторых старопечатн. изданиях (Русск. Фил. Вестн., 1910). Здесь к сожалению дан только один снимок (стр. 357).

[2] Ср. А. И. Соболевский, Палеография, изд. 2-ое, стр. 57; ср. Др. Костић, Тајно писање у ћириловским споменицима, стр. 9.

п, д, н употребляет греческие начертания π, δ, ν (даже греческие лигатуры: δ+ι, π+ρ); такова же служебная минея собр. И. Е. Забелина (в Гос. Ист. Муз.) нач. XVI в. № 52, где найдем то же.[1] В это же время в записях и приписках мы нередко встречаем греческие слова, писаные русскими буквами, как например, в Стихираре 1381 года б. Троицкой лавры № 22 (1999): «с бгомъ починаємь киріе евлогисонь.... елеисон ми.»,[2] или в сборнике б. Моск. Патр. библ. № 203 (367): «а писана сїа прича послѣдня сего ста, семыѧ тыслща .пз. ѡктобриѧ (1478) трия ї агїа. доѯа си. з греческихъ книгъ. на рускии ѩзык переведено.» (л. 544).[3] Иногда в это же время находим писаное и по-гречески греческими же буквами (часто в перемежку с кирилловскими), как например, в сборнике XVI в. Спасо-Евфимиева мон. (в Вологде): «δοξα си ὦ θεωсь» (л. 203),[4] или в псалтири XV в. б. Троицк. лавры № 3 (2006): «Δεχου аие δимитріе ηγνατίου πόνος .... δοξα στη χυριε δοξα στη».[5] Еще нагляднее об этом типе письма говорит нижеследующий снимок (рис. 34) из рукописи б. Архива мин. ин. д. № 626 (нач. XVI в.) л. 79, столб. 1, где (кроме глаголическ. ъ) находим вперемежку греческие буквы и на греческий манер закругленные кирилловские: «въ средоу блаженъі гла в».[6] Все эти примеры (их можно бы привести и еще несколько) указывают не на тайнопись, а разве лишь на желание щегольнуть знанием греческого языка (да и тут дело ограничивается по большей части стереотипными ходячими формулами) или, по крайней мере, на знакомство с греческим алфавитом. Но кроме этих случаев, нам известно употребление греческого алфавита и в целях тайнописи: в этом случае записи по языку — русско-славянские, по шрифту же — греческие; здесь видно

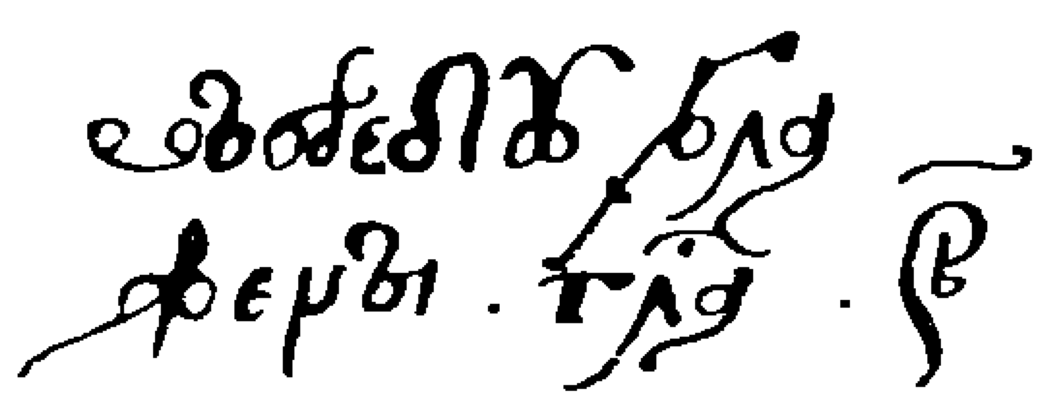


Рис. 34

[1] Лл. 17, 127. Ср. А. И. Соболевский, Палеография, изд. 2, СПб., 1908, стр. 37, 57. Очень характерна в этом отношении и рук. Ундольск. (б. Рум. Муз.) № 53, XVI в., где писец явно подражает греческому письму, прибегая часто к греческим скорописным лигатурам: π+ρ, δ+ι, γ+ε, γ+ι, χ+ρ, любит писать не только ν, δ, π, но и μ и κ; см. лл. 476 об., 320 об., 559 об., 560 об., 573 об., 575 об. и т. д.

[2] Описание рукоп. Свято-Троицкой Сергиевой лавры, I. М., 1878, стр. 36; подробности об этой рукописи, ее дате см. у Е. Ф. Карского, Палеография, 1928, стр. 50, 284, 417, 474, у А. И. Соболевского, Палеография, стр. 37.

[3] Описание слав. рукоп. Моск. Синод. библ., II, I, стр. 640; речь идет об одной из притч из «Стефанита и Ихнилата»

[4] И. А. Шляпкин, Описание рукоп. Спасо-Евфимиевского мон. (Памятн. Общ. Люб. Др. Письм., 1880 г., вып. IV, 34).

[5] Памятн. О. Л. Д. П., № LII.

[6] Буква *р* перевернута хвостиком вверх, а в деформировано во вкусе греческой β.

знание произношения греческих начертаний и их сочетаний, приспособляемого к произношению русских букв, попытка изобразить греческими буквами звуки, отсутствующие в греческом языке (ч, ж, ц, ю, я); в последнем случае писец ставил или греческую букву, выражающую приблизительно похожий на требующийся звук, или сочинял особое начертание. Пример первого рода тайнописи дает Пролог Ленингр. Публ. библ. (F. I, 43) 1431—1434 гг., писанный монахом Ивоной в пригороде Новгорода (Старой) Русе: .... ἀ ποδπισαλ ποπ γαυριλω ροζεστυενηι в лѣ ҂ѕ.ц.ѯд. (6964—1456) πρι υελικομ κνζη βασιλιη βασιλιεβιςη πρι ἀρχιεποπε Ιων Κιεβσκωμ вс(еѧ) (Роуси) = «подписал поп Гаврило Рожествен(ск)ии в лѣто 6954 при великом кнѕи Василии Василиевичи при архиепѣ Ион(ѣ) Киевском всея Руси». Здесь для «в» мы видим и β и υ, ζ обозначает как *з*, так и *ж*; для *ч* взят числительный знак (копа = 90 = рус. ч҃). Для второго случая довольно характерна запись на Царственном Летописце Гос. Историч. Музея (Москва) № 2291,

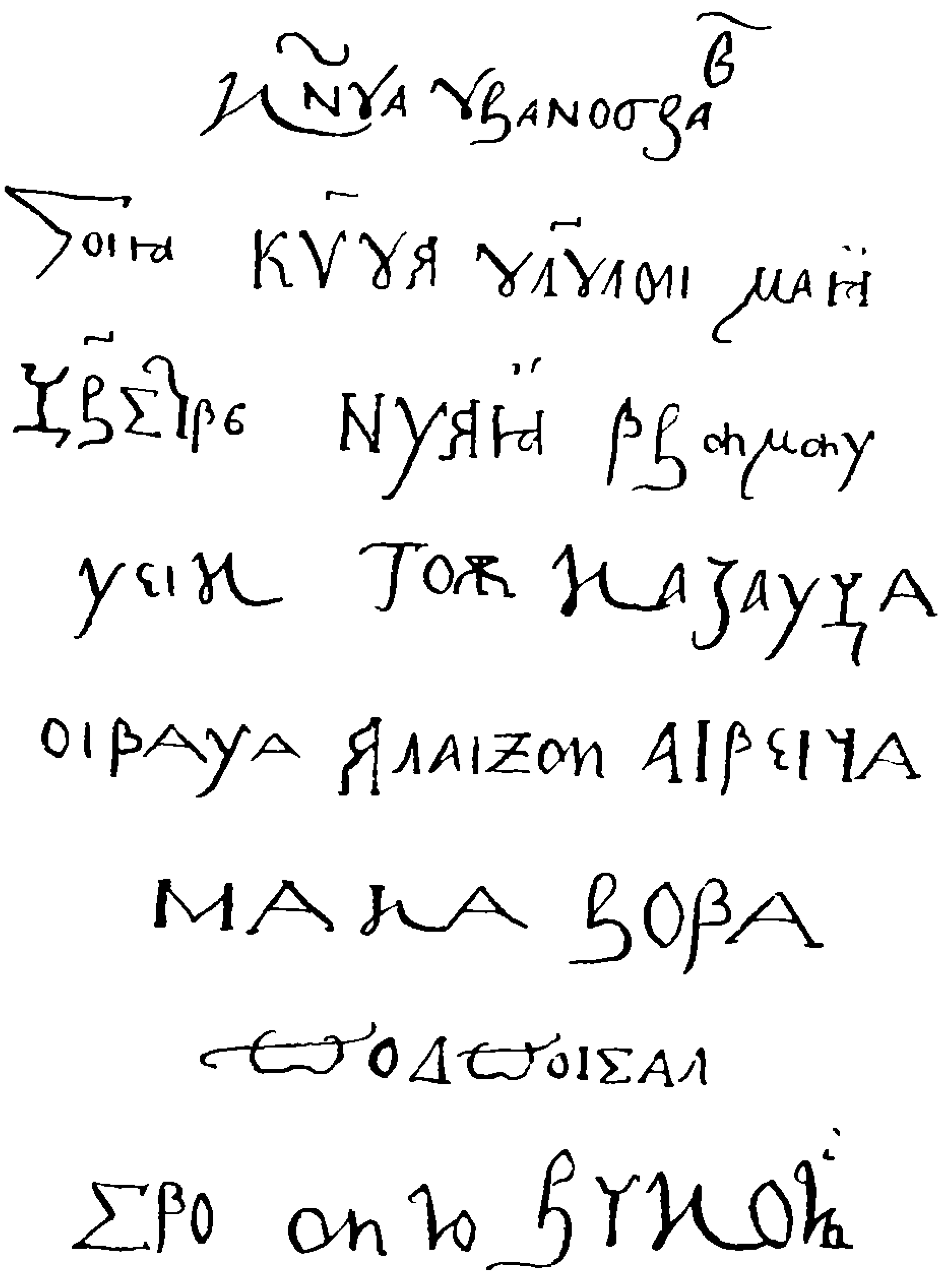


Рис. 35.

где внизу по лл. 1—25 читается: Σοια κνга γλγλαιμαѧ црστβεнναѧ βραιμαινναιк тож καζанца οιβανα αλαιξαιβειча μακαροβα ποδποισαλ σβοαιю ρѹкою. κνγα γρανογρа = «Сиѧ кнга глглемаѧ црственнаѧ временник тож казанца Ивана Алеѯеевича Макарова, подписал своею роукою, кнга гранограф».[1]

[1] Раскрытме этой тайнописи дано в самой рукописи старой рукой на верхних полях страниц параллельно самой тайнописи; в рукописи тайнопись размещена по одному слову или куску слона на л. 1, 8—25; для удобства сведена мною в несколько строк; верхние два слона снимка — на листе первом.

Здесь мы видим: 1) стремление «затемнить» написанное, во-первых, применением дифтонгического типа начертаний (сообразно их тогдашнему произношению) гласных русских: *οι = и, ει = и, αι = е;* во-вторых, деформацией обычного греческого начертания, как это видно в ρ, ν, ȣ,[1] употреблением, в-третьих, прописных и строчных (унциальных и минускульных) начертаний одной и той же буквы внутри слова и строки: α, Я, λ, ν, N: 2) употребление неизмененных русских букв, выражающих звуки, отсутствующие в греческом: ꙗ, ч; 3) особые знаки для таких же звуков: *ц, ж* (для последнего взят ж).

До некоторой степени к тому же виду тайнописи можно отнести условно и запись любителя писать по-гречески, писца упомянутого выше сборника Спасо-Евфимиева монастыря: «недостоины ὤνȣрѣеця» (л. 203), если это не просто щегольство писавшего.

Наконец, в качестве ингредиента, греческий алфавит (как и глаголический, и латинский) входит иногда, как увидим, и в другие системы тайнописи.

Как долго практиковалась в русской письменности эта «греческая» тайнопись, определенно сказать трудно: судя по известным мне ее экземплярам, можно думать, что на нее была мода, главным образом, в XV в. и в XVI в., в конце же последнего и в XVII в. мы чаще встречаемся с иными системами тайнописи. Встречаемая на юге славянства в XVII в. и в XVIII в. «греческая» тайнопись в связь с употреблявшейся на Руси поставлена едва ли может быть: там она находила себе поддержку в местных условиях жизни и письменности.[2]

в) Употребление *латинской* азбуки в качестве тайнописи падает на время сравнительно позднее и находит, естественно, объяснение себе в том западноевропейском культурном и литературном влиянии, которое имело место, главным образом, в конце XVI в. и в течение XVII в., причем в последнем случае приходится учитывать и роль русского югозапада, более интенсивно усваивавшего западное влияние и в свою очередь передававшего его на северовосток. Несомненно, при этом известную роль играла и школа с ее латинским языком преподавания; поэтому записи латиницей часто находим в XVII в. и еще чаще в XVIII в. именно на книгах либо школьных, либо писаных или принадлежавших бывшим школьникам или преподавателям. Старший из известных мне примеров употребления

[1] О диформации в общем речь впереди, при изложении системы II-ой.
[2] См. Др. Костић, op. cit., стр. 8—9.

латиницы для написания русских слов представляют заметки читателя на полях Хронографа нач. XVII в. б. Рум. Муз. № 460. Здесь при рассказе о походе Ярослава 1016 г. на поле л. 102 об. отмечено: bitwa; на л. 183 при известии о приходе Святополка (1017 г.): pobieni(e) polk(ow?); на л. 188 об. при сообщении о найденном уроде-отроке («на лицы срамные уды»): diwo. Почерк латинских букв хорошо выдержан в стиле латинской печатной готики. На л. 255 по поводу рождения у князя Василия сына Ивана (1440 г.) более поздней (но все же XVII в.) рукой: Ioan Wasilieviz. К концу XVII же века относится запись на краю (л. 391) упомянутого выше Временника Историч. Музея № 2291: Konec qnige glaholemoi wremenniq. Для югозападной Руси, где распространение латино-польского алфавита доходит до употребления его русскими, как обычного, провести границу между тайнописной и обычной записью иногда невозможно. Такого рода — большинство случаев, когда русский писец начинает писать латиницею самые обычные вещи. Из массы примеров подобного сорта достаточно привести для того, чтобы судить о характере применения к русскому письму латинской азбуки, хотя бы следующие: на евангелии б. Виленской Публ. библ. XVI в. № 34 (1) по листам внизу читаем: «Siu knihu nazwanuiu ewanhelia kupiu ĵnok otec Hury w horodi Newliu y dał za neho Rusky monety rubli czetyri y darowal eho wielebnomu otcu Kuzmie Nikiforowiczu Roku 1746 mieca marta dnia 30; na prepodobnaho Ioana spisatelia Listwicy. Dlia liepszey wiary podpisuiesie Kozma Nikiforowich Ptr cerkwi Puchnowsky. Otec Hury obywatel Usmynsky Hrihory Nikiforowicz.»[1] В рукописях Нежинского б. Историко-Филологического Института также найдем ряд подобных примеров: № 163 — текст польской проповеди XVIII в.: Ko Bogorodici nini pritecym hryszuyi (тетр. XIII); на Литовском статуте в списке XVIII в. № 51 какой-то Aygoustow, вероятно, владелец рукописи, расписался несколько раз (лл. 109, 191, 216, 407 об.); на сборнике XVII в. — запись XVIII в. № 118: Sia kniha kuplena u horodu Arhanhelskoho. A prozital....[2] Там же на югозападе находим и смешанные

---

[1] Ф. Добрянский, Описание рукописей Виленской Публичной библиотеки, Вильна, 1882, стр. 44—45.

[2] М. Н. Сперанский, Рукописное собрание Ист.-Фил. Института, приобретения 1901—1905 гг, Нежин, 1905, стр. 23; его же, Описание рукописей Ист.-Фил. Института (окончание). Нежин, 1901, стр. 29. То же представляет запись на сборнике Ф. И. Буслаева (теперь Библ. Моск. Универ. — 5. Q. I. 195): Sia дѣла raznae istori pisani peratnei ... a pisal sie gargopolsqnoi kupes Iwan Vasilev sñ..., см. Е. И. Соколов, Опись 24 рукописей Ф. И. Буслаева. М., 1900, Чт. ОИДР, стр. 8. Даже в XIX в. встречается след этой традиции: Sia kniha pskovitinina Ivanna Aleȿieva Savina anno зт҃и (т. е. 7368—1860) aprilius VII — в рукоп. И. Е. Забелина (Ист. Музей № 327).

записи русско-латинские: такова — на рукописи Нежинского Института № 152 запись XVII века: «Шукай первуию аще требуиешъ иевангелии на посвящение domy зри первуию mатфеиа. в неделю предо рождествоm христовиm» (л. 333 об.).[1]

Такой же приблизительно характер — щегольнуть знанием латинского алфавита — мы видим и на северовостоке, например, в рукописи Тверского Музея № 131 (3172), где на л. 38 и л. 83 писец латинскими буквами написал заглавия статей: Tablica pitagoresowa и Kniha Gromnic.[2]

Во всяком случае, говорить о применении латинского шрифта, уже достаточно известного в XVII веке, для тайнописи в строгом смысле этого слова, едва ли можно: в таком качестве он применим мог быть разве только в среде очень низкой по грамотности. Но при всем том и латинский алфавит, как увидим, подобно глаголице и греческой азбуке, давал, в числе других, материал для иных видов тайнописи.

г) Несколько обособленное место между чужими алфавитами в применении к тайнописи занимает *пермская* азбука. Изобретенная по преданию просветителем зырян в XIV веке Стефаном, еп. пермским, создавшим ее на основах современного кирилловского и греческого курсивного алфавитов,[3] азбука эта не привилась на практике и уже в XV веке, как малоизвестная, получает значение тайнописи; но и в этом качестве она, повидимому, широкого распространения не получила. Употребление ее ограничивается главным образом XV веком и началом следующего и притом областью только Московской Руси; почти все до сих пор сделанные ею немногочисленные записи, начиная с XV века, не переходят за половину XVI.[4] Старейшая из известных до сих пор подобных записей (см. рис. 36) находится в рукоп. б. Румянц. Музея № 357, относящейся к первой пол. XV века;[5] здесь на

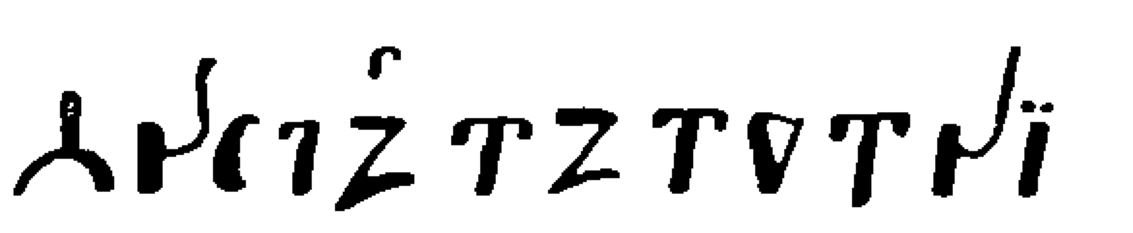


Рис. 36.

[1] М. Н. Сперанский, Рукописное собрание Ист.-Фил. Института..., стр. 6.

[2] М. Н. Сперанский, Описание рукописей Тверского Музея, М. 1891, стр. 165.

[3] Ср. Е. Ф. Карский, Палеография, стр. 252.

[4] Несколько текстов с пермскими записями указано было И. С. Некрасовым, Пермские письмена в рукописях XV в., Одесса, 1890, Записки Новоросс. Унив.; здесь же даны снимки, по исполнению, впрочем, мало удовлетворительные.

[5] По А. Х. Востокову (Описание рукописей Румянц. Музея, стр. 507—508), «начертания тайнописи немногим новее», нежели рукопись, которую он относит к началу XV н. или к концу XIV в. Здесь же и недурной снимок.

л. 60 внизу имеется запись пермскими буквами; ключ этой тайнописи имеем в рукоп. 1510 года собр. б. Уваровых (ныне Гос. Ист. Муз.) № 81 (в 4-ую д. л., по Описанию арх. Леонида № 557) на л. 244, где помещена «Азбѹка пермъскаꙗ изложение Стефана епископа Перъмскаго амин» — в порядке славянскаго алфавита[1] (рис. 37). На основании этого ключа запись читается так: «десіа̃(ꙗ) та(=е)тратеі». Впрочем, надо заметить, что в некоторых отдельных начертаниях пермская азбука дает варианты, то искажая отдельные начертания, то изменяя их значение; поэтому прилагается сводная пермская азбука (рис. 38), а сверх того та же

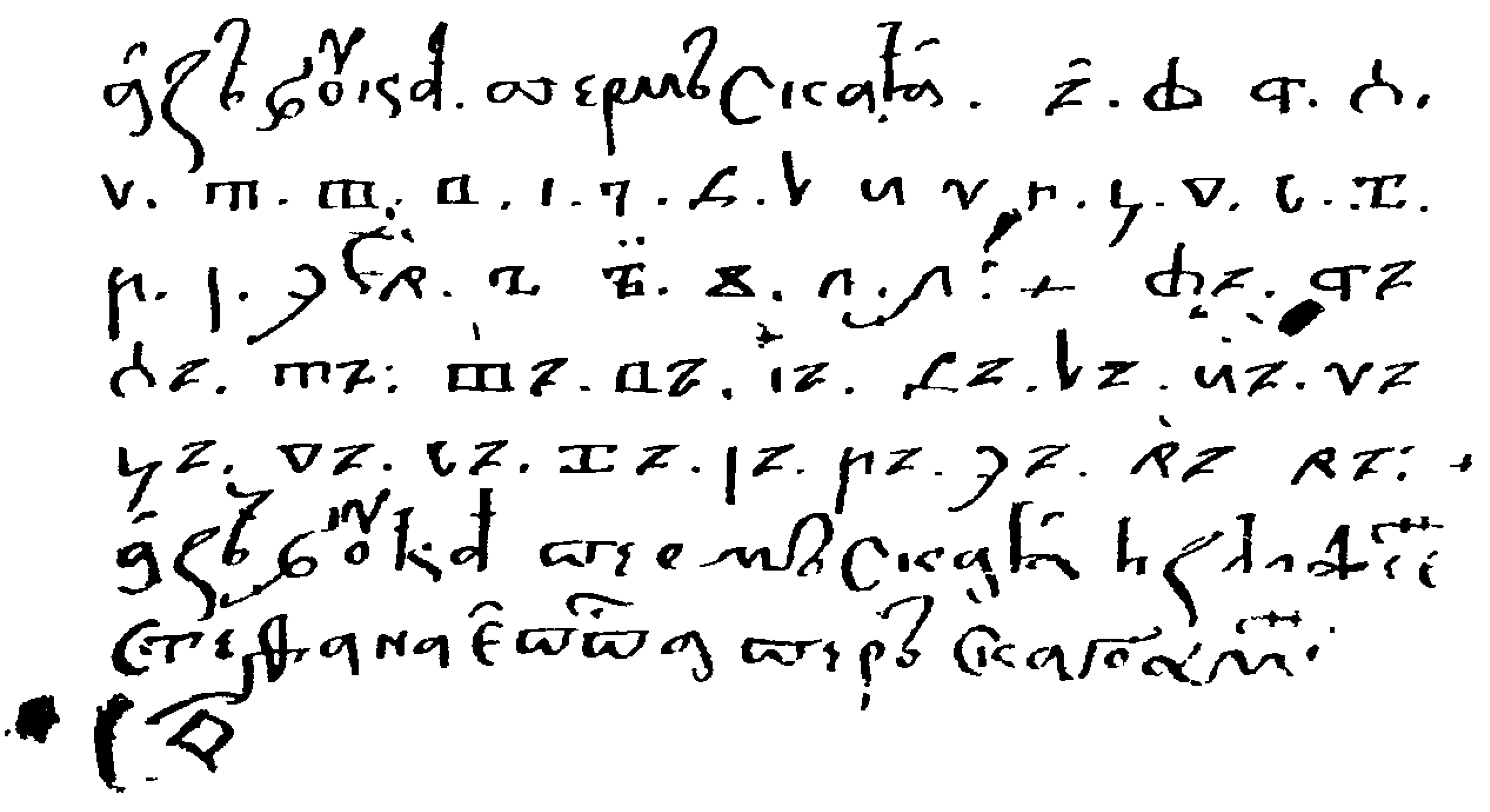


Рис. 37.

азбука, извлеченная из рукоп. Ундольск. (Рум. Муз.) № 597, XV в., очень точно воспроизводящей начертания, но дающая также варианты к сводной азбуке и, видимо, отчасти уже приспособленная к обычному кирилловскому письму (рис. 39).[2] Повидимому, этими двумя азбуками исчерпывается все разнообразие пермского алфавита в применении к тайнописи. В качестве хорошего образца пермской азбуки в тайнописи можно указать упомянутую выше рукопись Унд. № 597 (Георгий Амартол с Еллинским летописцем): здесь на свободных от

---

[1] Снимки с этой азбуки помещены в Описании рукоп. А. С. Уварова (сост. арх. Леонидом) I, стр. 621, табл. 8, и в Палеографии Е. Ф. Карского, стр. 252. Листок XVI н. с пермской азбукой указан в Описании рук. Ф. Толстого, II, 234. Ленингр. П Б. Q. XVI, № 14, с пермскими же названиями букв.

[2] Первая взята из Палеографии Е. Ф. Карского (изд. 1897). Во второй несколько вариантов (в скобках) дано из рукоп. № 1 Унд. (Библия XV в), где рядом есть и нормальные начертания.

письма местах, большею частию на полях, рассеяны подобные заметки читателя или, быть может, писца: дивно (лл. 209, 250, 287; в последнем случае — вариант для *н*), оу҆бно (л. 281), зри (лл. 220, 220 об., 223 об., 225, 227, 233 и т. д.), слава. съвръшителю бг҃оу

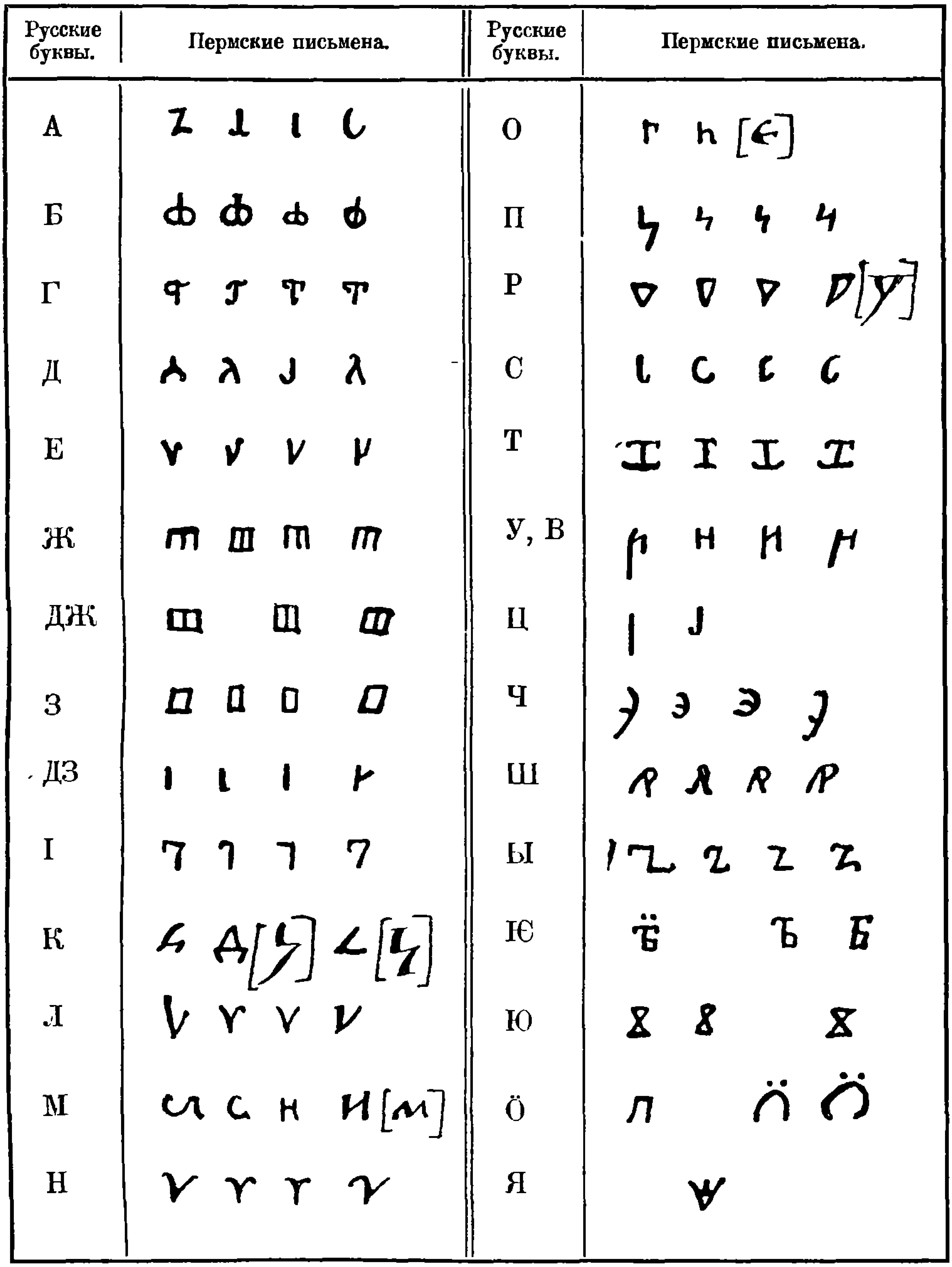


Рис. 38.

(л. 408), оу х҃ва тирона и побѣносн(ц?)а велика мч(?)нка ни(к)иты (л. 420). Довольно много (даже на доске переплета) приписок пермским письмом и в рукописи Унд. № 1 (Библия): зри (лл. 9 об., 49 об., 50, 50 об., 55, 55 об. . . .), роуманѣе[1] (л. 43 об.) в мѣста (л. 46 об.), сде (л. 49 об.), страш^{по} (л. 74 об.), ст(р)ашно (л. 75), чоу̑но (л. 82), о брадѣ (л. 82 об.),

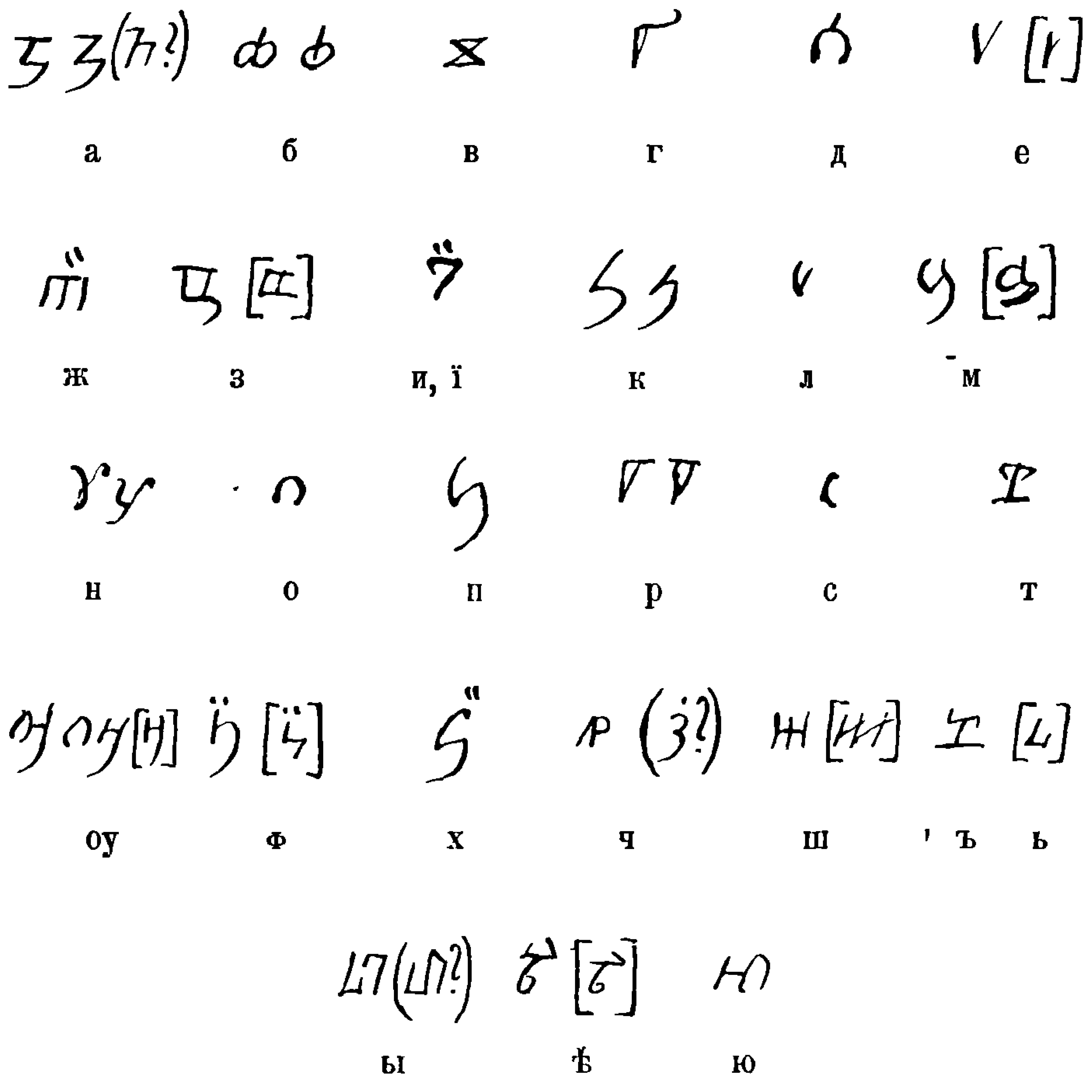


Рис. 39.

ѿ[2] дивно (л. 101 об.), твориши (л. 159), сбод̑е (л. 201), рыдание д҃во по с^{а}оулѣ ї ѿ нафанѣ (л. 201), . . . залим(?)а (л. 215 об.), круліча^{т} (л. 224 об.), двадеса^{т} тыса^{щ}, деса^{т} тысащ (л. 226), .е҃.[3] локо^{т} (л. 227), гаиди(?) (л. 255), книги г҃лемыа есферь, г҃лемыа есфирь (л. 263), ї куро̑ (л. 410) и т. д. Несколько своеобразный пошиб пермского письма дает

[1] Для «ѧ» иет отдельного знака: пишется или «а», или «іа», как и в Рум. № 357.
[2] Обычное кирилловское.
[3] Обычное письмо.

рукопись Общ. Люб. Др. Письм. № XCI f° (неправильно названная «Козьмой Индикопловом») XVI в.:[1] здесь пермским письмом слова помещены не на полях, а в самом тексте и, судя по л. 176 об., принадлежат писцу, который, повидимому, оставлял место для строк пермского письма (ср. л. 6), вписывая их потом, или писал одновременно тем и другим шрифтом; самые начертания несколько отличны по рисунку, различают тонкие и толстые штрихи (чего не делает большинство известных записей); наконец, письмо рукописи ОЛДП дает несколько вариантов, в других текстах

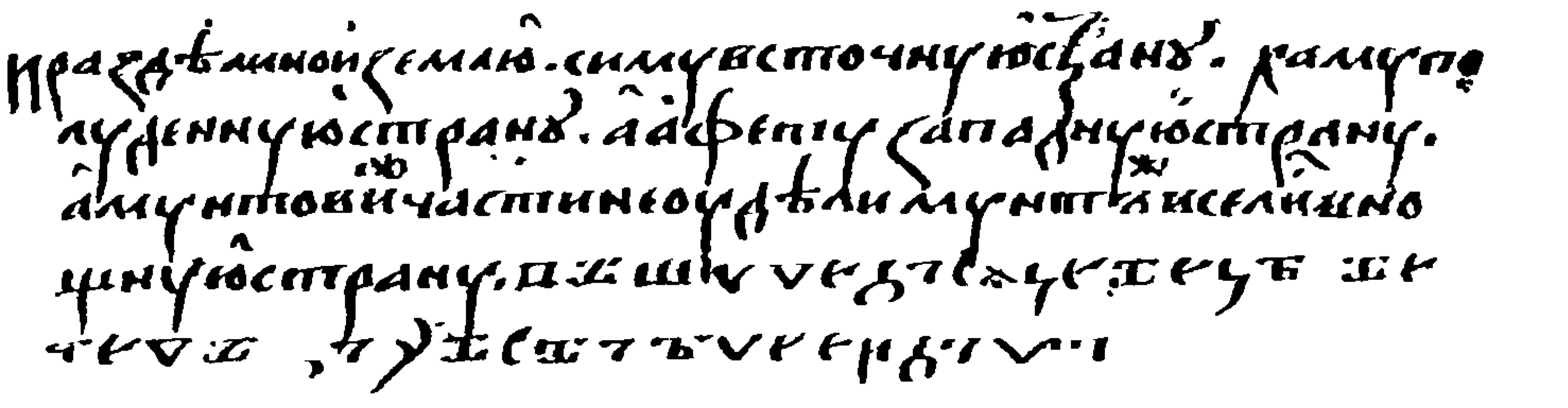


Рис. 40.

не встретившихся (*к, м, о*, ω). Записи писаны с ошибками писца, не твердо, повидимому, знавшего пермскую грамоту, почему и не везде дешифрируются; здесь некоторую помощь оказывает соседняя фраза, с которой тайнопись связана по содержанию.[2] Так, написанное на л. 6 (рис. 40) читается: «[а мунтови^{ж} части не оудѣли, мунтъ^{ж} всели в нощную страну] заше (= зане?) родисѧ по (по)топѣ того ради части ѣе (= не?) оудили».[3] В тексте *ш* кирилловское, повидимому, изображает пермское *н*; видим кирилловское ѫ;[4] *по* добавлено (гаплография); *ње* = *не*, что̀ оправдывается контекстом: ѣ вм. ь, — ошибка, далее ѣ правильно значит *ћ*; для *о* взят знак особый; после второго *не* — какой-то знак, похожий на *е* (лишний?).

[1] Судя по кирилловскому письму («югославянский» полуустав), можно рукоп. отнести и к концу XV века. Х. М. Лопарев (Описание рукоп. ОЛДП, I, СПб., 1892, стр. 154 и сл.) в этой тайнописи пермских письмен не признал, назвав ее просто криптографией, хотя и читает ее по ключу пермской азбуки; в печатном Описании записи переданы набором крайне условно и ничем не напоминают пермского письма; поэтому часть их дается ниже в фотографических снимках.

[2] Поэтому в прямых скобках даю эти соседние фразы.

[3] Х. М. Лопарев ошибочно читал: зтши родись.. .. ѣи ноудили.

[4] Рукопись (судя по языку снимков и цитат у Х. М. Лопарева) списана частью с болгарского оригинала, след коего остался в виде смешения юсов и наличности ѫ в ней; рядом с этим есть и русские диалектические (северные) черты — смешение «и» и «ѣ», чем объясняется форма «оудили» при «оудѣли» в кирилловском тексте.

На л. 7 (рис. 41) читается: «[й расѣаша невротѡ̃ племѧ на .к҃е. ѧзыкѡ҃. нехтаново племѧ .к҃в. ѧзыка. гигантѡ̃ племѧ на .к҃. ѧзыкѡ҃. ꙗко не мощно оумршю ходити ни ѿчаꙗвшемꙋ̃ спстисѧ.] опче а(?)и ? л(?)оз почлги. [Си расѣаша по всѣ҄ ѧзыце҄ и разидоша по лицу всеѧ землѧ]». Текст тайнописи совершенно не дает смысла: перед *л* (?) не то кирилловское *п*, не то какая-то переправленная иная буква.[1]

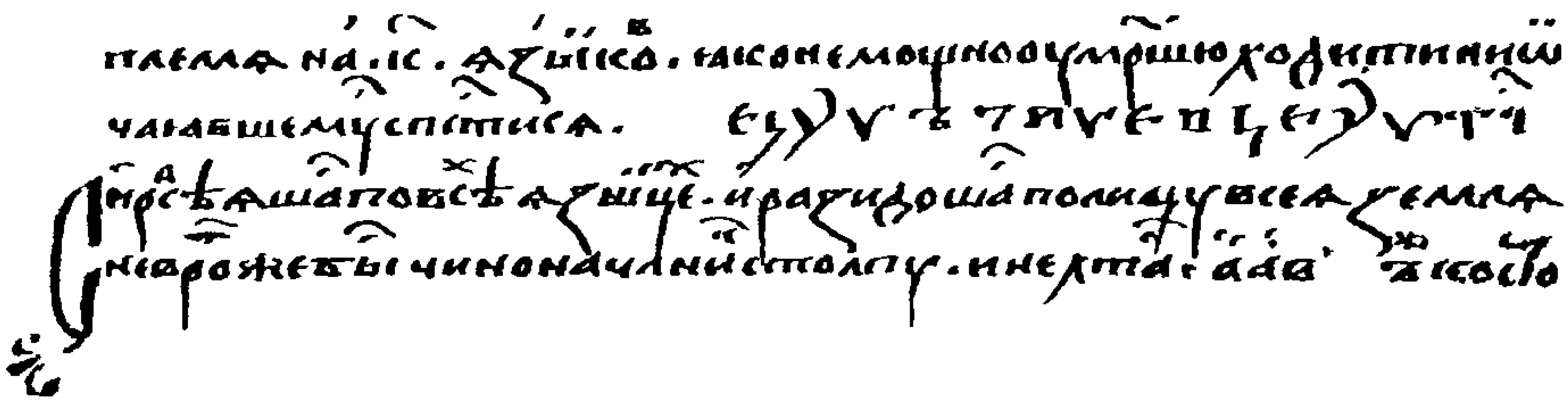


Рис. 41.

Лист 176 (рис. 42): «[и҆ прочее пребыхъ во всѧко҄ покои] ѡтца пахоміа. [ѡ҃ца пахомиѧ наставника ѡ҆бщему житью.]» Здесь угловатое начертание для ѡ, вышедшее, вероятно, из обычного пермского ɷ или (ɷ̈ (= ö); вместо 7 кирилловское ї, вм. ɷ — кирил. *м*.

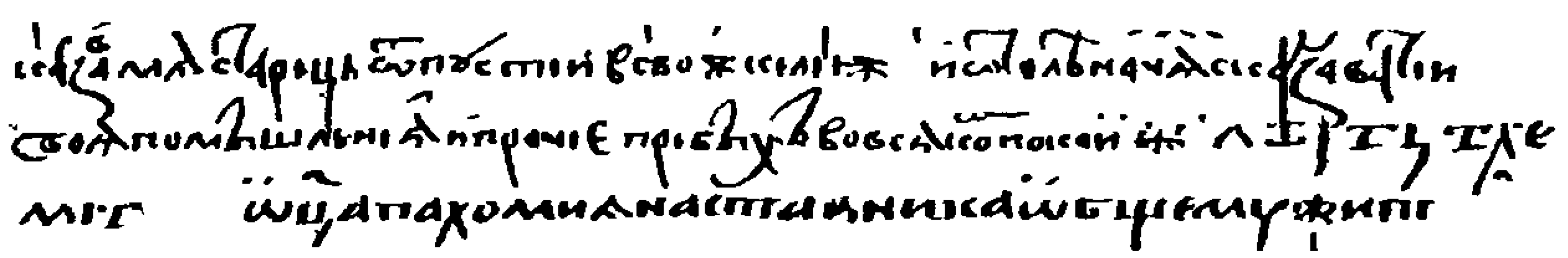


Рис. 42.

Лист 176 об. (рис. 43): «Сло грігоріа ѡ безмолѣ(?). [слѡ҃ ѡ҆ безмолвии григориѧ синаіта.]» И здесь вм. 7 — кирилловское ї. тот же знак для ѡ, что и в предшествующей записи.

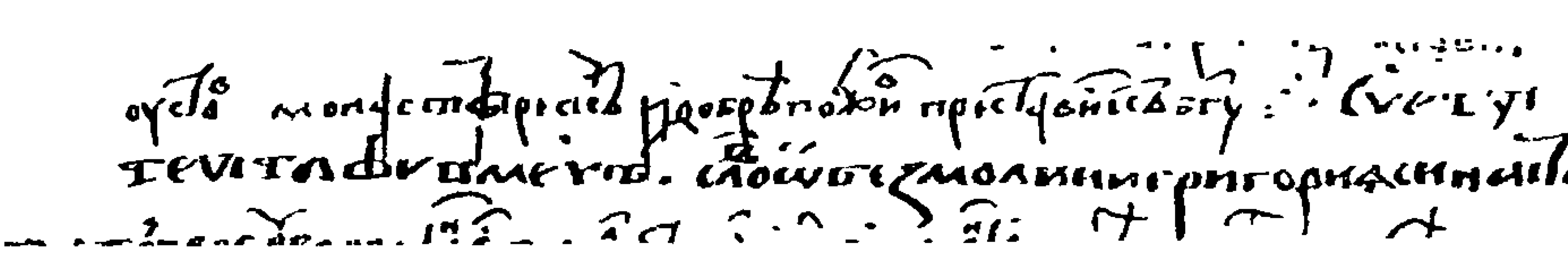


Рис. 43.

Кроме приведенных в снимках, есть в рукописи еще записи пермским письмом, которые Х. М. Лопарев читает так: 1) на л. 87 об. азб воскрит[2]

[1] Х. М. Лопарев прочел так: опчисн плоз иучи і ь.

[2] В контексте кирилловском: а҃ азъ воскресѡ҃ бгсолѣпно из гроба.

(что̀ однако не соответствует его же условной передаче записи); 2) л. 172: «Ѡ наоукѣ»[1] (опять в неудачной приблизительной передаче); 3) «сло».[2]

Как на наиболее поздний образчик применения пермской азбуки, можно указать на текст Иосифа Флавия по списку б. Патр. библ. № 770, XVI—XVII в.: на л. 279 на поле П▽7, т. е. зри; тоже, только писаное вертикально, снизу вверх, на л. 335. Это «зри» особенно часто, как можно было заметить, встречаемое и в старших рукописях, частое и помимо тайнописи вообще (подражание греческому ὅρα), дольше других пермских слов и начертаний сохранялось в употреблении писцов, как показывает и наша рукопись.[3]

II.

Система тайнописи при помощи *измененных знаков* в русской письменности, судя по сохранившимся памятникам, довольно древняя: существование ее мы можем констатировать уже в XIV веке. Она, поскольку можно судить по дошедшим примерам, представляет две разновидности в общем: а) систему знаков, измененных путем *прибавок* к обычным начертаниям, *изменения положения* буквы в строке, отчасти урезки отдельных ее частей, и б) построенную на принципе, сходном с греческой *тахиграфией*: когда вместо буквы пишется лишь часть ее.

Первая разновидность такой тайнописи засвидетельствована замечательной Смоленской псалтирью 1395 года.[4] Ее писец, смольнянин инок Лука (см. послесловие, л. 156 об.), прекрасно владевший искусством письма, любил, видимо, и тайнопись; из трех систем, им примененных, одна — цифирная счетная (о ней ниже), другая — измененных начертаний,

---

[1] В контексте: Слово ст҃го Іwана злат҃оустг҃о (sic) ѡ наоукѣ.

[2] В контексте: Сло҃ ст҃го максима.

[3] Также по-пермски отдельное слово — *аминь* — находим в рукоп. Дионисия Ареопагита в приписке XVI в. из Устьвыми (Царск.-Уварова № 48); см. П. Строев, Рукописи И. Н. Царского, М., 1848, стр. 25. Привожу еще встретившиеся случаи употребления пермского письма: в книгах малых Пророков нач. XVI в. Ленингр. П Б. (F. I. № 3) на полях масса таких заметок, но дающих только два слова: зри и оу҃вно (ср. Рум. Хроногр. № 597, л. 281), в Служ. Минее б. Успенск. соб. (Ист. Муз.) № 18 (перг. нач. XV в), 4°, л. 1а об.: помилуі мя бж҃е, и несколько букв пермской азбуки, в библ. книгах б. Архива Мин. Ин. Д. 6/9 (XV—XVI в.) л. 285 об. — ряд пермских букв, не дающих смысла.

[4] Иначе, псалтирь Онежского Крестного монастыря, хранившаяся (с № 8) до последнего времени в Архангельском древлехранилище местного Церковно-Археологического Комитета. Подробное описание этой рукописи с рядом снимков см. Древности, труды Моск. Арх. Общ., XXI, I, М., 1906. 77 и сл.

третья — система вязи (о ней также речь ниже). На л. 72 об. он написал тайнописью: «гй помози рабу своему луцѣ». Тем же письмом написал он на л. 128: «двдъ» и на 129 об.: «слава» (см. рис. 44 — все три). Присматриваясь к манере изменения обычных письменных знаков, мы найдем: 1) одни начертания Лука переворачивал вниз головой или в обратную сторону, прибавляя к ним черточки, каковы соответствующие кирилловским

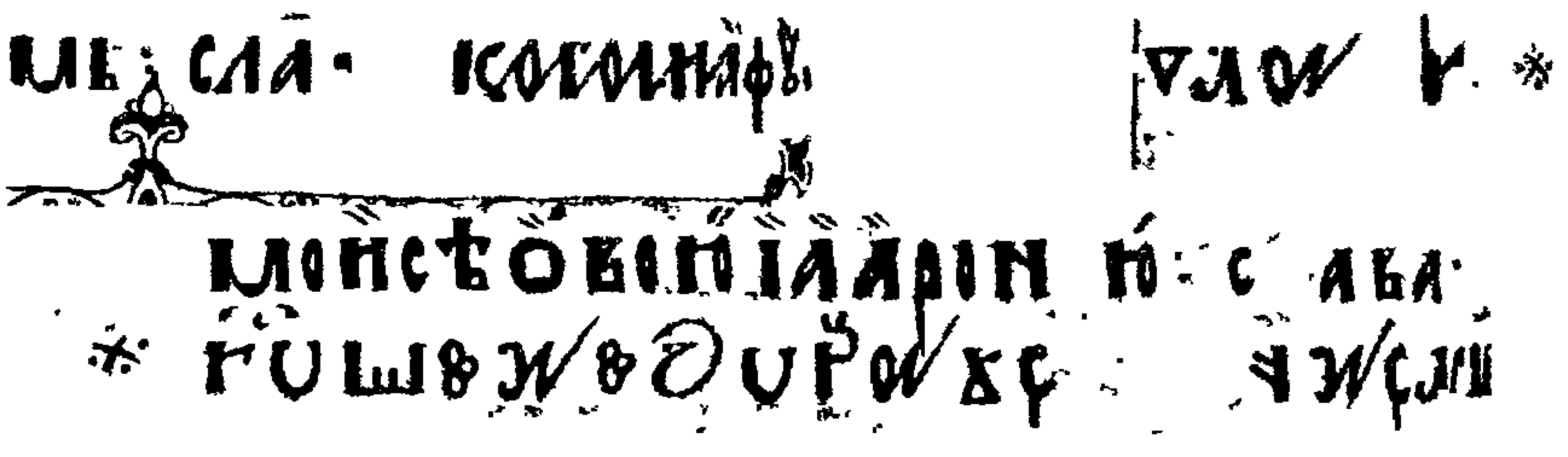


Рис. 44.

буквы: *п*, *м*, *е*; 2) другие он только деформировал, затушевывая таким образом обычный облик буквы, каковы у него: *г*, *з*, *а*, *б* (сверх того обернуто в обратную сторону), *в*, *р*; применял принцип урезки части обычной буквы: *в* — *з*; 4) брал особые начертания для *о*, *у*, *с*, *и*. Происхождение этих последних начертаний объясняется, быть может, какими-либо реминисценциями инока Луки о глаголице и о греческом письме; так можно предполагать, принимая его склонность переворачивать вниз головой или в обратную сторону принятые начертания: мы можем сближать ꙋ с ⰵ глаголицы, в ᴠ видеть недописанное ꙁ,[1] можно также сблизить и его ꙅ = е с глаг. э (двойная средняя черточка, обратное сравнительно с кирилловским положение, выпрямление основного штриха в соединении с деформацией буквы). С греческим υ приходится в таком случае сопоставлять ʏ = *и*, ввиду близости произношения *и* и υ; сюда же, пожалуй, можно отнести также ϒ, похожее на греческое и югославянское ϙ (знак для 90), и ꙧ = *м*, где удлинение правого штриха могло быть воспоминанием греч. μ (с поворотом вниз головой и добавочным крючком слева), хотя и ꙧ = *п* может дать объяснение ꙧ, просто путем удлинения правого штриха. Наконец, *л* (с наклоном столба налево и искривлением левого штриха) — деформация обычного начертания, при строго вертикальном положении уставного письма инока Луки. Таким образом,

[1] Сближать с глаг. ꙁ нет основания ввиду разницы в произношении обоих начертаний; сближение же ⰵ с глаг. ⰵ возможнее ввиду их близости звуковой и известных нам случаев взаимной смены «ъ» и «о» в русских текстах, ср. выше в глаголической поздней тайнописи.

выясняется тайнописный алфавит инока Луки, поскольку он дан в коротких его приписках, в таком виде (рис. 45):

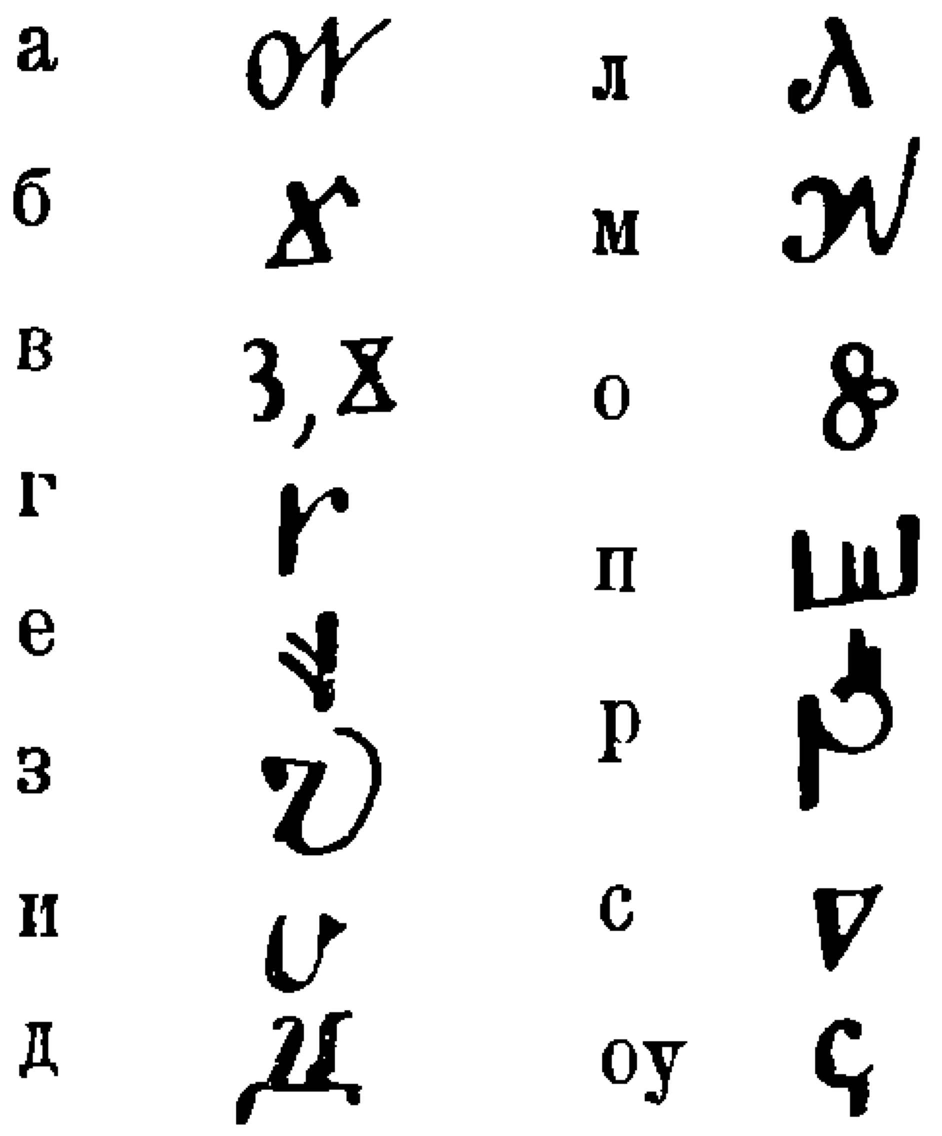


Рис. 45.

Несомненно, на основании изменения обычных начертаний (отчасти и положения в строке) построена тайнопись в рукоп. б. Троицкой лавры №780 (1632)—Сборник 1549 г.—где в статье «Толкование паполитово (т. е. Ипполитово) ѿ

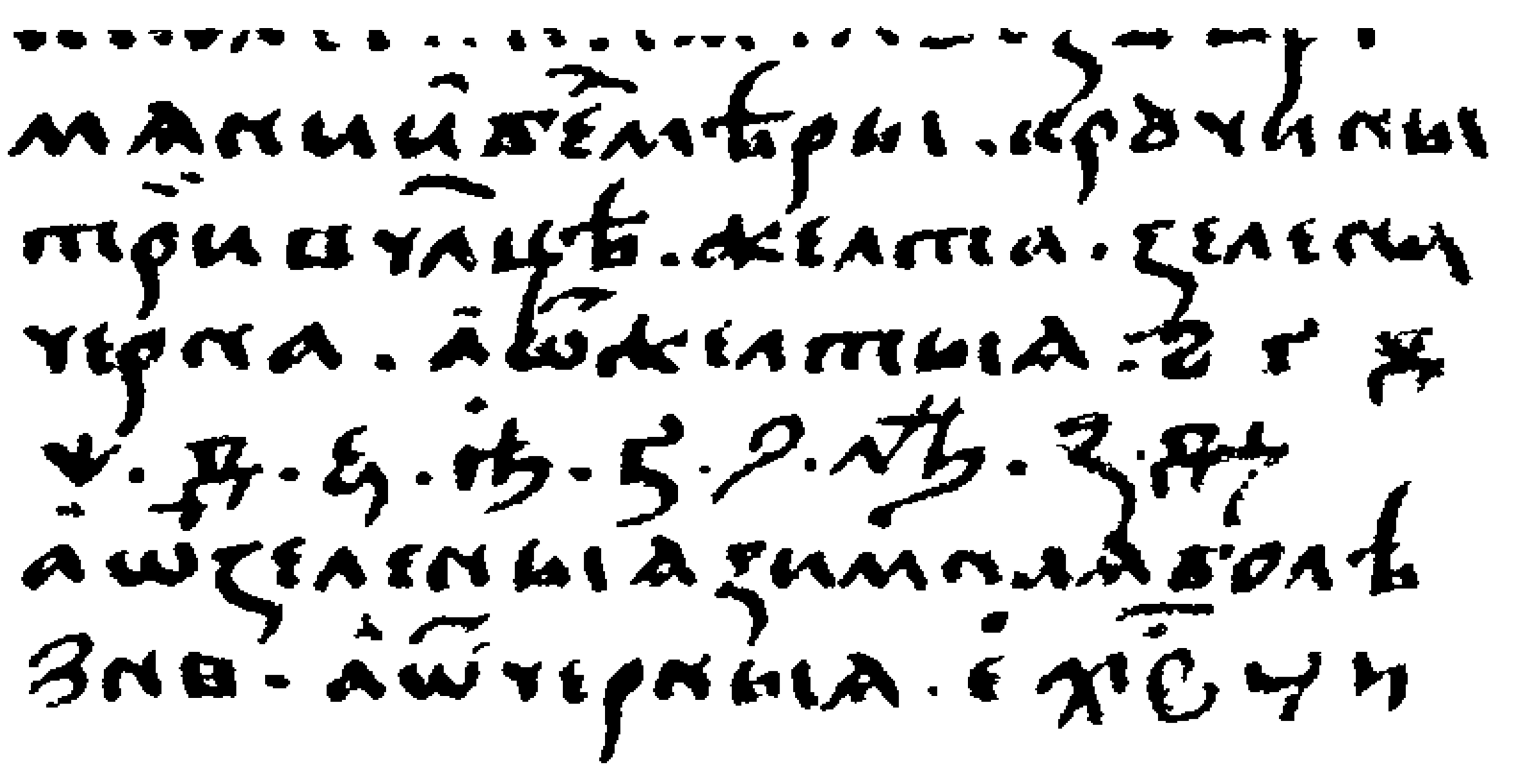


Рис. 46.

чепи» находим (лл. 526 и 527) среди обычного текста на странице такие тайнописные строки (рис. 46):

Ключ для раскрытия этой тайнописи дает тот же текст по рукоп. б. Хлудова (Истор. Муз. в Москве, № 30) XIV в., л. 16 об., где соответствующее место написано обычным письмом: «кручин'ы же три въ чл҃вцѣ. желта. зелена. черна. да ѿ желтоѥ ӧгньнаꙗ болѣзнь. а ѿ зеленоѥ зимнаꙗ болѣзнь. а ѿ черноѥ смр҃ть».[1] По этому сопоставлению видим, что составитель тайнописи в Троицк. рукописи искажал обычные начертания букв (*б*, *в*, *а* и др.), либо вытягивая черту закругления буквы, либо прибавляя штрихи. На основании этого можно прочесть и запись на л. 527 так: «слава тебѣ бж҃е слава тебѣ ги» (рис. 47). Таким образом, азбука этой тайнописи,

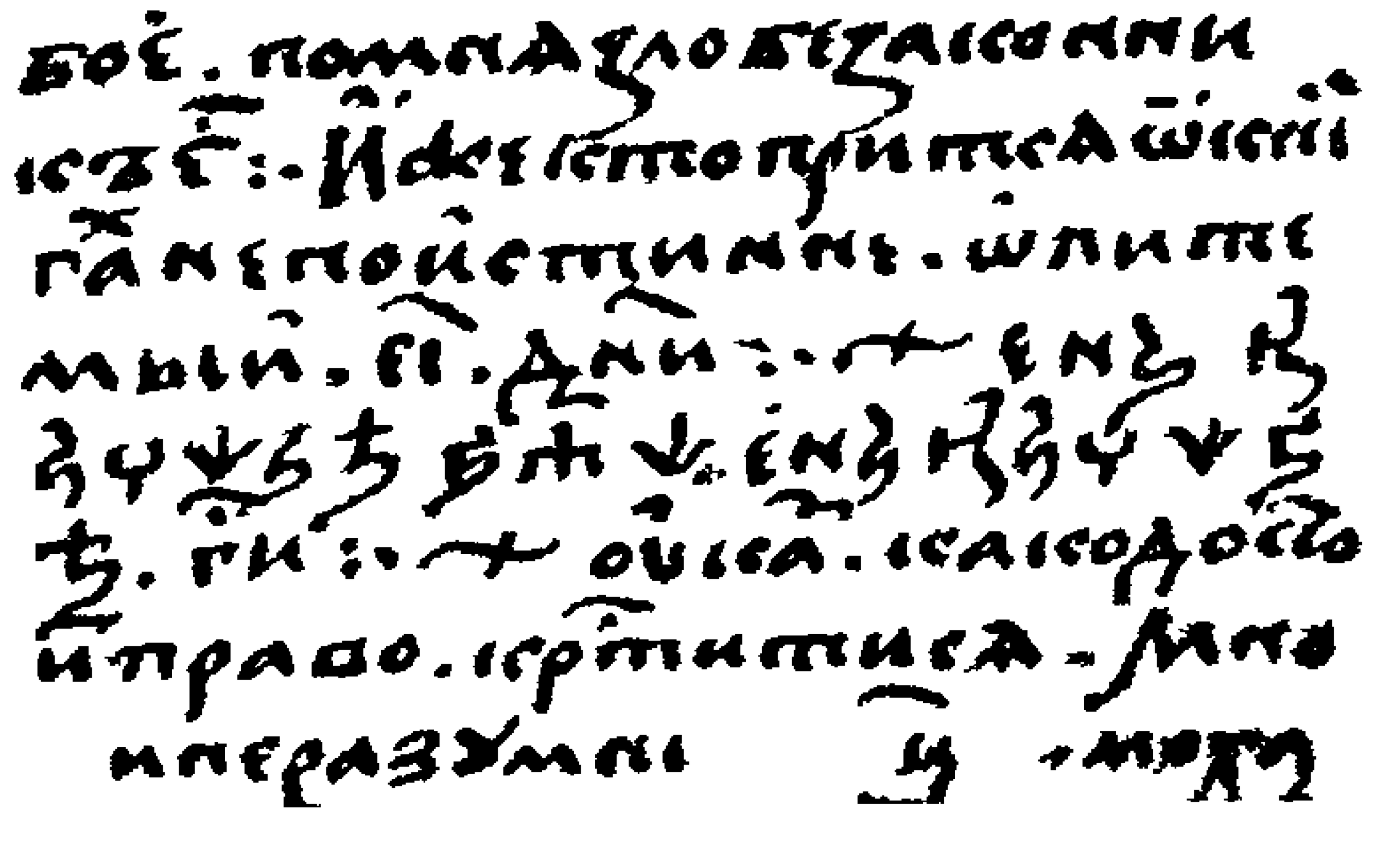


Рис. 47.

[1] Напечатано с именем Моисея (архиеп. Новгородского?) А. Н. Поповым, Первое прибавление к Описанию рукоп. А И. Хлудова, М., 1875 , стр. 56.

поскольку она дается обоими образчиками, будет такова (рис. 48):

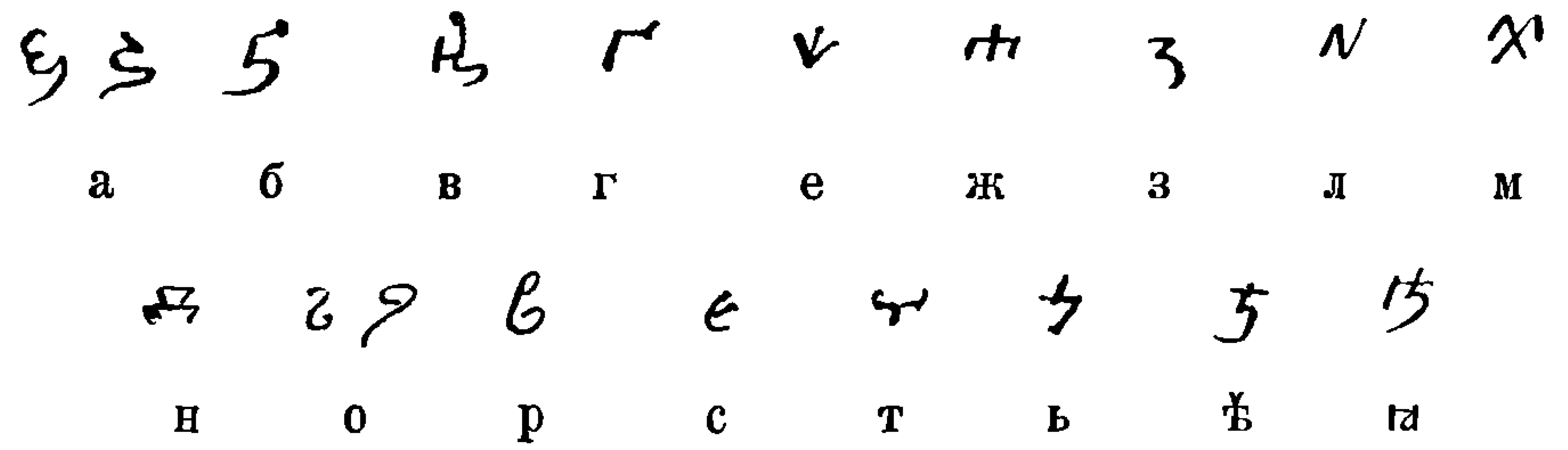


Рис. 48.

Придумано начертание только для буквы *н*. Ярко выраженный принцип изменения начертаний обычных букв, притом с примесью греческого алфавита, представляет запись на евангелии 1527 г., писанном под Вязьмой, — рукоп.

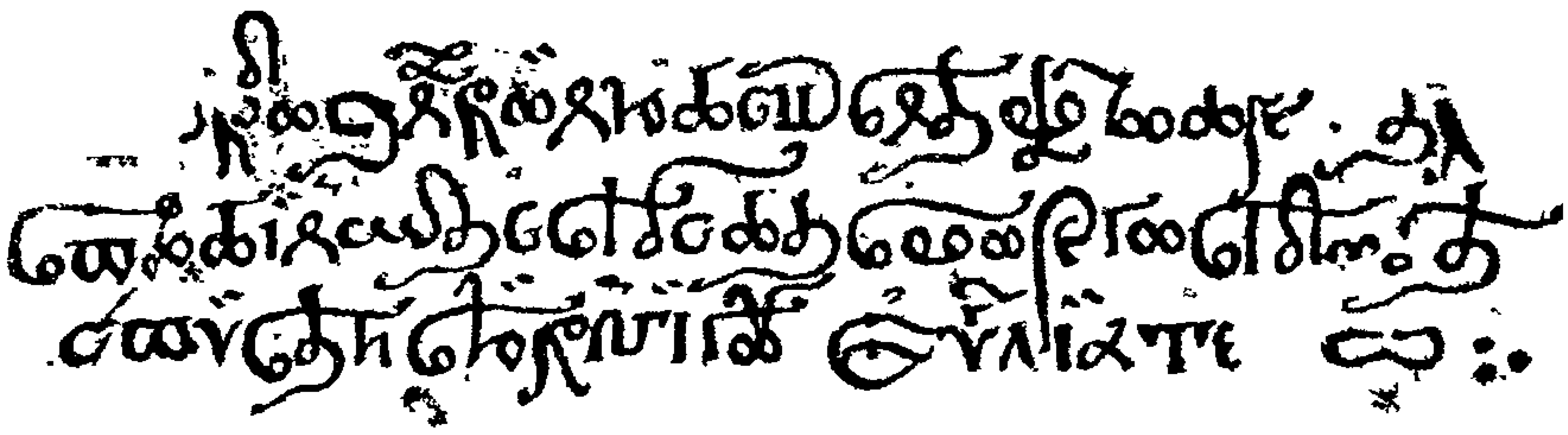


Рис. 49.

Публ. Библ. Q. I. № 21 (рис. 49); читается она так: «Влдк(?)ко члкwлюбец(ъ) слава тобѣ яко спwдбїл 'мꙗ есї раба свwегw сїдора напїсати сю кнїгꙋ. еѵлїа тетрw».[1] Алфавит, выделяемый из этого небольшого послесловия, таков (р. 50):

Рис. 50.

[1] Снимок дан также в «Палеографических снимках русских рукописей» СПб. 1901, изд. под ред. А. И. Соболевского СПб. Археолог. Институтом; см. табл. XXV.

Ясно, что греческому здесь подражают начертания: *д, п, р* (перекувырнуто), *с*, быть может: *т, а, н.* Принцип изменения начертания при помощи прибавки кружка виден в буквах: *б, к, л, о, 8*; влияние глаголического начертания, может быть, следует видеть в начертании для *в* (хотя это, быть может, и просто скорописное *в*, положенное на спинку). Пристрастие к греческим буквам видно и в обычном шрифте писца рукописи, где он дает греческие π, α в слове: «аріпъ» *(аминь)*, как это мы уже видели выше в рукописях XV—XVI вв. Эта особенность, а также перевернутое *р*, может быть, глаголическое *в*, сближает эту манеру с манерой писца рукоп. б. Арх. Мин. Ин. Д. № 626 (см. выше, стр. 63), а склонность к кружкам — с рукоп. б. Рум. Муз. № 494 (выше, стр. 66), также XVI в.

Тайнопись *тахиграфического* типа, так наз. «полусловица», представлена может быть довольно удовлетворительно: так, 1) мы имеем целую рукопись XIV в., писанную этим письмом — cod. Vatic. Slav. № VIII;[1] 2) из XV в. есть у нас рукоп. б. Патр. библ. № 951 (316),[2] л. 168 об.; 3) к тому же времени относится русская запись на рукописи XIV в. б. Новоспасского мон. (теперь в б. Патр. библ., иначе Истор. Муз.) № XI; 4) того же века (может быть, конца его или 1501 г.) приписки в рукоп. Кирилло-Белозерского монастыря (теперь в Г. Публ. Библ., Ленинград) № 101—1178, л. 253 и об.; наконец, 5) к XVII в. относится ключ к этой системе тайнописи в рукоп. б. Московск. Синод. Типогр. библ. № 1028. Алфавит этого рода тайнописи на основании перечисленных текстов ее[3] с ясностью указывает на основной принцип ее построения, несмотря на частные отклонения в отдельных случаях каждой рукописи: 1) вместо цельной буквы пишется ее часть, но с таким расчетом, чтобы в оставшихся начертаниях не было совпадения между разными буквами; 2) в редких случаях, кроме того, допускается перевертывание буквы в обратную сторону (е, к); 3) в отдельных текстах, в виде вариантов, допускается

---

[1] Иногда (у Ф. Рачкого, Rad Jugoslav. Akad., II) обозвачается № VII.

[2] Это та же рукопись, где находится указанная выше (стр. 62—63) глаголическая запись.

[3] По Ватиканской рукописи он дан два раза: в статье Ф. Рачкого, Rjedko slav. pismo u Vatikanskom rukopisu (Rad Jugoslav. Akad., II, 1868, 36—38) и у У. Денунцио, О славянской рукописи Ватиканской библиотеки № VII. ЖМНП, 1892, XI, 144. Снимки с рукописи в тех же статьях (у Ф. Рачкого — литография от руки, у Денунцио — цинкография по фотографии). Снимки записи Кириллова мон. см. у Н. К. Никольского, Описание рукописей Кирилло-Белозерского монастыря, составленное в конце XV в. (Пам. ОЛДП, CXIII, СПб. 1897), при стр. XXXVI (чтение на стр. XL, прим.). Снимок и чтение рукоп. б. Патр. библ. № 951—в Описании рукоп. Моск. Синод. библ., II, 3, М. 1862, стр. 574. Остальные две записи оставались до сих пор не опубликованными.

деформация обычного начертания. В общем алфавит «полусловицы» с его вариантами представляет следующее (рис. 51):[1]

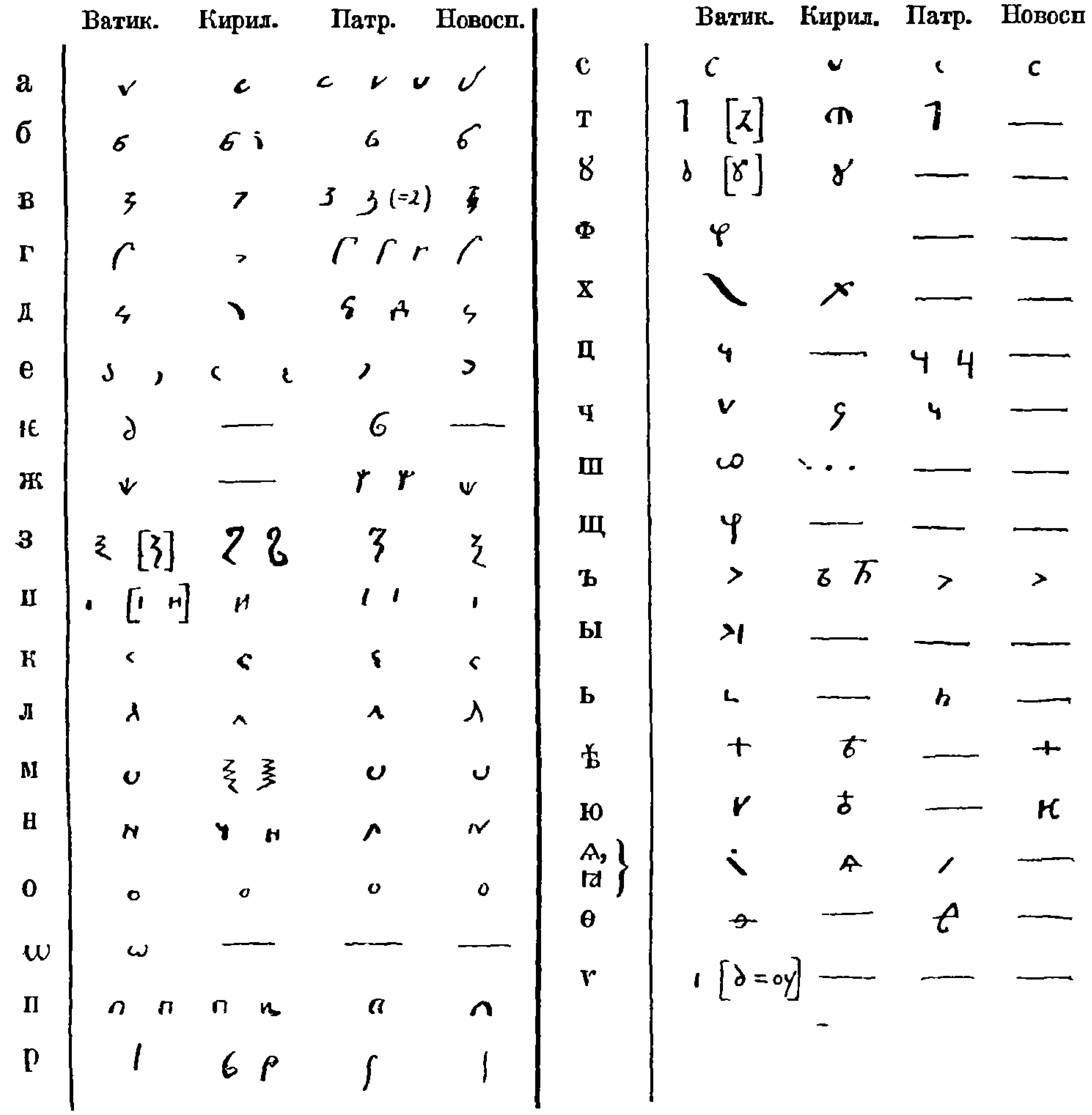


Рис. 51.

Сравнивая между собою приведенные азбуки, мы видим, что в основе их лежит, действительно, один принцип — писание лишь части начертания вместо всего, но в то же время можем отметить, что, несмотря на различие в применении этого принципа, в отдельных случаях (каковы, напр., в начертаниях: *г, д, е, м, ꙁ, ъ, ю* по отдельным записям), можно говорить об одном

[1] Давая ниже (рис. 52) снимок азбуки-ключа из рукоп. Синод. Моск. Типографии № 1028 целиком, в таблицу сводного алфавита азбуки из этой рукописи не включаю. Заметки к таблице: 1) в Ватик. рукоп. прописные буквы пишутся без тайнописи; 2) для ѕ знака нет, употребляется лишь как цифра; 3) *и* и *і* не различаются; 4) ѯ — лишь как число, особого знака в тайнописи не имеет.

общем алфавите: ряд начертаний совпадает при различии в других случаях, напр., для *к* везде находим один способ сокращения <, также для *л*, *п*, частью для трех из четырех сравниваемых азбук, каковы: *р*, *б*, *д* и т. д.; в общем чаще всего нарушает это совпадение только своеобразный Кирилловский, охотнее допускающий и обычные начертания в тайнописи (см. *ѣ*, ѧ, *х*, *р*, *з*, *е*), или сбивающийся на замену (*ѣ* = *ю*, а не *ѣ*). Старейший, нам доступный образец «полусловицы» — Ватиканский № VIII — яснее других намекает на возможный путь, каким пришел составитель тайной азбуки к своей системе: греч. λ для *л*, модифицированные знаки для *ф*, *з*, *ш*, *щ* при общем характере *устава*, сохраняемого его азбукой, указывают на знакомство составителя с греческой азбукой *курсивной*; мог он быть знаком, если и не прямо с тахиграфией (ср. тахиграфические знаки < и | для к и ι), то с тахиграфическими принципами, получившими применение и в греческой скорописи. Все это, взятое вместе, наводит на предположение, что отправной точкой, материалом для составителя «полусловицы» мог быть и, может быть, был греческий скорописный шрифт. С другой стороны, из того же сравнительного изучения «полусловицей» писанных текстов мы можем для ее прототипа предположить и принцип изменения положения буквы в строке вплоть до перекувыркивания буквы: присутствие его мы видим во всех наших азбуках, особенно в Ватиканской рукописи, где напр. обернуты не только *е*, но и *а*, *г*; не прочь это же делать и писец Кирилло-Белозерский: он перевернул *р*, запрокинул *с*, чтобы оно не походило на *с*, обозначающее у него *е*, на бок положил *м*.

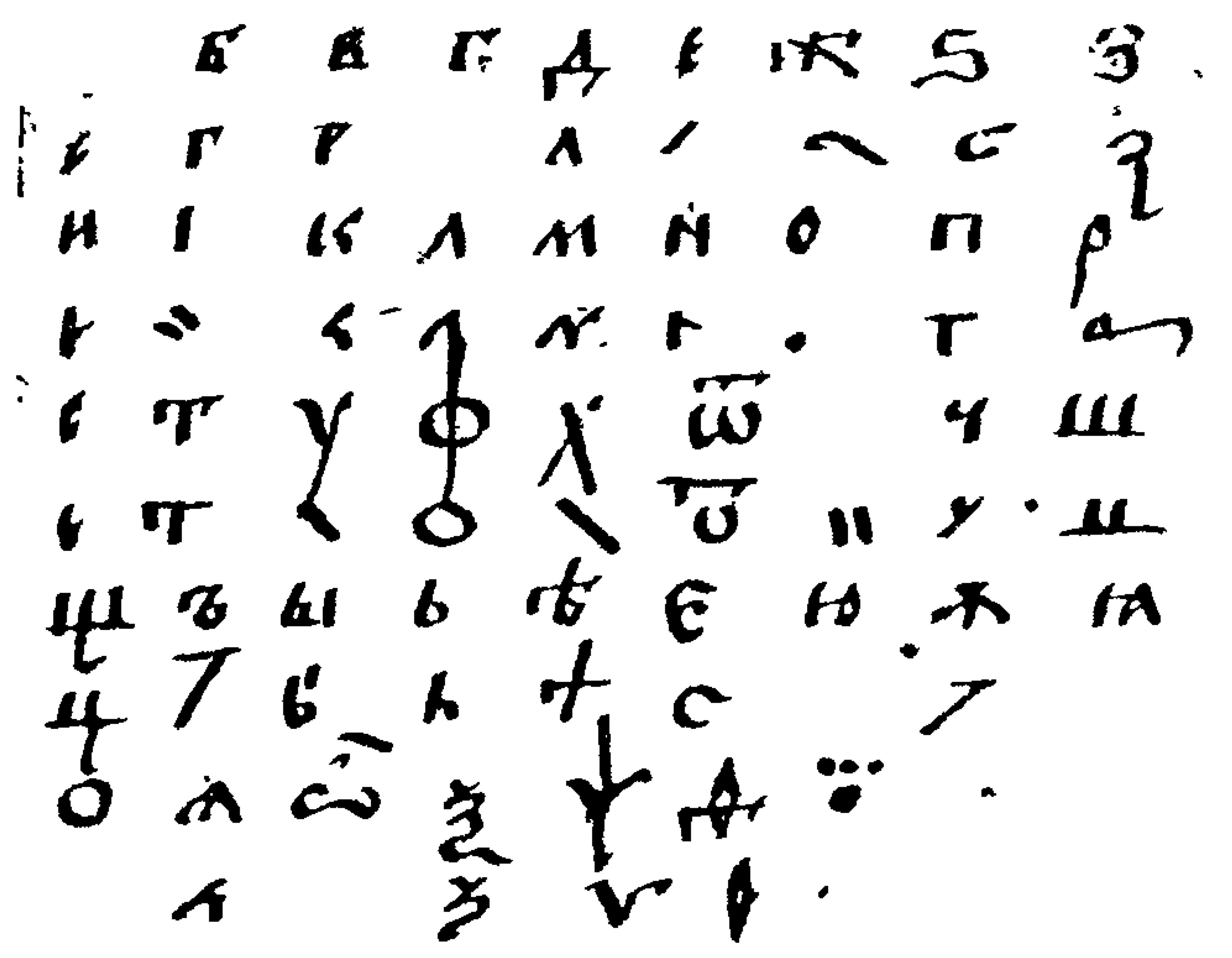


Рис. 52.

Несколько, повидимому, своеобразное, может быть лишь отдаленно связывающееся со старшими образцами, явление представляет ключ к «полусловице» в рукоп. Синод. Типографии № 1028 (рис. 52). Здесь составитель азбуки, видимо, хотел последовательнее провести принцип отсечения отдель-

ных частей буквы, но это ему не удалось: для *г* у него не хватило знака, так как он, обрезая *Б*, получил *Г*; неудачно у него вышло и с *д* — *л*, совпавшем с *л*; пришлось ему для *с* осложнить обычное начертание, чтобы его «затемнить». Употреблялась ли эта азбука на практике, сказать трудно: сделанных ею записей найти не удалось; судя же потому, что помещена она в грамматическом руководстве,[1] можно думать, что она, по крайней мере, назначалась для употребления.

Что же касается старой «полусловицы», то она, повидимому, явлением очень частым не была. С другой стороны, в отличие от обычного употребления тайнописи (в приписках, записях или немногих словах или фразах в кирилловском тексте), «полусловицей» писались целые книги, хотя может быть и изредка: помимо Ватиканской псалтири, тем же письмом были, повидимому,

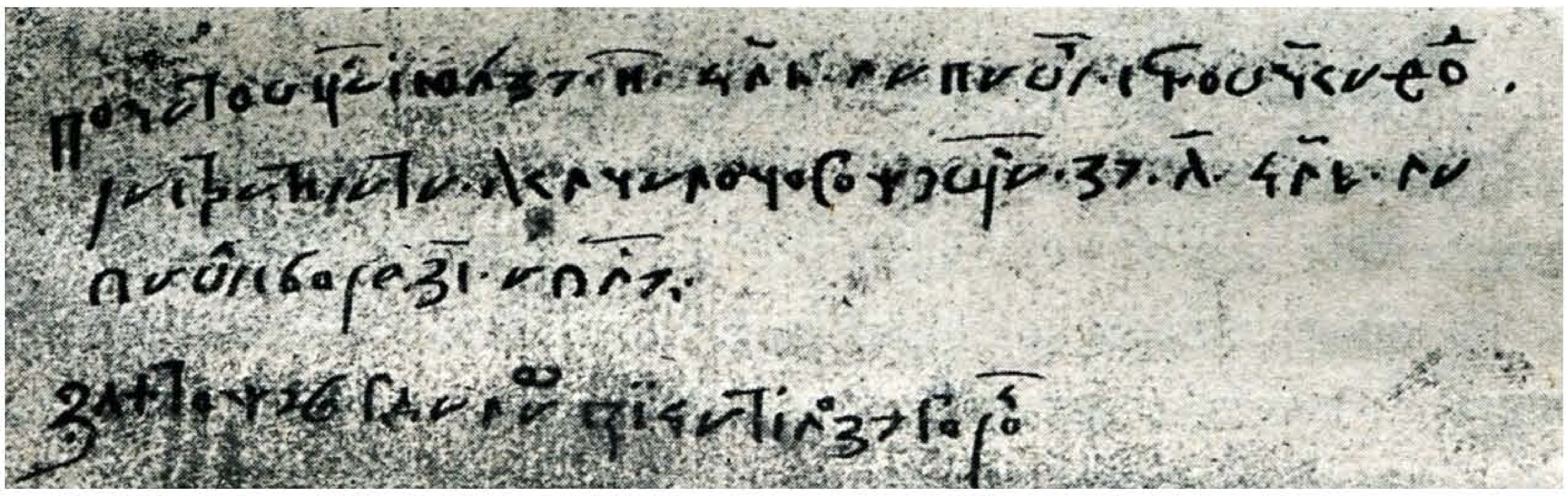


Рис. 53.

написаны целые Евангелие, Апостол и также Псалтирь (до нас не дошедшие), принадлежавшие троицкому игумену Артемию, известному свободомыслящему «еретику» XVI в., и хранившиеся в царском архиве в Москве.[2] При таком применении «полусловицы» говорить о тайнописном ее характере едва ли возможно: тексты, ею написанные, тайными, разумеется, быть не могли; скорее можно предполагать здесь целью сокращение объема рукописи (как в рукоп. Ватиканской, в 16°) и процесса писания, а может быть и влияние греческой тахиграфии.

В виде образчиков «полусловицы» в записях привожу одну из рукоп. б. Патр. библ. № 951 (316) (рис. 53), которая читается так: «Почато мс҃ца їюн҆ въ .и҃. дн҃ь на памѧт҃ ст҃го мч҃ка ѳ(е)од҃ра стратилата. а к(о)нчано того же мс҃ца въ .л҃. дн҃ь на памѧт҃ сбора .в҃і. апс҃лъ. — в лѣто же егда на̀ сзїдатї

[1] Описание всей рукописи № 1028 см. В. А. Погорелов, Библиотека Моск. Синод. Типографии, I, 2, М. 1899, стр. 23—29.

[2] А. И. Соболевский, Палеография, изд. 2, стр. 109.

новъгород». Другую запись привожу из приписки на поле в рукописи б. Новоспасского мон. № XI: она, видимо, искажена, а потому целиком не читается (рис. 54). Руководясь приведенными выше азбуками, можно передать ее в обычном алфавите так: «быӣ късѣт(?)івамь ірѣꙗ о(?) собе градъ мєжі небомь ї землею».

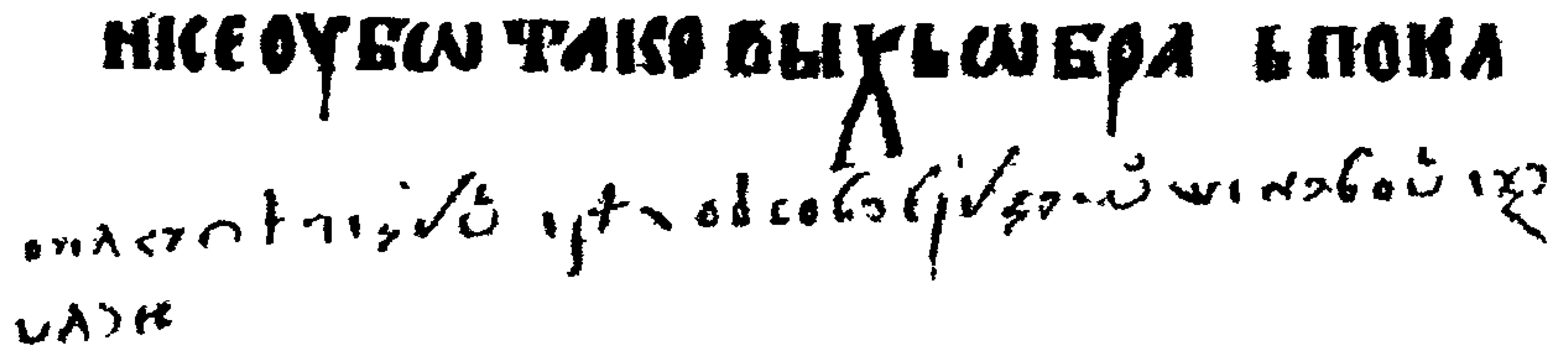


Рис. 54.

В некотором родстве по системе с «полусловицею» находится тот вид тайнописи, который встретился в рукописи Историч. Музея (Москва) № 2251 (сборник в 8°, конца XVI в.) на лл. 160—162 об.: этой тайнописью написаны известное «Лаодикийское послание» и ключ к так наз. литорее «в квадратах» (о последней речь ниже). Эта тайнопись очень проста по структуре: в тексте остаются только согласные, гласные же заменены значками, помещающимися над согласными; значки эти представляют урезанные начертания обычных гласных букв, т. е. построены по принципам «полусловицы»; так: *а* = ̔, *е* = ́,[1] *и* = ̓, *о* = ̇, *у* = ̌, *ѣ* = +, *ю* = ŀ *я* = ̀. По этому принципу начало «Лаодикийского послания» получает такой приблизительно вид:

Д̌ш́ с̔м̇вл́стн̔.з̔гр̔д̔ е̓
в+р̔.н̔к̔з̔ніе ст̔в̓тц̔
п̇р̇р̇км̓.п̇р̇р к̓ с̔т+р и ш̓
н̔.и с п р̔в л̀е т ц̔.ч̇д̇т в̇
р́ні е.ч̇д̇т в̇р н̓̀ д́р̓

Под такой же тайнописью, но осложненной «словесно-цифирной» (о ней ниже), скрыто далее имя переводчика «Послания»; к сожалению, «цифирная» тайнопись так искажена в передаче, что имя Феодора Курицына из нее не получается целиком; начало ее таково:

Еж а щ̓ к т̇ х о щ̓т оу̓ в ѣ̔ д́ т̓
имя п р́в́д ш́ г̇ л́ ѡд̓ ќ и с̓

[1] Значек для *е* слабо отличается от значка для *и*.

ќ′ п̇с л́н̍е д в́щ̍, д,р е
с̇ ед̍ны̾.и д в́щ̍[,д в́щ̍]
д в́ с ед̍ны̾,о̄,ı̈а̀ п̇д́
с̀ т̍,и,ı̄,ıа̀. . . . .

Повидимому, поздний след переживания такого же применения «полусловицы», уже значительно искаженный, представляет небольшая запись на «Поморских ответах» по рукописи XVIII в. того же Музея № 3006, л. 14 об.:

В ɹ ш ʟ г ʟ. б л ɹ г о р. д ı ɹ п. к.
р н и. с л ɥ г ı о л. н ʟ ц т и
в и (?). п у с т и́ н и п
ж і т ʟ л ı

Ее можно прочесть так: «Вашего благородіа покорни слуг(и) олонецти... пустинни жітели». Принцип здесь тот же, что и в предыдущей записи, только замененные гласные внесены в строку.

III.

Условные алфавиты в применении к тайнописи отличаются разнообразием с одной стороны, большой произвольностью — с другой. В них, однако, при всей их произвольности возможно заметить, что составители их все же исходным пунктом своих композиций берут уже известные алфавиты: то греческий (в его скорописном виде), то глаголический (в его поздних начертаниях) и, конечно, обычный кирилловский; изредка прибегают к принципу «полусловицы», переворачиванию обычного начертания. Реже мы можем угадать принцип выработки тайнописных начертаний совершенно независимый от обычного или более обычных существующих алфавитов; но даже в совершенно условных алфавитах след соотношения с обычным алфавитом, хотя бы слабый и не непосредственный, предполагать возможно.

Известные до сих пор условные, относящиеся к установленной нами III системе, алфавиты можно разбить на такие группы: а) условный алфавит, построенный с явными следами обычного, б) условный алфавит, построенный на одном принципе и в) условный алфавит произвольных начертаний. Для некоторых алфавитов в нашем распоряжении имеются только ключи, самых же записей, на их основании сделанных, пока не нашлось. Ввиду же того, что ключи эти, как увидим, помещались преимущественно

в грамматических руководствах (учебниках письма), мы в праве предположить существование и подобных записей. В других случаях — при отсутствии ключей — оказывалось возможным путем изучения самых записей извлекать ключ для их дешифровки.

Для первой группы следует прежде всего привести рукопись б. Рум. Муз. № 460 — хронограф XVII в., где на полях находим массу заметок тайнописной азбукой, к сожалению часто обрезанных при позднейшем переплетании рукописи (см. лл. 178 об., 179, 180, 180 об., 181, 183 об., 185 (четыре заметки), 186 об., 187, 192, 193, 193 об., 194, 194 об., 196, 196 об., 208; также: лл. 117, 119, 128, 128 об., 144 об., 145, 148 об., 149, 149 об., 152, 164 об., 166 об., 167 об., 170 об., 172 об., 175, 176 об., 177). На основании этих заметок извлекается полный алфавит для этой тайнописи (см. рис. 55).[1] В этом алфавите видим: а) к греческим скорописным начертаниям восходят: второе начертание *д*, *е*, второе *м*, *н*, *п*, первое *с*; б) на «полусловице» основаны *ъ* и может быть *в*; в) деформированы: третье *м*, второе *з*, второе *п*, *х*, *ш* (?), *щ*, *ъ*, *ы*, *ю*, *ѧ*, *к*, *ч*, *ц*; г) перевернуты: *б*, первое *з*; д) измышлены: второе и третье *а*, *г*, первое *д*, *ж*, первое *р*, *т*, *оу*, *ѡ*, первое *м*, т. е. меньшинство начертаний.[2]

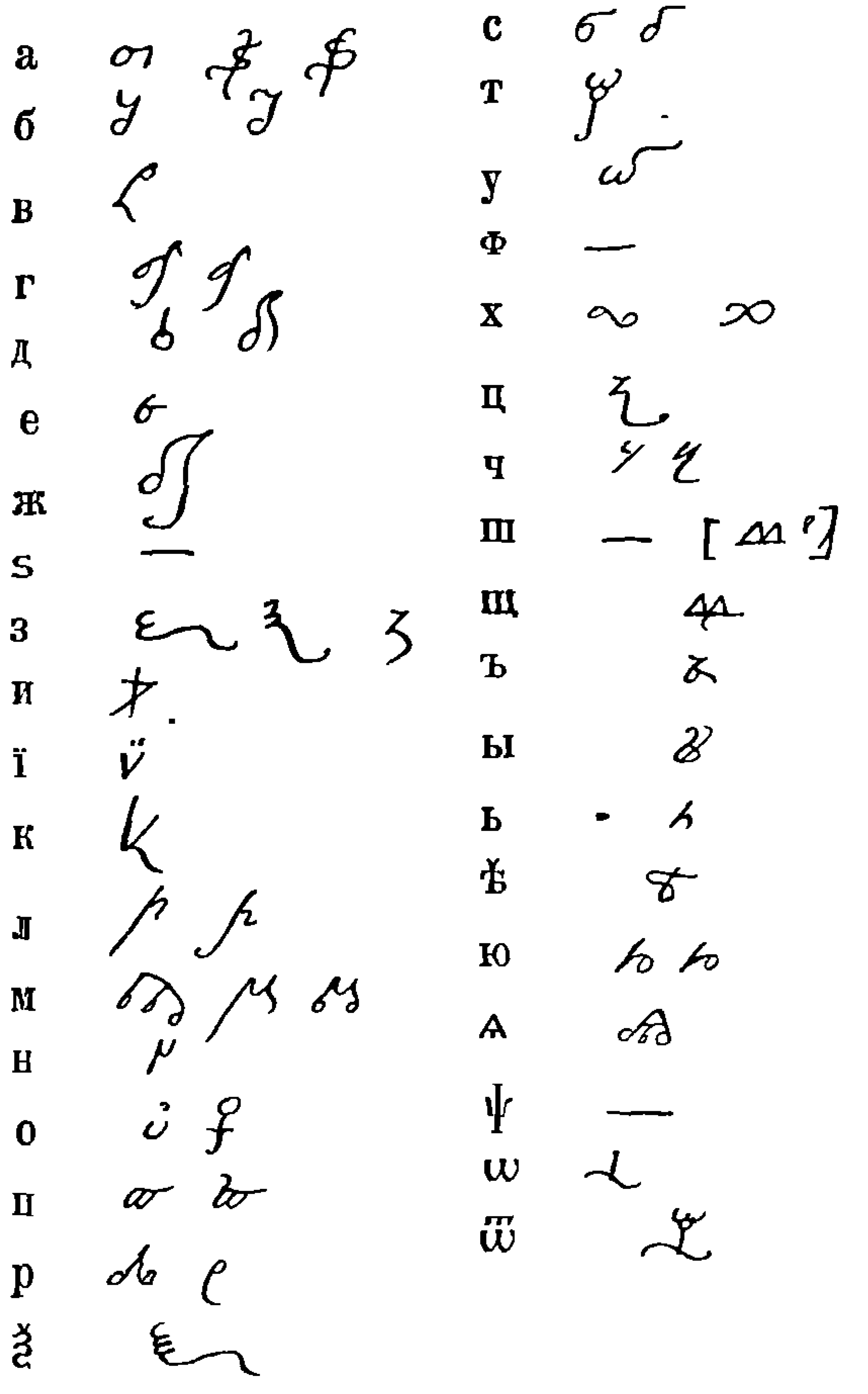


Рис. 55.

---

[1] Этот ключ, составленный, кажется, самим А. Х. Востоковым, оказался вложенным на отдельном листке в самую рукопись.

[2] А. Х. Востоков (Описание рукоп. Рум. Муз., стр. 781) полагает, что эти буквы переделаны из обыкновенных «с некоторою только переменою в начертании».

Очень похожа по общему характеру начертаний и по принципам композиции, хотя и отличается по значению начертаний от предыдущей, запись в рукописи конца XVI в., принадлежавшей собранию рукописей Н. П. Никифорова, ныне Ист. Муз. № 3801 (рис. 56):

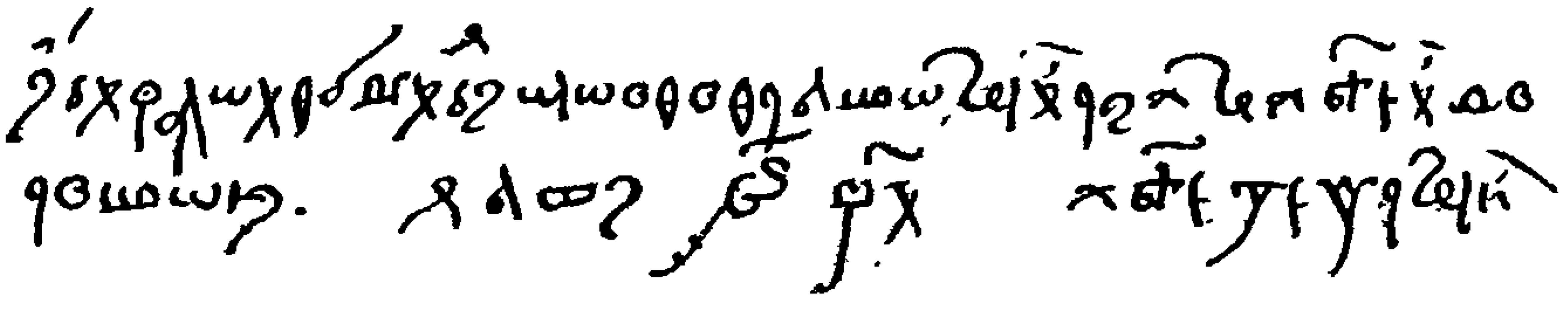


Рис. 56.

Алфавит, из нее извлекаемый, хотя и не полный, представляется в таком виде (рис. 57): с предыдущей азбукой здесь видим совпадение только в двух знаках: для *и* и для *с*, может быть отчасти для *у* (во второй половине начертания). Но в общем принципы «затемнения» обычных начертаний те же: деформация (*е, л, п, ш* и др.), переворачивание (*р*), нарочно придуманные знаки (их здесь относительно больше, нежели в первой азбуке); но, сверх того, замечаем здесь также принцип замены: для *г* взято начертание, заимствованное из *ѳ*, для *н* — *ѡ*.

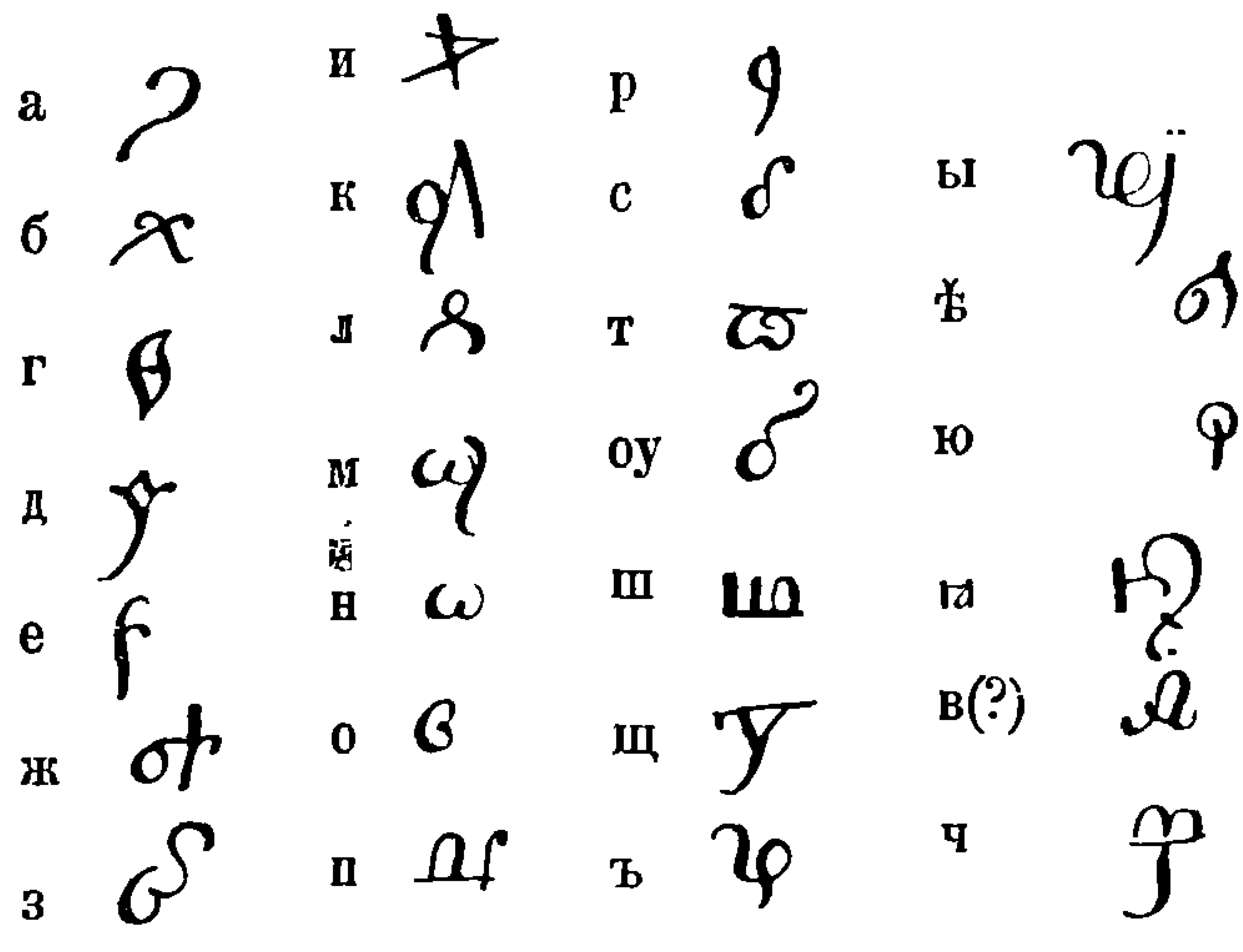


Рис. 57.

Читается эта запись так: «а҃ сию книгоу писа[х] многогрѣшный рабъ бж҃ей в(?)орошня. лѣта 7098 (1590). бж҃е щедрый».

Новое видоизменение указанных принципов в применении к тайнописи видим в трех ключах к нарочито придуманной азбуке: в рукоп. б. Моск. Синод. Типографии № 1028, л. 129 об., рукоп. Моск. б. Патр. библ. № 993, л. 99 «азбука концева» и в рукописи Ленингр. Публ. Библ.

О. XVI. 2 (Толст. III, 27), л. 94 об. («лопяцевская азбука»)[1] — все XVII в. (рис. 58, 59, 60).[2]

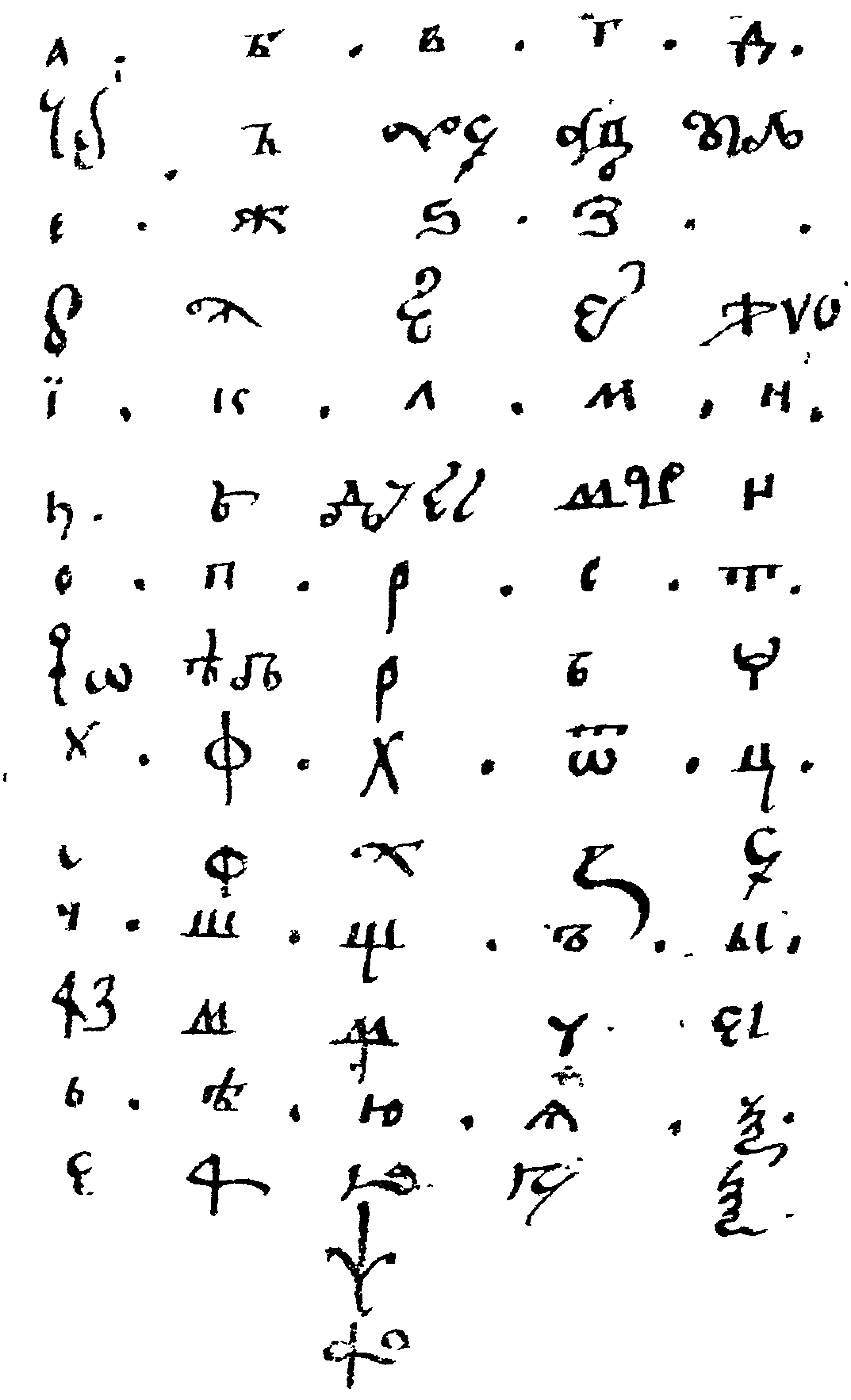


Рис. 58.

[1] Надписание в кругу: чтение справа налево, притом в первом слове *б* и *у* поставлены в обратном порядке; *в* означает начало чтения.

[2] Из последней рукописи азбука была издана факсимиле И. В. Ягичем: Рассужденія славянской и русской старины о церк.-слав. языке, СПб. 1885—1895, стр. 983. О ней же упоминает и П. М. Строев: Описание рукоп. Ф. Толстого, М. 1825, стр. 572, прим., полагая неко-

Все эти три азбуки, несомненно, обнаруживают одну общую основу, представляя в большинстве начертаний одно и то же с незначительными отклонениями (скорее, искажениями) от основного типа (даваемого, кажется, чаще всего Типогр. № 1028, как более тщательно писанным), и лишь сравнительно немногие варианты, иногда только, как будто, кажущиеся; так, азбука Г. П. Б. дает свои начертания, отличные от остальных двух, только в буквах: *а, б, д, ѕ, л, ȣ, ц, ч;* Патр. — для: *б, и*; начертания в рукоп. Г. П. Б. для *и, к, ѣ* легко объясняются, как искажения соответствующих в рукоп. Типогр.; в Патр. рукоп.; такое же объяснение допускают: *д, и, к, ȣ, ѣ*. С другой стороны замечаются точки соприкосновения у всех этих азбук вместе и Г. П. Б. и Патр. с приведенной выше азбукой Рум. № 460; так, общими с нею являются знаки для: *з, и, н, о, р, с, т* (небольшое искажение), *ш, щ;* в Г. П. Б. и Патр. роднит с Рум. начертание для *б*, образованное путем поворота в обратную сторону, т. е. тот же принцип, который применен и в других случаях. Оригинальным в рассматриваемых азбуках представляется то, что они для целого ряда начертаний (каковы: *а,*

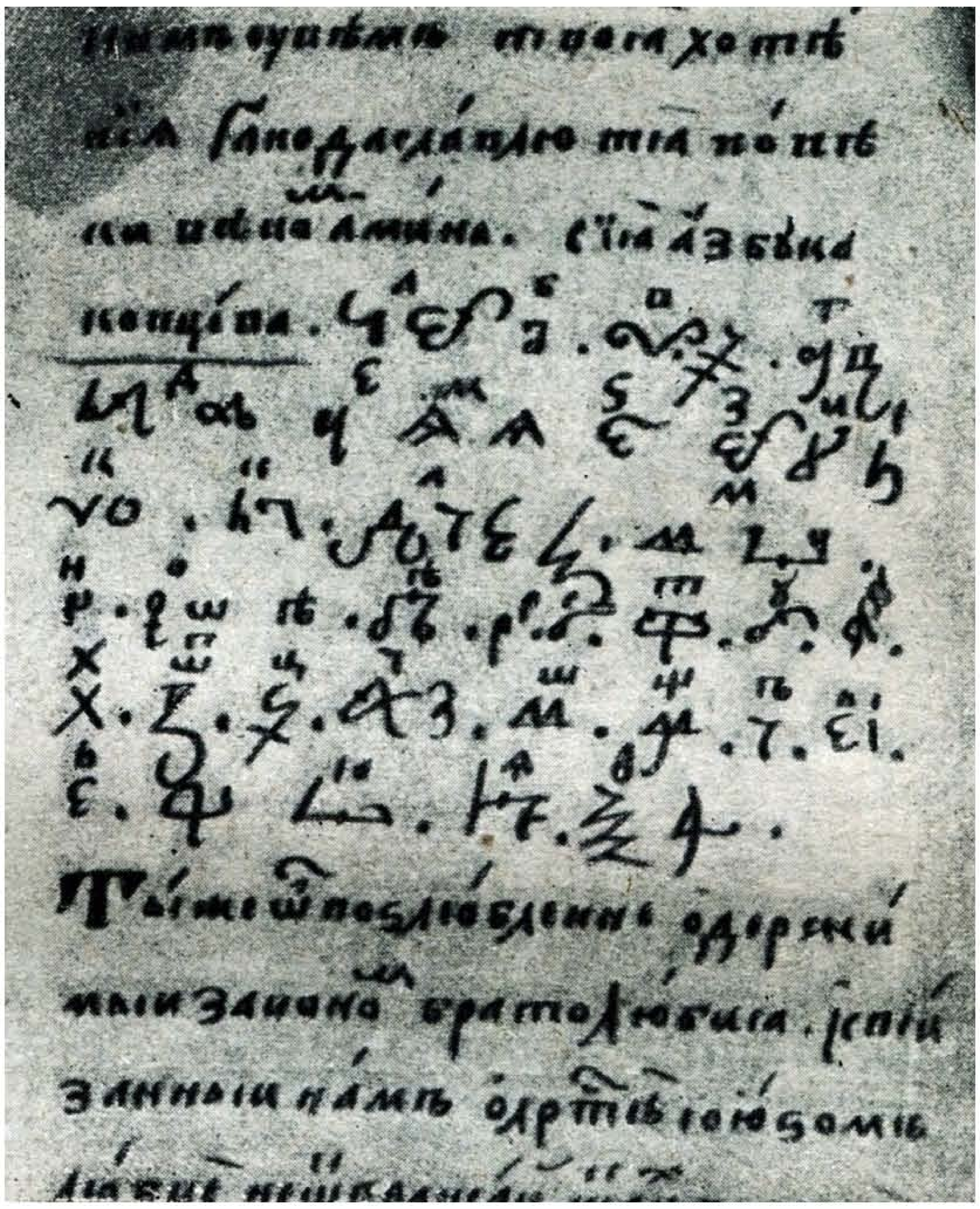


Рис. 59.

в, г, д, и, м, н, о, п) дают не по одному, а по нескольку: прием ли это криптографа с целью еще более затруднить чтение употреблением в различных словах тайнописи различных начертаний одной и той же буквы, или это — след того, что эта буква в тех ее видах, в каких мы находим ее в ключах, есть результат сводки различных азбук — сказать трудно; думается, однако, скорее можно предположить последнее, имея в виду связь этих азбук с азбукой Рум. № 460 и то, что часть этих «вторых» начертаний объединяется одним общим признаком и, быть может, общей их реминисценцией,

торые ее буквы имеющими сходство с известной надписью на Звенигородском колоколе (что, как увидим, весьма сомнительно).

не наблюдаемой во всей азбуке, взятой в целом и в «первых» ее начертаниях в частности: «вторые» начертания характеризуются для *в, г, д, л, м, о, п* пристрастием к кружкам или петелькам: (см. соответствующие буквы на рис. 58—60), аналогию коим мы найдем также в Рум. № 460, хотя и в иных случаях (см. на рис. 55 буквы: *д, м, р,* ѧ). Этот вкус к кружкам-петелькам, может быть, есть результат реминисценции, хотя бы и отдаленной, знакомства составителя с глаголицей в тех ее поздних начертаниях, которые еще в XV в. и XVI в. употреблялись в тайнописи, вроде указанного выше (стр. 63—64)? На такое предположение наводят «вторые» начертания для *в, д, л,* напоминающие соответствующие глаголические в их позднем виде (ꙑ, ꙉ, ꙉ на рис. 30). След влияния греческого алфавита и здесь, как и в Рум. № 460, налицо, как это видно в особенности из рукоп. Г. П. Б. (ср. *н, с, ф*). Остальные начертания в значительной мере могут быть объяснены из обычного алфавита путем различного рода деформации отдельных начертаний его; так, легко объясняются деформацией: *б* (в Типогр.), *ж, ѕ, з, м, н, ш, щ, ѣ, ю,* ꙗ, ѱ, где отчасти применено и переворачиванье в другую сторону и недописывание. Таковы, надо полагать, отдельные принципы и источники этого алфавита: отличие его в этом отношении от алфавитов «измененных начертаний» (система II), ясно, в том, что принципы эти применяются здесь не последовательно и произвольно; а сверх того, в этой азбуке есть и начертания, намеренно придуманные в замену от общепринятых, притом в большем количестве.

Рис. 60.

Образчиком алфавита, придуманного специально для тайнописи, при том по определенному принципу, может служить также ключ к тайнописи, изображенный на отдельном листе второй половины XVII в. б. Патр. библ. № 93 (второго регистра). Он очень несложен, как видно из прилагаемых

снимков самой тайнописи (рис. 61) и ключа к ней (рис. 62). Как видим, тайнопись состоит в замене обычных букв (рис. 62) угольниками и четвероугольником, заимствованными из решетки, составленной из двух параллельных линий, пересеченных двумя такими же линиями под прямым углом (рис. 61); в этих клетках помещено по четыре и по три буквы в порядке азбуки: в тайнописи буквы заменяются первая — пустым углом, а следующие тем же углом с одной, двумя или тремя точками, смотря по месту

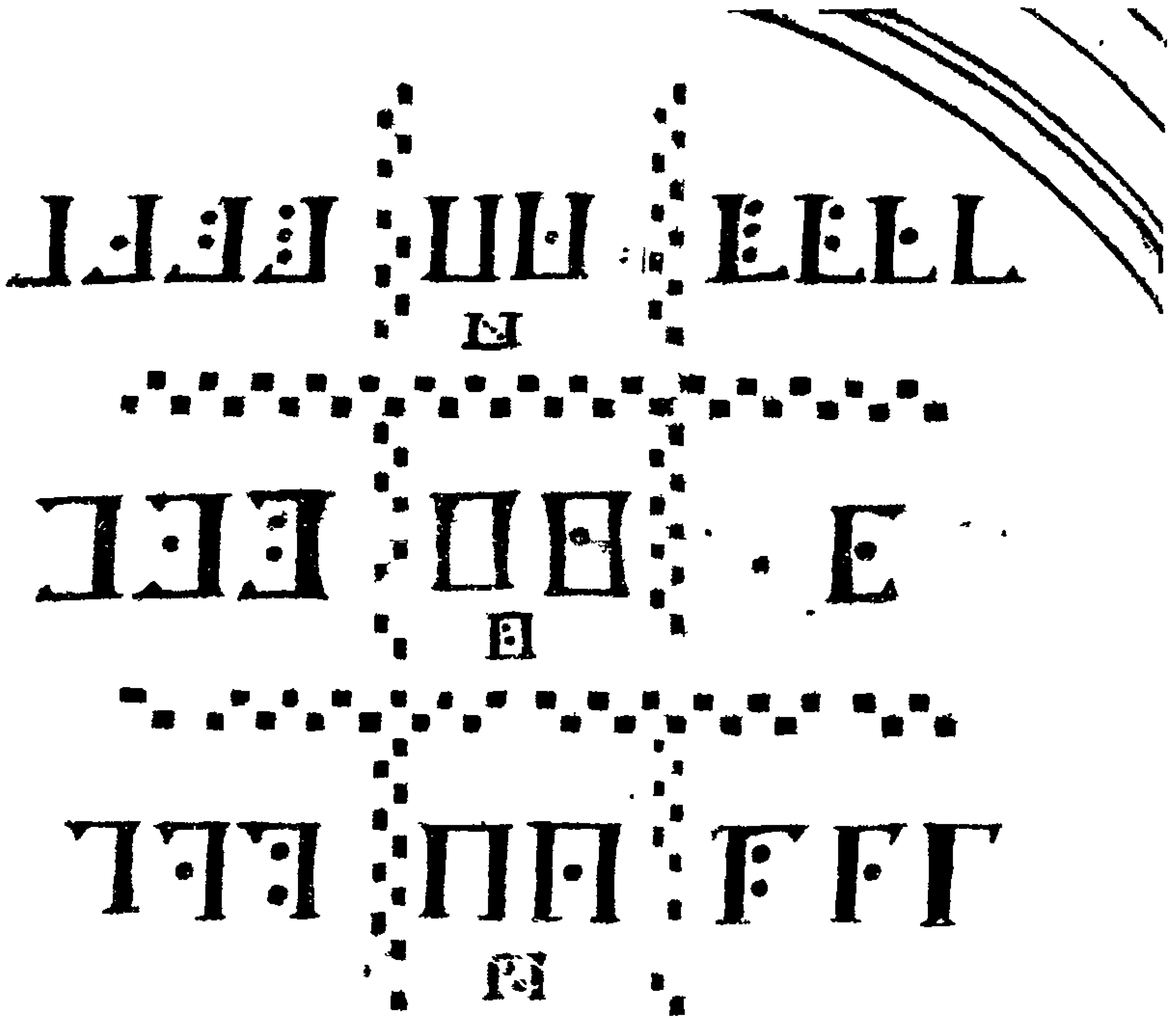


Рис. 61.

буквы в угле. Так как при таком размещении букв в клетках вся азбука не могла уместиться, то в тайнописи не оказывается знаков для ѕ, *і*, *щ*, *ъ*, *ѳ*.

Без сомнения, вариант (но не столь нарядный) к той же системе тайнописи представляет азбука (также ключ), приложенная к иконописному Подлиннику XVII в. собр. б. И. Е. Забелина (теперь Истор. Муз. в Москве) № 340 с надписью «Азбѹка иного (первого, однако, в рукописи нет) переводу. кто мѹдръ, да разѹмѣет»: та же решетка, то же размещение букв в клетках; разница заключается в том, что в каждом отделении помещено по три буквы, почему и нет тайнописных знаков для: *з*, *і*, *ш*, *ъ*, *ы*, *ѣ*, *я*, ѳ, и тайнописная схема и ключ к ней совмещены в одной решетке,

причем все буквы обозначаются точками, а пустого угла или четвероугольника для первой буквы в отделении, поэтому, нет; отсюда — разница в тайнописном обозначении отдельных букв в обоих ключах.

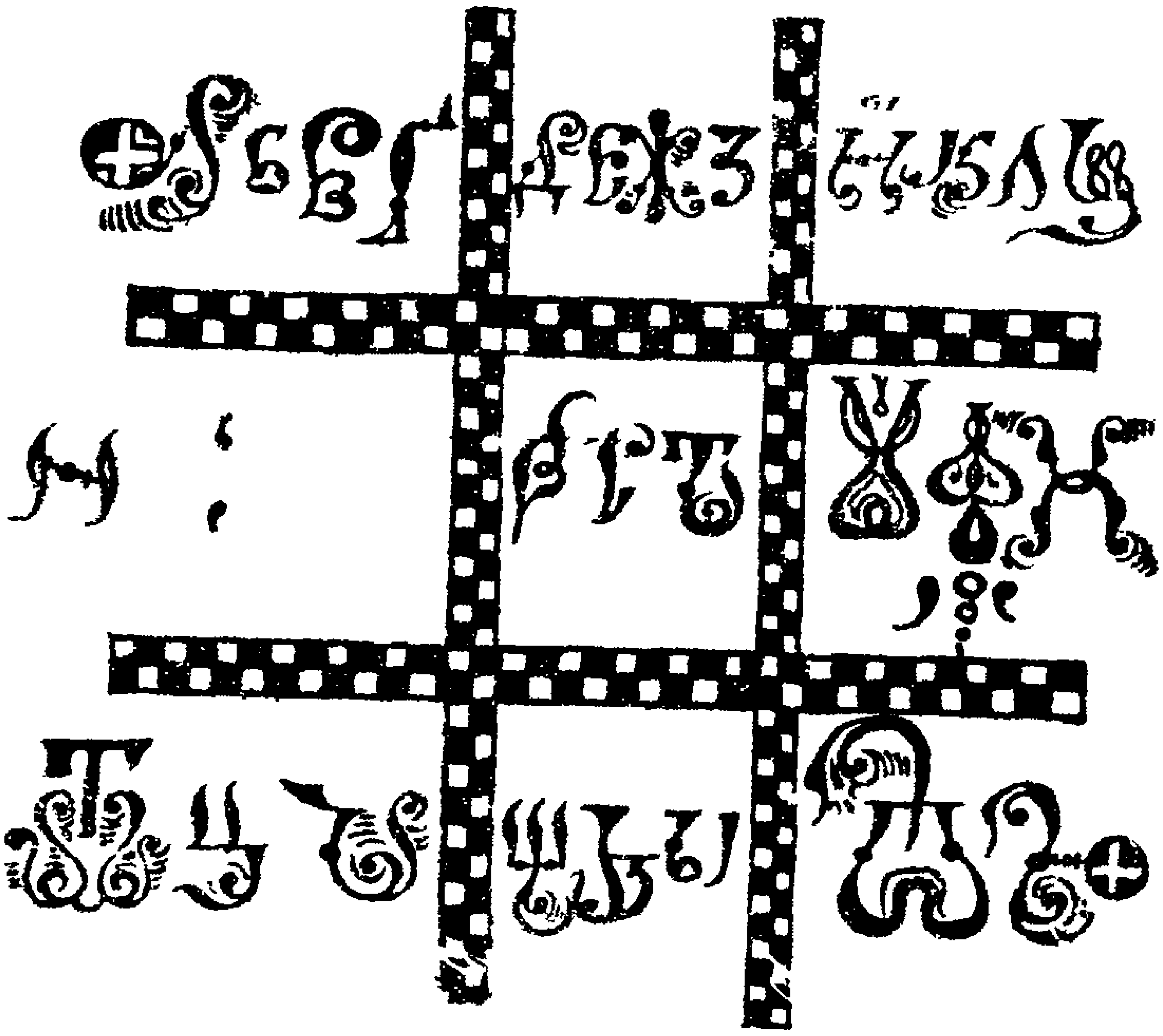


Рис. 62.

Совершенно своеобразную тайнопись дает известная надпись на Звенигородском колоколе (1667 г.), где мы находим зараз целых шесть разновидностей тайнописи, из коих только одна (шестая) составлена из обычных букв (о ней ниже), тогда как пять остальных дают каждая ряд особо придуманных значков для букв: составитель этих тайнописей, если и отправлялся от обычных начертаний буквы, то до такой степени подвергал их изменениям и придавал этим буквам иное значение, что эта основа с трудом может — и то не всегда — быть обнаружена, так что созданные им начертания должны быть сочтены его измышлением.[1] Других образцов такой

[1] Надписи эти, впервые замеченные еще Бакмейстером (1784 г.), создали около себя целую небольшую литературу. Так еще в 1811 г. на них обратил внимание К. Ф. Калайдович (Русский Вестник, XIV, № 4, стр. 105—108); первым же, давшим более или менее полное их чтение, был А. И. Ермолаев еще в 1822 г. (Северный Архив, 1825, ч. 5, стр. 107). Затем этими надписями занимался Г Спасский (Горный Журнал, 1833, кн. I стр 134—143). давший и хороший снимок с надписей (его я и воспроизвожу на рис. 63 в несколько уменьшенном размере). Упоминается о них также в «Историческом описании Саввы Сторо-

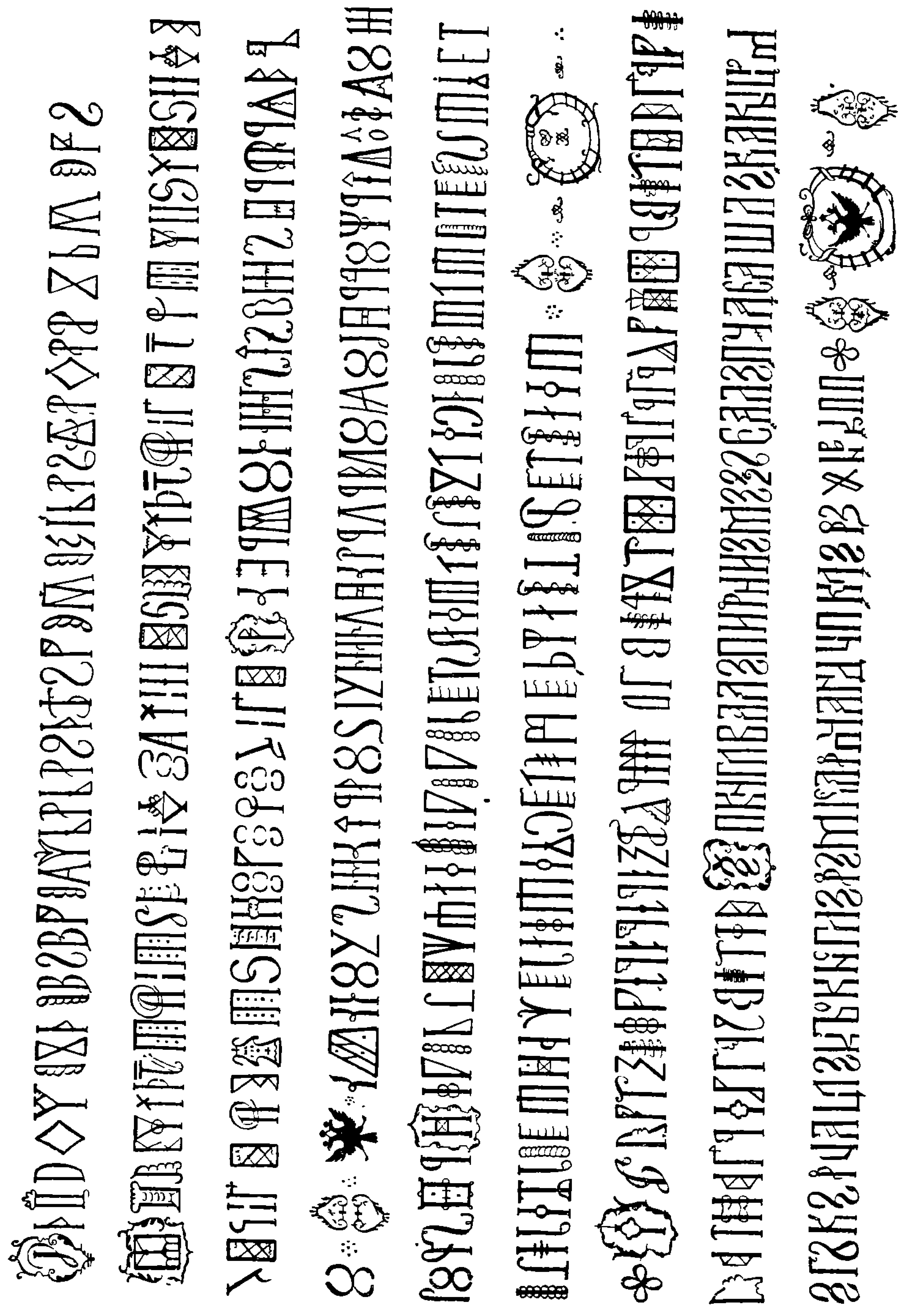


Рис. 68.

тайнописи мы до сих пор не знаем, да и едва ли есть надежда их встретить: колокол, как гласит обычным шрифтом сделанная на нем надпись, отлит в 1667 г. по приказу царя Алексея Михайловича, который, вероятно, по этому поводу либо сам сочинил тайнописи, либо кому-нибудь поручил составить; а царь был известен как большой любитель «хитрого», «затейливого» письма, т. е. тайнописи.[1] Таким образом, можно предполагать, что здесь мы имеем дело с единичной, индивидуальной попыткой дать невиданную, необычную тайнопись, не похожую на другие.[2]

Раскрытию тайнописей способствует не только чтение, предложенное опытным и догадливым палеографом А. И. Ермолаевым и его предшественниками, но также и то, что сохранилась и современная надписям их дешифрировка, если и не вполне точная.[3]

Прилагая здесь снимок (рис. 63) с надписей, привожу их чтение:[4] (1) «изволением всеблагаго и въсещедраго бгога (sic!) нашего (2) и заступением (sic!) милостивыя заступницы пресвятыя владычицы нашея богородицы (3) и за молитъвъ отъца нашего и милосътиваго заступника преподобнаго савы чюдотворъца (4) и по обѣща(?)нию и по повелѣнию раба христова цря але҃ѯѣа ѿ(?) любьви своея душевныя и ѿ серьдечнаго желания (5) слитъ сеи колоколъ в дом пресвятыя богородицы честнаго и славнаго ея рожества».

Составитель этой тайнописи во всех пяти случаях стремился, видимо, возможно меньше напоминать про связь своих начертаний с обычными: если кое-где чувствуется еще, что он исходил из обычного начертания, стараясь видоизменить его, то в значительном числе случаев эта связь или вовсе отсутствует, или же может быть вскрыта лишь тогда, когда мы знаем уже значение начертания; прибегает он и к принципу замены, но произвольной, давая своему начертанию иное значение, нежели то, которое

жевского монастыря» (М. 1846, стр. 46). Из новых ученых говорит о них и дает чтение И. И. Срезневский в «Замечаниях о русском тайнописании» (Учен. Записки АН. т. XIX, СПб. 1871, стр. 235—242). Снимок и ключ тайнописи находится также в «Образцах древней письменности» И. П. Сахарова, табл. XXXI—XXXIII.

[1] Ср. А. И. Соболевский, Палеография[2], стр. 113.

[2] Поэтому мнение П. М. Строева о сходстве Звенигородской надписи с тайнописью из рукоп. Ленингр. Публ. Библ., О. XVI. 2 (см. выше стр. 90 прим.), принято быть не может; и действительно, этого сходства между ними не находим.

[3] Под заглавием: «Подписи новы на колоколах в Савиве монастыре Сторожевского»; она находилась в Государственном Архиве, напечатана в Записках Отд. Русск. и Славянск. Археологии, т. II, стр. 40, откуда перепечатана И. И. Срезневским (ук. соч.). А. И. Ермолаев в некоторых случаях читал правильнее.

[4] Цифры в скобках отделяют каждую из пяти азбук.

имеет буква, служившая ему отправной точкой; пользуется он для своего начертания переработкой обычного начертания в целую сложную фигуру, где еще труднее рассмотреть его первообраз. Так, для *р* он берет такие начертания,[1] в которых еще можно, хотя и не без труда, вскрыть обычное *Р*; но для *г* находим начертания,[2] могущие с одинаковым правом восходить и к *Р*, и к *Г*; для *л* в числе других — фигурных — он берет обычное *Т* или свое произвольное начертание; для *ж* берет начертание близкое к обычному *з*:[3] наконец, для *ы* находим целые фигуры или начертания,[4] с обычным *ы* общего ничего не имеющие, и т. д. Вообще, если бы мы на основании этих тайнописей попытались составить для каждой из них пяти азбуку,[5] то ясно бы увидали: во-первых, во всех пяти нет одинаковых, общих начертаний для какой либо одной буквы, а также одного и того же начертания для разных букв в разных азбуках: автор азбук, повидимому, особенно об этом заботился; во-вторых, в каждой азбуке для отдельных букв по нескольку различных начертаний; в-третьих, какого-либо принципа, общего, при составлении этих азбук не наблюдается: произвол здесь полный, следа какой-либо традиции не замечается. Все это говорит за индивидуальный характер этих тайнописей и подтверждает высказанное сомнение в возможности встретить еще примеры этой тайнописи.

IV.

Система тайнописи, условно названная системой *замен*, сколько можно судить по ее образцам, представляет несколько разновидностей, по крайней мере, главных две или три: а) так наз. «простую литорею», куда можно причислить и б) «литорею мудрую» т. е. более сложную разных видов; в) тайнопись «в квадратах».

Так называемая «простая литорская» (т. е. риторская) система,[6] особенно часто встречаемая в рукописях, действительно, очень не хитра: она состоит в том, что каждая из десяти по порядку азбуки согласных, поста-

---

[1] См. ва снимке строки: первую, начертание 15; вторую, начертание 11; четвертую, начертание 20; пятую, начертание 11, — все справа; восьмую, начертание 10, слева.

[2] См. строку первую, начертания 2 и 17, третью, начертание 15; четвертую, начертание 13; седьмую, вачертавия 2 и 11, — все слева.

[3] См. строку восьмую, начертавие 12, слева.

[4] См. строку вторую, начертаиие 5, и строку седьмую, начертание 11, — оба справа.

[5] Такую, но не полную, дает И. П. Сахаров в «Образцах древней письменности», табл. XXXIII.

[6] В рукоп. собр. Н. С. Тихонравова (б. Рум. Музея) № 326, л. 220 она озаглавлена: « Лирийский язык» (т. е. Литорийский?).

вленных в одном ряду, при письме литореей заменяется соответственной ей буквой во втором таком же ряду, состоящем из остальных десяти согласных, идущих в обратном (справа налево) порядке, и обратно; гласные и глухие остаются на своих местах, сложные буквы (кси, пси) и ѕ и ѳ исключены и заменяются созвучными. Таким образом ключ к простой литорее будет таков:[1]

б в г д ж з к л м н
щ ш ч ц х ф т с р п

В таком виде (иногда со включением и гласных, остающихся без замены) не редко ключ этот встречается и в рукописях XVII в. и XVIII в., напр., Тверск. Муз. № 1, в рук. Вяземского (ОЛДП) № LVIII — 8°, Рум. Муз. № 369, И. Е. Забелина (Истор. Муз.) № 537 и многих других.

Что касается времени, к которому восходят старшие образцы этого рода тайнописи по русским рукописям, то точному определению оно не поддается. Старейший образец ее относят к XIII в.: это была пятистрочная запись на известном Шенкурском Прологе 1229 г., принадлежавшем проф. Московского Университета Баузе и сгоревшем в Москве во время пожара 1812 г. П. И. Кеппен приводит ее по списку К. Ф. Калайдовича, имевшего еще в руках эту рукопись, в таком виде:[2] (1) «мацъ щ҃ыл томащсь (2) нменсъшви нугипу (3) ромылтую като хе и (4) ниледь топгашви тъ(5)пичу лию. арипъ», что по приведенному выше ключу значит: «радъ бы҃с корабль преплывши пучину морьскую, тако же и писець кончавши кънигу сию. аминъ». Если мы и имеем здесь действительно дело с литореей, то этим еще не решается вопрос о времени ее написания: нам не известно, современна ли она написанию самой рукописи 1229 г., или она явилась позднее на рукописи, случаи чего мы встретим не раз в рукописной практике? По характеру своего содержания, запись может быть отнесена к писцу рукописи, как содержащая обычную формулу в послесловиях писцов; с другой стороны, характер самой графики записи в том ее виде,

---

[1] Этот ключ много раз издавался; см., напр., М. Сперанский, Описание рукоп. Тверского Музея, М. 1891, № 1 (3227); И. И. Срезневский, Древние русские книги, СПб. 1864, стр. 16; П. Лавровский, Старорусское тайнописание (Древности, Труды Моск. Археол. Общ., II, 1), стр. 32; А. Карпов, Азбуковники, Казань, 1878, стр. 59; Е. Ф. Карский, Палеография, изд. 1928 г., стр. 253; А. И. Соболевский, Палеография, изд. 2, стр. 110; Р. Ф. Брандт, Палеография, М. 1910, стр. 36, В. Н. Щепкин, Палеография, М. 1918, стр. 134 и мн. др.

[2] П. Кеппен, Список русских памятников, М. 1822, стр. 121. Запись перепечатана у А. Х. Востокова, Филологические наблюдения, СПб. 1868, стр. 129; ср. И. И. Срезневский, Древние русские книги, СПб. 1864, стр. 17.

в каком она нам доступна, внушает некоторые сомнения в современности ее самой рукописи: допуская теоретически возможность появления тайнописной записи такого типа в первой половине XIII в., остается признать, что палеографически копия с нее, сделанная Калайдовичем, не была безусловно точна.[1] Некоторое, впрочем, не особенно твердое, основание отнести употребление «простой» литореи еще в XIV в. дает послание митроп. Киприана к Сергию Радонежскому о Митяе (незаконном претенденте на митрополию), писанное, как известно, 23 июня 1378 г. Начало его таково: «Кипріа^{н}, млтію бж҃іею ми^{т}рополи^{т} *шлея мули, гелкъпору* старцу игумену Се*мч*ію и *ичурепу* феѡ^{до}ру, и аще кто инъ еди*пъругиметъ л шари*. Не *оукаисъл*ѧ ѿ *ша*^{д} и ѿ всего *мо*да х҃ртіа^{н}ска^{г}. . . . .». Подчеркнутые слова или целиком, или частью, писаны «простой» литореей и читаются: «всея руси, честъному. . . . Сергію и игумену. . . . единъмудренъ с вами. . . . . оутаилъ (= о) сѧ ѿ вас. . . . рода. . . .».[2] Хотя в подобном оригинальном приеме ничего странного нельзя видеть, принимая в соображение положение дела о Митяе, все же у нас нет уверенности, что тайнопись принадлежит митр. Киприану, а не какому-нибудь позднейшему писцу, списывавшему текст письма. К самому концу XIV в. следует отнести уже большую русскую тайнопись (8 строк) в упомянутой выше (стр. 86) Новоспасской рукоп. № XI, л. 70 об.; она содержит выдержку из известной «Притчи об единороге».[3] Первые же датированные случаи применения этой тайнописи, среди мне известных, встречаем в первой половине XV в.: А. Х. Востоков приводит[4] такого рода тайнопись из Пролога 1431—

---

[1] И. И. Срезневский (Замечания о русском тайнописании, стр. 4) склоняется в положительную сторону касательно времени этой записи, обращая внимание на формы в этой записи: «морьскую, писець, кънигу», как на древние. Но указанные формы могли сохраняться (и сохранялись) и позднее (напр., в XV в.); кроме того, нельзя не обратить внимания также на то, что ъ в слове «кънигу» приходится в конце строки, где весьма часто и позднее писцы, заполняя строку, ставили ъ, не руководясь никакими соображениями, кроме графических (а потому иногда и неуместно); употребление *у* (или ѕ, по Срезневскому) вм. *оу*, притом последовательно, для приемов графики XIII в., да еще первой его половины, также необычно, начертание *ы* в виде ъı, также не говорит обязательно за бо́льшую древность записи: его мы (правда, спорадически) находим и в XV в., и, обычно рядом с *ы*, в XIV в. Возбуждает сомнение в своей точности также — «кыс»: повидимому, в оригинале было обычвое с ран него времени кы҃, кыс же = кысть, кажется, в древних текстах (да и поздних) не встречается. Все это, не опровергая возможности относить Шенкурскую запись к 1229 г., заставляет самое ее воспроизведение не считать вполне точным.

[2] Издано было в Правосл. Собеседн., 1860 г., II, стр. 85 и сл.; здесь приводится по рукоп. Погодина (Гос Публ. Библ.) № 1596, л. 100; ср. А. Ф. Бычков, Описание сборников И. Публ. Библ. СПб. 1882, стр. 289.

[3] В раскрытом уже виде напечатана целиком (впрочем, не вполне исправно) Н. П. Поповым (Рукоп. Моск. Синод. (Патриаршей) библ. Вып. I. Новоспасское собрание, стр. 73—74).

[4] А. Х. Востоков, ук. соч., стр. 131; ср. П. Лавровский, ук. соч., стр. 33—34.

*

1434 гг. Публ. Библ. (Ленинград): «ца и фа цьята росике ща фа лерепа»= «да и за дьяка молите ба за семена». Еще у него же запись из списка поучений Ефрема Сирина 1496 г. той же библиотеки (F. I. № 205), в транскрипции читающаяся так: «в лѣто семъ тысящное четвертое писана бысть книга сія при игумени Генадіи к стому Николи на Мостища повелѣнием раба бжія Григорія Фефилатова, а писалъ діякъ Васюкъ Федоровъ у стго Николи на Липни, а подписал мца марта в а день».[1] Такого же рода запись имеем и на Диоптре 1471 г. б. Троицкой лавры № 191 (1816): «В лѣто 6979 сія книга писана бысть.... замышленіем раба божіа цьятопа Тасилкмака (= дьякона Калистрата), а писалъ сію книгу Чмичомеи Ятирав[2] (= Григореи Якимавъ) сынъ».[3] Также к XV в. следует отнести запись на известной Лествице XII в. (б. Рум. Муз. № 198):

тсиратлъ. лимѣгь	Климаксъ. сирѣчь
сѣлкшида. щохелкше	лѣствица. божестве
пачо. шолжоца. ирюби	наго. восхода. имющи
лкенеть .л.	степень .л.

К тому же времени относится запись писца на Служ. Минее б. Архангельск. собора (б. Патр. библ.) № 11 (1029), XV в. (пергамен.): ѡ҃лноцино^ро^фимащоу | лгоѐроупитизомоу | панилакирипѣюлиющѡфо = ѡ҃спода по^мо^зи рабоу своемоу никифороу написати минѣю сию бо^р^зо; рипѣю = минѣю (там же).[4]

То же представляет запись XV в. (но не рукой писца рукописи) на июльской Служ. Минее б. Успенск. собора № 18 (пергамен., 4°) того же века (л. 1а об.): ѡ҃лноципу тпафю шеситору хасоща рю (= и?) ѡ҃лоципе дпѣ(?) па кочо ка зецаа коп(?) су репа = ѡ҃сподину кназю великому жалоба ми ѡ҃сподине(?) на того на федаатоилу(?) мена.[5]

Таким образом, с XV в. мы имеем уже достаточно случаев «простой» литореи и можем считать ее уже довольно распространенной для этого времени. Мода на нее не прекращается и позднее вплоть до XVIII в. включительно, несмотря на существование одновременно и других систем тайнописи: видимо, своей популярностью она обязана была именно своей про-

---

[1] По Лавровскому, ук. соч., стр. 39.

[2] Очевидно, следует: Ѧтирашъ.

[3] Целиком запись см. в «Описании рукоп. библ. Свято-Троицкой лавры», М. 1873 I, стр. 188; ср. А. И. Соболевский, Палеография, стр. 110.

[4] На л. 181 об. простая запись писца киноварью об окончании Минеи. рука та же.

[5] Запись, видимо, с ошибками, потому не ясна.

стоте. Находя излишним приводить здесь многочисленные случаи ее применения, ограничимся несколькими примерами XVI—XVIII вв., преимущественно из рукописей менее, других использованных в этом отношении.

1) Рум. Муз. № 96 (Диоптра), л. 92 об.: «а лѧ тпича нѣкмѹвъпа пшапеша лыпа ноноша» = «а сѧ книга пѣтрѹшъка иванева сына попова». Письмо XVI в.[1]

2) Истор. Муз. (Москва) № 397, последний лист: сѣка ҂зкз. написано бы сїе еѵлїе. рѹкою многогрѣшна нмокоѧтопа ѡсзе^м^ѧ нмокононоша лпа рїѡрицоша аа.мл.ааа.нн, а вв.ѣ аа.кк ѹнн.мл.кк.ѣ.мм нн.дд е.мч.дд.ррїї.сс.ммѣ рр.е нн.ь ааа їе, рѹмолто и мефапьлтѡ» = «лѣта 7027 (1519) написано бы сїе еѵлїе рѹкою многогрѣшна прото^д^ѧкона ѡлфе^р^ѧ протопопова сна мїѡмидова [во градѣ в мѹромѣ при епискѹпѣ серьгїе] мѹроско и резаньско^м^». Взятое в прямые скобки писано «цифирной» тайнописью (о которой ниже).

3) Истор. Муз. в сборнике XVI в. № 1484, л. 8: «Топедь костошапиѧ ікыѧ щхкшепыѧ лсѹхщы» = «Конець толкованиѧ стыѧ бжтвеныѧ слѹжбы»; там же л. 15: «Пагасо жмилколъ и топедь шлѧторѹ цѣсоу щсачю ѡ жмилке їлоуле. чѣ паве^р^ арипь.Ѳа росикшѹ лпакижъ ѡке^д^ пави^ж^ ѡлноци ілѹле лїне цохии норисоуй палъ.арипь» = «Начало христосъ и конець всѧкомѹ дѣлоу благю. ѡ хрпсте ісоусе. бѣ наше^м^ аминь. За молитвѹ сватихъ ѡте^ц^ наши^х^ ѡсподи ісѹсе сыне божий помилоуй насъ. аминь». Вместо обычного ф = ӡ написано ѳ; *а* вм. ѧ в слове: сватихъ; *ю* вм. *оу* в слове: благоу, по привычке писать после *ч*, *щ* — *ю*, *а* (ср. чюдо, чюждь, чаша и т. п.).

4) Деяния апостольские XVI в. из собр. б. Н. П. Никифорова (Истор. Муз.) № 3803, л. 159 об.: «Чцїе ѡды и щмакїе ча мапи норѧпике лїе панилашвачо.дд аа а лк.а.ва о нн ю.шїї.и.лк а»=«Гдїе ѡцы и братїе га ради помѧните сїе написавшаго [ивана горюшкина]». Выделенное прямыми скобками — «цифровой» тайнописью.

Для XVII в. можно указать несколько изданных тайнописей этого рода; так, в рукоп. Н. С. Тихонравова (ныне б. Рум. Муз.) № 326, XVII в., грамматического содержания, приведены примеры: Щомилъ (= Борисъ), Щочосѣнъ (= Боголѣпъ), Шалисей (= Василей), хифть (= жизнь) и др.[2] в «Алфавите иностранных речей» Соловецкой библ. (б. Каз. Дух. Ак.) № 18 — целая церковная песнь: «Шоспою ромелтою, лотмышвачо, цмешесе

---

[1] Ср. А. Х. Востоков, Описание рукоп. Рум. Музея, стр. 167.
[2] И. В. Ягич, Рассуждения старины о ц.-слав. языке, стр. 1004.

чопикеся, ругикеся» и т. д. = «Волною морескою, сокрывшаго, древеле гонителя, мучителя» и т. д.[1]

Еще во второй половине XVIII в. пишут этой литореей: так, в рукоп. И. Е. Забелина (Истор. Муз.) № 227 на л. 197 находим «топедъ» = «конецъ». В рук. Истор. Муз. № 1279 (Канонник XVII в.) на первой странице крупным подражательным (стало быть, поздним) полууставом—запись: «Ліѧ̀ т҆пича чс҃ераѧ тапо́ппитъ пихечомо́цлтачо тꙋн҆да̀ а̓сетле́ѧ цаписоша лыпа мафа́тоша. 1769: чоца: а̓н҆мѣсѧ, цп҃ѧ» = «Сіѧ к҆нига гл҃емаѧ кано́н҆никъ нижегоро́дскаго кꙋп҆ца̀ а̓лексе́ѧ данилова сына рѧзанова. 1769 года, а̓п҆рѣлѧ д҃нѧ». Тоже находим и позднее в Планетнике 1784 г. из собр. Забелипа (Истор. Муз.) № 711, где писавший его священник скрыл себя (что́ и понятно) под этой литореей, осложнив ее «обратным» письмом; впрочем, он тут же дал и ключ к ней; она такова: «Ахъщꙋта . нillасъ . іоаппъ . оппаоішъ: їꙋня въ 20 деⁿ», т. е. «Азъбꙋка. писалъ іоаннъ іоанновъ іꙋня в 20 деⁿ».

Что касается происхождения «простой» литореи, то никаких определенных указаний на это не имеем ни в ней самой, ни о ней. А. И. Соболевский осторожно предполагает (не указывая, впрочем, оснований), что «едва ли не большинство видов риторского письма (а следовательно и «простой» литореей) вполне или отчасти заимствовано славянами от греков».[2] С другой стороны, ни одного примера греческой криптографии более или менее сходного с нашей «простой» литореей мы до сих пор не нашли.[3] Да и нужно ли в данном случае предполагать непременно заимствование, чужой образец? Условная замена одних букв другими, какую мы видим в «простой» литорее, — настолько простой способ «затаения», что придти к нему можно было и непосредственно и независимо от готового образца. Косвенно в пользу такого предположения говорит то, что способ условной замены одних букв другими встречается с весьма раннего времени на Востоке, где, конечно, не зависит от греческого.[4] С другой стороны, в пользу русского изобретения этого способа в славянской письменности говорит и то, что «простая» литорея у югославян (где в виду греческого влияния во всех сферах жизни она, будь она греческого про-

[1] А. Карпов, Азбуковники, Казань, 1878, стр. 59—60 прим. В сборнике 1640 г. Рум. Музея № 369 целые страницы исписаны этой «простой» литореей (см. хотя бы л. 644). Та же литорея часто встречается и в других рукописях Рум. Муз.: см. №№ 96, 182, 331, 451 и др.

[2] Палеография, стр. 110.

[3] Ср. V. Gardthausen, Griechische Paläographie, Leipz. 1879, S. 231 fg.

[4] Ср. Др. Костић, Тајно писаhе, стр. 28, со ссылкой на Al. Meister'a, Die Anfange der modernen diplomatischen Geheimschrift.

исхождения, явилась бы раньше и оттуда, как обычно, могла бы проникнуть на Русь) происхождения как раз русского, притом довольно позднего (XVI—XVII вв., когда мы видим и в других случаях русское влияние на юге славянства).[1]

Вариантами и в то же время некоторым осложнением «простой» литореи являются ее видоизменения, известные при том под различными наименованиями: азбуки «Синадской», «Азадской», «Меѳодской», «Метафрястской». Судя по нескольким ключам таких азбук,[2] сохранившихся в рукописях, здесь мы имеем дело также лишь с буквами для согласных звуков, также располагаемыми в два ряда и взаимно заменяющими друг друга; разница от «простой» литореи заключается в том, что порядок букв нижнего ряда иной: более произвольный,[3] или же начинается не с *щ* и не идет справа налево, а начинается с какой-либо другой буквы алфавита, а затем уже присоединяются опущенные первые буквы; кроме того, иногда буквы второго ряда меняются местами в своей обычной в азбуке последовательности или берутся попарно. Таких разных тайнописных азбук встретилось довольно много, часто по нескольку вместе в одной и той же рукописи; так, в рукоп. б. Уварова (в Истор. Музее (№ 5) 1873), XVII в. на л. 304 об.—«Слогъ о языцѣхъ», где дано пять таких азбук, в числе их и «простая» «Риторіа»;[4] в рукоп. же XVI в. б. Патр. библ. № 993, л. 607 об.—«Бꙋквица риторйска», где дано десять подобных азбук, в числе их и «простая» литорея;[5] в рукоп. Истор. Музея, того же времени, № 2173, на л. I—также десять азбук, те же, что в Патр. рукоп. № 993; в той же рукоп. на л. II об.—еще шесть азбук.[6] Приводим эти азбуки, исключив обычную «простую» литорею.

Слог о языцѣх.

Синадской	б в г д ж з к л м н
	ц щ ф т ч р п х с ш

[1] Ср. Др. Костић, ук. соч., стр. 27.

[2] Применения их к записям мне пока не встретилось.

[3] Такой случай, повидимому, имел ввиду А. Х. Востоков в одной из Псалтирей Гос. Публ. Библ. (см. Филологические наблюдения, стр. 131).

[4] Изд. у арх. Леонида, Описание рукописей А. С. Уварова, IV, стр. 223, также у А. И. Соболевского, Палеография, стр. 110.

[5] Первые шесть азбук этой «Буквицы» находятся также в рукоп. Забелина (Истор. Музей) № 733 (XVII в.), л. 477 об.

[6] Среди рукописей А. С. Уварова (Истор. Музей) есть Святцы с пасхалией XVII в. (№ 530 по Строевскому каталогу рукоп. Царского), где в конце приложены 18 азбук, большею частью типа литореи; рукопись писана в Казани (см. Каталог Строева, стр. 619).

Азадской...........	б в г д ж з к л м н
	ф ч с р ш щ ц т п х
Мефодской	б в г д ж з к л м н
	ш т ц ч ф х р п т с
Метафрятской	б в г д ж з к л м н
	т ш х ч р п с щ ц ф

Бѹквица риториска.

1 — б в г д ж з к л м н
ф х ц ч ш щ п р с т

2 — б в г д ж з к л м н
п р с т ф х р ч ш щ

3 — б в г д ж з к л м н
р с т ф х р ч ш щ п

4 — б в г д ж з к л м н
с т ф х р ч ш щ п р

5 — б в г д ж з к л м н
т ф х с р п ш щ ч ц

6 — б в г д ж з к л м н
ш щ п р с т ф х ц ч

8[1]— б в г д ж з к л м н
ч ц х ф т с р п ш щ

9 — б в г д ж з к л м н
ц ч ш щ п р с т ф х

10 — б в г д ж з к л м н
х ф п р с т щ ш ч ц

Азбука Истор. Музея № 2173.

3[2]— щ ш ч ц х б в г д ж
п р с т ф н м л к з

4 — б г ж к м щ ч х т р
в д з л н ш ц ф с п

5 — б в г д ж з к л м н
ш щ ц ч ф х с т п р

6 — б в г д ж з к д м н
р п т с х ф ч ц щ ш

Таким образом, имеем еще 17 разных азбук.[3] Все они, повидимому, позднего происхождения (все рукописи, их содержащие, не старше XVII в.) и должны, кажется, быть рассматриваемы, как дальнейшее развитие, искусственное осложнение «простой» литореи.

Нечто иное, притом гораздо более сложное, на первый взгляд, представляет тайнопись «в квадратах». Сохранившаяся в виде ключа во многих рукописях, преимущественно грамматического содержания, большею частию XVII в. и не раз изданная,[4] она представляет следующее. Обычно вслед

[1] № 7 — «простая» литорея. В № 2, 3, 4, ясно, вм. второго *р* следует *ч*.

[2] № 1 — «простая» литорея; № 2 = № 2 рукоп. Патр. № 993.

[3] Еще одна схема (*б — к, в — м, г — л* и т. д.) нашлась в числе трех вместе в рукоп. Барс. (Истор. Муз.) 1531 (XVII в.) л. 17.

[4] Из рукописей можно указать: 1) Чудова мон. (б. Патр. библ., № 34/236), л. 139; 2) рукоп. собр. Богданова (Гос. Публ. Библ.) № 119; 3) б. Моск. Дух. Акад. № 113; 4) б. Патр.

за так наз. «Лаодикийским посланием» помещены таблицы, состоящие из 40 квадратов; в каждом квадрате — некоторые грамматические термины и по две, реже, по три буквы: одна (обычно левая) киноварью, другая чернилами; сбоку или перед таблицами большею частию — примечание, объясняющее смысл этих букв в таблицах: «а черныя слова риторъ, а починается четвертымъ словомъ и столповому слову се пристоитъ, историкъ черные слова сущее знаменіе столпомъ различия душа сила и плоть и столпъ».[1] Не приводя целиком всех этих таблиц, как уже изданных,[2] ограничимся примером первых четырех букв.

Начальное имя человѣкъ. приклад, слово. царь. апострофъ. закрытая варія ”А’͡` ψ душа. сила женскому имени свершеніе.	Начало столпомъ. отрикаль. варіа ’Б̄` ѯ плоть сила
Столпъ. число. кендема варіа В" Ч плоть сила	Столпъ. число. отрикаль титла, варія ’Г̄` А плоть сила

Оставляя в стороне грамматико-орфографические термины, как не имеющие отношения к тайнописи,[3] приняв в соображение приведенное

библ. № 443, л. 12—13; 5) Моск. Типограф. библ. № 27/1028, л. 126; 6) Той же библ. № 28/1031, л. 1; 7) собр. Н. С. Тихонравова (Рум. Музея) № 380; см. у И. В. Ягича, Рассуждения славянской старины..., стр. 1002; 8) Того же собр. № 339; 9) б. Рум. Музея № 2; 10) Рукоп. Ундольск. (Рум. Музея) № 950; 11) Его же № 53; 12) Соловецк. библ. № 16, и мн. др. Из изданий отметим: А. Х. Востоков, Описание рукоп. Рум. Музея, стр. 4; И. В. Ягич, Рассуждение славянск. старины..., стр. 704 — 707; А. Карпов, Азбуковники, стр. 54—59; А. И. Соболевский, Палеография, стр. 111—112.

[1] По А. Карпову, см. стр. 54.

[2] См. А. Х. Востоков, ук. соч., стр. 4, или у А. Карпова, ук. соч., стр. 55—58.

[3] Смысл их таков: «а» начинает собою имя: «человѣкъ» (ср. греч. ἄνθρωπος), оно же оканчивает собою имена женского рода; оно — «прикладъ» — «душа», т. е. гласная; на ней

выше примечание к таблице о значении черных и красных букв, а также то, что тайнопись «начинается четвертым словом», получаем правило и систему всей тайнописи: 1) красные буквы ключа («плоть») — обычное письмо, черные («сила») — риторское; 2) риторская азбука начинается так же, как и простая, с *а*, но *а* риторское соответствует четвертой букве азбуки обычной, т. е. *г*, как мы и находим в таблице; 3) поэтому для тайнописной передачи обычных *а* и *б* пришлось взять «сложеное бывшее число»: ѯ и ѱ, а для обычного *в* — ч, которое обозначает в тайнописи, кроме того, и обычное *г*; пришлось для тайнописных *ы* и *у* взять один общий знак ѿ, которое в тайнописи само заменяет *ш*. Таким образом, проще изображенный ключ этой тайнописи может быть представлен так:

обычные:	а б в г д е ж ѕ з и і к
риторские:	ѱ ѯ ч а б в г д е ж ѕ з
обычные:	л м н о п р с т у ф х ѿ
риторские:	и і к л м н о п р с т у
обычные:	ц ч ш щ ъ ы ь ѣ ѿ ю ѫ я
риторские:	ф х ѿ ц ч ш щ ъ ы ѣ ю ѫ[1]

В результате, эта тайнопись, ясно, сложнее «простой» литореи и ее вариантов, приведенных выше: она ввела замену не только согласных, но и гласных. Применяя эту тайнопись, мы должны были бы, напр., слово «Господь» написать: Аломлбщ. Единственный пока, мне известный, пример употребления на практике этой литореи «в квадратах» находится в рукоп. Библ. Ак. Наук (сигн. 24. 4. 28, л. 477 об.) из собр. И. И. Срезневского (роскошная рукоп., полууст. XVI в., Библейские книги), где писец — Матвей Десятый — в послесловии скрыл себя под тремя разными видами тайнописи,[2] в том числе и такой, к которой ключ дает литорея «в квадратах»; свое имя и прозвище он написал так: пръ́вомоу и҆мѧ, іѱпсвж: а послѣ҃ни҃ числѡ҃ и҆мѧ. поре́кло. бвоѣпшж».

могут быть значки: апостофъ ’, варіѧ `, закрытлѧ ˆ. «Слово царь» — начальная буква азбуки — *а*; в рукоп. Патр. № 933 она называется «животворным и царем» (л. 608). Буква б — «начало столпомъ», т. е. первая по счету согласная; «столпъ»: бывает под титлом ˜, с вариею: `; *в* — «столпъ» (согласная) — обозначает число, бывает с кендемой ˵ и т. д. Надо заметить что эти термины не вполне ясны. См. А. И. Соболевский, Палеография, стр. 111; А. Карпов, Азбуковники, стр. 59.

[1] Ср. ключ у А. Карпова, ук. соч., стр. 59.

[2] Так наз. «цифровой описательной», среди петель сложной вязи — монокондила к нашей.

Что касается происхождения этой системы тайнописи, то точно так же, как и для «простой» литореи, прототипа греческого мы для нее не находим, что позволяет предположительно и ее считать возникшей на русской почве; составитель ее, вероятно, знаток современной ему грамматики и орфографии, живший в Московской Руси,[1] не был чужд некоторых познаний в греческом языке; на эту мысль наводит сделанное им обозначение *а* — «человѣкъ», т. е. ἄνθρωπος, иначе — указание, что первой буквой этого слова начинается алфавит, именно, греческий. Нет данных предполагать и юго-славянское происхождение литореи «в квадратах»: единственный до сих пор известный юго-славянский пример тайнописи, сходной с нашей, — поздний (1740 г.) и предполагает происхождение обратное — переход с Руси на юг славянства.[2]

V.

Счетная, или «цифирная», система тайнописи, основанная на употреблении букв в качестве цифр и на различных арифметических действиях с ними, представляется довольно распространенной в русской письменности и при том с довольно раннего времени. В этого рода тайнописи мы имеем несколько разновидностей, образцы коих находим в русских рукописях: а) простую цифровую систему, б) цифровую сложную, в) описательную, г) систему особенного применения арабских цифр, д) значковую, т. е. с особыми значками для обозначения цифр-букв.

Простая цифровая тайнопись состоит обычно в том, что для каждой цифры-буквы, соответствующей желательной в обычном письме букве, дается два или несколько, большею частию одинаковых, слагаемых: таким образом, чтобы получить нужную букву, необходимо произвести сложение, и сумма, изображенная соответствующей цифрой-буквой, и будет искомой буквой; реже сумма слагается из различных цифр-букв, при чем каждая группа цифр-слагаемых отделяется каким либо знаком (обычно точкой или запятой) или просто местом от соседних. Буквы, не имеющие цифрового значения, остаются, разумеется, неизменными в тексте тайнописи.

---

[1] А. И. Соболевский (Палеография, стр. 111) временем его жизни предполагает время от XV в. до XVII в., но не указывает случаев применения этой тайнописи или ее ключа в столь раннее время, как XV в., хотя бы и конец века. Наличные мне известные тексты таблиц раньше XVI в. не восходят; «Лаодикийское» же «послание», действительно, может относиться к XV в., как связанное с именем Федора Курицина и м. б. через него с литореей «в квадратах».

[2] Др. Костић, Тајно писање, стр. 28—29.

Такой вид тайнописи относительно рано может быть констатирован в русской письменности. Старший ее образчик находится в известном псковском Апостоле 1307 г. (б. Патр. библ. в Москве № 722, по Горскому-Невоструеву № 45): запись современна написанию рукописи;[1] здесь же она поясняется тайнописью другой системы (анаграмма). После знаменитого места о княжеских усобицах, сходного с цитатой из Слова о полку Игореве, читаем: «а ѱл҃ъ.в҃.в҃. н҃к.кк.дд.вв.ъ рекше.дв҃дъ.ȏрганъ. мысль.ȉстина...».[2] Произведя сложение попарно стоящих цифр (2+2=4, 50+20=70, 20+20=40, 4+4=8, 2+2=4) получим: д҃ о҃ м҃ и҃ д҃, т. е. имя «Домидъ», что соответствует и начальным словам следующей далее криптограммы анаграммой: «Доми(дъ)». К тому же XIV в. (1355 г.) относится также запись на новгородском Евангелии той же Патр. библ. № 70 (Горск.-Невостр. № 24), на л. 176 об.:

В лѣт. ҂ѕ҃.ѿ҃.ѯг҃. написано бы҃с
ѥ҆оуан҃глиѥ҆ се повелѣви
ѥ҆мь бо҃любиваго а҆рхи
ѥ҆п҃спа новгородского мои҆
сѣн҆. а҆ рукою многогрѣшь
ны҃х. к҃і.г҃в.ѡ҃.к҃л.д҃д.в҃в.а҃ (А)
е҃е.в҃а.н҃и.д҃д.в҃в.м҃л.н҃н.ь.ꙗ ·:·
аще будемь грубо написа
ли.или кде переступилѣ.
или въ гл҃ании с другомъ.
или въ дрѣмании. а҆ вы
прп҃обнии ѡ҃ци игуме
ны и҆ попове собою испра
вꙗче чтите. а҆ насъ грѣ
шныхъ не поклѥнѣте
б҃а дѣлꙗ. зане же ѥсть
зла сщ҃ничьскаꙗ клꙗ
тва.а добро ѥсть бл҃гние
а.кк дд лк ъ.і҃і.в҃ав.н҃н ь (Б)
гв.ік ѣ.дд.р҃р.а.лнъ.

Тайнописи читаются, следовательно, так: А) 20+10=30 (л), 3+2=5 (е), 800 (ѡ), 20+30=50 (н), 4+4=8 (и), 2+2=4 (д), 1 (а), 5+5=10 (і), 2+1=3 (г), 50+50=100 (р), 4+4=8 (и), 2+2=4 (д) (в҃а=2+1=г?), 40+30=70 (о), 50+50=100 (р), ь, ꙗ=Леѡнида і Грид(г?)орьꙗ; Б) 1 (а), 20+20=40 (м), 4+4=8 (и), 30+20=50 (н), ъ; 10+10=20 (к), 2+1+2=5 (е), 50+50=100 (р), ь, 3+2=5 (е), 10+20=30 (л), ѣ, 4+4=8 (и), 100+100=200 (с), 1 (а), 30+50=80 (л҃к=н?) (п)ъ=аминъ. керьелѣисап(=н?)ъ.

Выше на л. 153 об. находим: «а҃.к҃к.д҃д.л҃к.ъ҃,» т. е. 1+40+8+50+ъ=аминъ. То же слово: «а.кк҃и.лк.ь»=ами҃нь, находим в упомянутой

[1] Описание рукописей Моск. Синод. библ., I, 1, стр. 292—293.
[2] Дальнейшего вследствие порчи листа теперь прочесть нельзя.

выше (стр. 78) Смоленской Псалтири 1395 г. в конце текста перед послесловием писца.[1]

Для XV в. хороший образец дает послесловие Служебной минеи 1425 г., писанной во Пскове, в рукоп. б. Патр. библ. в Москве (№ 173), на пергамене: послесловие это, после подробного указания на время и на заказчика, сообщает: «а писалъ книгы си многогрѣшнъій рабъ б҃ии і дг҃.к̇к̇ а҃ и҃ кі҃ о = и + 7 + 40 + 1 + 8 + 30 + о», т. е. «измаило».[2]

Для XVI в. недурной образчик представляет в рукоп. П. Н. Никифорова (Ист. Муз.) № 3803, упомянутой выше, (стр. 101) запись Ивана Горюшкина. В той же рукописи есть (л. 160) и еще запись этой цифирной тайнописью:

к̇л̇ е.к̇к̇.к̇л̇ о.в̇а̇ о в̇в̇ а к̇к̇ ꙋ в̇в̇ н̇н̇ о
кі т҃ с̇р̇ а҃ дг҃.с̇р̇ ы҃ р̇р̇ ѧ҃ щ҃.н̇н̇.р̇р̇ е
в̇в̇ к̇к̇ а҃ в̇а̇ о҃.р̇р о҃ а̇а̇ е҃.н̇н̇ ъ҃ ш҃ е҃
л̇к̇а҃ бы҃ р̇р̇ с̇р ъ҃.іі к̇л̇ и҃ ва̇ а҃ р̇р̇ ї а̇
в̇в̇ т҃ ѧ҃ к̇н їа҃ а̇ м̇м о҃ р̇р̇ с̇р̇ о҃ к̇і ь
р̇р̇ іі и҃ е҃.с̇р̇ о҃ к̇і іі о҃ а̇а̇ ы҃ е́
а̇ к̇к̇ и҃ л̇к̇ ь҃
м̇м и҃ р̇р̇ а҃ кі ъ҃.а̇а̇ с҃ ш҃ е҃ а̇а̇ л̇к̇ е҃ а̇а̇ т҃
к̇к̇ о҃ л̇к̇ а҃ р̇р̇ ы҃ н̇н̇ ѣ.

т. е.: не много да мꙋдро | лѣта з҃ тысѧщ. р҃ се|дмаго[3] соверъше|на бысть книга сіа | деѧніа[4] апостоль|ские толковые́. | аминь | писалъ в ошевневѣ | монас(т)ырѣ.[5]

Писец, видимо, несколько разнообразил приемы: вместо того, чтобы покрывать титлом (как общепринято) буквы-цифры, подлежащие складыванию, отмечал их точками над ними, а буквы (в одиночку, они же частию — цифры) он, наоборот, покрывал титлами; ясно, что одиночные буквы он не считал имеющими и цифровое значение. Ко времени более раннему относится послесловие в «Лествице» Истор. Муз. № 920—1545 года: она

[1] См. Древности, Труды Моск. Арх. Общ., XXI, 1, табл. XIV.

[2] Позднее в строку приписано: ар҃н, т. е. ам҃н (простой литореей). Для XV в. (1456 г.) можно указать и на запись в упомянутом не раз Прологе Гос. Публ. Библ. 1431—1434 гг., о которой ниже. В сборнике нач. XVI в. Кирилло-Белозерск. мон. (б. СПб. Дух. Акад.) № 21—1098 находим также цифровую запись, читающуюся так: «Книга съборникъ крылошанина Боголѣпа» (см. И. В. Ягич, Рассуждения славянской и русской старины . . ., стр. 987).

[3] 7107 = 1599 н. э.

[4] В рукоп. ошибка: кн (70) вм. кл (50).

[5] Т. е. в Александро-Ошевенском монастыре (Олонецк. губ.).

писана «рȣкою многогрѣхопаденнаго мниха а̄а а р̄р д̄д к̄і ѩ в лѣ̆ ҂з̄.н̄г. кр̑ȣ (с). к̄е. а лȣ̑», т. е. Василѩ.[1]

Тот же почти вид сохраняет эта система и позднее; так, в Хронографе б. Рум. Муз. (принадлежавшем А. Н. Попову) № 2400, писанном, вероятно, в Сольвычегодске, по лл. 18—33 внизу читаем: «м̄.м̄.о̄.м̄.м̄.а̄.к̄іȣ.і̄г̄ ӣ.га.м̄.л̄.кк.д̄а.лк.с̄р.д̄ѕ.а̄.лк.мл.а̄а.а̄.р̄р.л̄к.а.к̄і ааа.нн.г̄в.л̄к.ср. д̄д.е̄.а̄а.ы тг̆.ъ̆.ӑ.мм̆.дд̆.рр.ӑ.кі̆.ъ̆.рр̆.еӗ.ю.іі.л̆к.дд̆.вӑ.ȣ̆.а̊ ж.гв̆. мм̆.мл̆.мм̆ъ кі̆.ȣ̆.іі̆.а рр.аӑ.мл.ӗ.ю̆.нн̆.ȣ̆.іі̆.мі̆ лѣта з̄р̄н̄д̄» = попа лȣки доментіанова с̄на лаврентиевыхъ, а писалъ сію книгȣ я же попъ лȣка своею рȣко(ю) лѣта ҂з̄р̄нд (7154—1646).[2]

Небольшое, правда, только внешнее, видоизменение этой системы находим в Прописи б. Рум. Муз. 1643 г., № 326:[3] рррр.ааааа.аааа. о.ііііііііі ъ, т. е. «Федоръ». Писавший предпочел разлагать данные для буквы числа на одинаковые слагаемые: единицы, десятки и сотни.

Опять некоторую особенность представляет также запись 1456 г. в Прологе Гос. Публ. Библ. 1431—1434 гг. (см. выше, стр. 68): «а в сеи книзе тетратеи аа̄а. ааада̄в.д̄ва.г̄аа ѯааааѕее л̄ рс̄нм.ь. к̄і.дд̄ рѯм.ррр.мк̄і.а̄а.ъ».[4] Если мы будем читать запись по обычному способу цифровой тайнописи, то получим бессмыслицу; на деле же здесь в этой части записи применен своеобразный смешанный, если его можно так назвать, «словесно-цифровой» способ: аа̄а = 1 + 1 + 1 = 3 и дают слово: «три»; ааада̄в = 1+1+1+4+1+2 = 10 и дают слово: «десять», д̄ва = 4+2+1 = 7 и дают слово: «семь». Таким образом получим в целом чтение: «тридесять-семь»; далее идет по обычному цифровому: «да пять листовъ».[5]

Наконец, можно отметить случай «ложной» числовой системы в рукоп. б. Забелина (Истор. Муз.) № 540, XVII в., л. 266 об.: написавши по про-

---

[1] Вот еще несколько случаев применения той же системы в XVI в.: Рум. Музея № 87: преподобномоу Ѡцоу анътонию (см. А. Х. Востоков, Опис. рукоп. Рум. Музея, стр. 154—155); в Евангелии 1519 г. Истор. Муз. № 397 — запись, приведенная выше (стр. 101); подобной же системой писано: «помни(ȣ)и мѧ.... к̄е к̄е мои» в рукоп. Гос. Публ. Библ. № 1594 (из собр. Погодина), XVI в., л. 10 об., с задорной заметкой: «аще ктѡ сиа словеса изъумеет, тѡ правый философ будет, аще кто не умеет сих словес, несть ему называти(сѧ) философом» (см. А. Ф. Бычков, Описание сборников И. Публ. Библ. (1882), стр. 243).

[2] Запись издана у А. Н. Попова, Обзор хронографов русск. ред., II, 173. Подобную же систему видим и в записи «Сергіѧ Самсонова» в Обиходе церковном XVII в. в рукоп. Нежинского Института (см. М. Сперанский, Описание рукоп. Нежинск. Инстит., М. 1900, стр. 20).

[3] А. Х. Востоков, Описание рукоп. Рум. Музея, стр. 462.

[4] Напечатана впервые И. П. Кеппеном, Список русских памятников, М. 1822, стр. 144; перепечатывалась не раз, напр., см. П. А. Лавровского, Старо-русское тайнописание, стр. 44.

[5] По тексту: «пѧтчь», очевидно, ошибкой.

стой литорее «аринь», писец пожелал пояснить это при помощи цифровой системы: «или бо единъ (т. е. а҃) да м҃ (т. е. 40), да и҃ (т. е. 8), да н҃ (т. е. 50), да в то число ь, ібо аминь».

Из этого перечня примеров мы вправе предположить, что простая цифирная система, основанная на сумме двух или (реже) нескольких слагаемых, была популярна довольно долгое время — с XIV в. по XVII в., по крайней мере;[1] была она популярна едва ли многим менее, нежели простая литорея. Система эта довольно рано появляется и у южных славян,[2] но все же, кажется, позднее, нежели у русских, и возможно поэтому предположение, если не о проникновении этого способа тайнописи на славянский юг из России (в чем ничего невероятного нет), то о влиянии русских, на Руси развившихся систем этой тайнописи на цифровую тайнопись у югославян.[3]

Самое появление этой цифровой тайнописи, на Руси ли (что вероятно), на юге ли славянства, должно быть, повидимому, поставлено в зависимость от аналогичной системы в Византии, где, по указаниям К. Вессели и еписк. Порфирия (Успенского), мы встречаемся с такой же системой — давать необходимую букву-цифру в виде слагаемых (также двух или парных) — уже в XII—XIII вв., хотя там, как будто, эта система большой популярности не достигла.[4]

Цифровой *сложной* тайнописью мы условно можем назвать такую, где принцип замены обычных букв тайными основан не только на их цифровом значении, но и отношениях этих цифр-букв между собою. Такого рода тайнопись была очень развита и распространена на юге славянства

---

[1] Поздние случаи применения цифровой тайнописи (но уже без сложения и арабскими цифрами) встречаем в XVIII в. и даже XIX в. какова в рукоп. Тверск. Муз. № 3136 заметка, писанная «своеручно» тверским посадским Александром Никитиным в 1794 г.: статья о ересях им выписана 10 200 80 70 300 100 5 6 50 і 20 1 = «іс потребніка» (М. Н. Сперанский, Описание рукоп. Тверск. Муз. (М. 1891), стр. 163). Подобное же в рукоп. б. Забелина (Истор. Муз.) № 467 (Сборн. XVII — XVIII в.), 24 об.: 80 1 4 5 50 10 5 900 1 100 200 300 2 1 7 40 1 8 30 70 2 1. Итого 1828 = паденіе царства змаилова; или в № 566 того же собрания (сборн. XVIII—XIX вв.), л. 71 об.: 200 8 40 е 70 50 ъ 8 2 1 40 70 2 ъ = Сѵмеонъ Ивановъ. Впрочем, и в XVIII в. встречаются записи по старой схеме; такова, напр., запись: «Старцꙋ Филаретꙋ и братꙋ его Маѯимꙋ» в рукоп. Гос. Публ. Библ., Q. I. № 1160 (из Буслаевских), л. 344, интересная и потому, что стремится дать не *два*, а более слагаемых для отдельных букв: для с — нннн, т — нпрр, ц — ррстс, м — кіі и т. д.

[2] Подробнее см. у Др. Костић, Тајно писање, стр. 31—34; ср. выше, стр. 21—22.

[3] Такого мнения держится и Др. Костић, ук. соч., стр. 34.

[4] К. Вессели известен только один случай, Порфирию — также один, Гардтхаузен вовсе этого способа в своей «Палеографии» не отмечает. Подробнее см. у Костића, ук. соч., прим. к стр. 34.

с довольно раннего времени (см. выше, стр. 31), где зачатки ее восходят к аналогичным греческим системам. У нас же, наоборот, повидимому, этого рода тайнопись известна была мало: единственный, до сих пор известный случай ее применения — надпись на Звенигородском колоколе, именно: *шестая*, прочитанная в свое время А. И. Ермолаевым и сохраненная также в современном (XVII в.) чтении.[1] Некоторое объяснение ее системе, хотя и не полное, дал И. И. Срезневский (Замечания о русском тайнописании, стр. 7—8), наиболее же удовлетворительное разъяснение предложено было недавно д-ром Драгутином Костиђем (Тајно писање у споменицима српским).[2] Звенигородская надпись представляет следующее:[3]

I) п к н г п в а л з п п р н и з м з$^{2}_{2}$ ѕ е а
и в е л и к а г о и п р е п о д о б н а
II) л з ˏп ˏч а е а ш н л з к а к ы ц ̆ м з г ѕ к з
г о ѡ ц а н а ш е г о с а в ы ч ȣ д о т в о
III) р ц а ц і з к ъ о к н е п л з р з м н е а
р ц а ч т о в ъ з в е н и г о р о д е н а
IV) р п ч а н д ы п к і з р з х н к ˏк п п
р и ц а е м ы и с т о р о ж е вс к и и

И. И. Срезневский, а за ним и Др. Костиђ, в основе ключа полагают обычную азбуку, поделенную на два (Срезневский) или три (Костиђ) ряда: в — и, к — п, с — ѡ, т. е.:

[а]	в	г	д	е	ж	з	и	[ѳ]
[і]	к	л	м	н	(ѯ)	о	п	[ч]
[р]	с	т	(ȣ)	(ф)	х	(ѱ)	ѡ	[ц]

Не вошедшие в эту схему: *а, і, р,* ѳ, *ч, ц,* получат свое место в ней, если принять их числовое значение, т. е. 1, 10, 100 и 9, 90, 900; и по месту их в алфавите: *а,* ѳ, *і, р, ц,* придутся там, где им и следует быть; оставшееся место, естественно, займет *ч:* оно будет ему принадлежать и по числовому значению, потому что основой деления алфавита на три части положено десятичное отношение букв-цифр, т. е.:

[1]	2	3	4	5	(6)[4]	7	8	[9]
[10]	20	30	40	50	(60)	70	80	[90]
[100]	200	300	(400)	(500)	600	(700)	800	[900]

[1] См. выше стр. 96 и рисунок 63, последние две строки.

[2] Глас Српске Кр. Академије, LIII (1898), стр. 152—155.

[3] Приводится с транскрипцией по Срезневскому и Костиђу: в верхней строке надпись, в нижней — ее раскрытие.

[4] *ж* взято вм. ѕ, которое при наличии *з* получило иное значение.

Основным правилом для замены по этой трехрядной системе будет: если обычная буква по числовому значению меньше десяти: напр., *г* = 3, она множится на десять, вместо *г* берется 30, и числовой знак его *л* ставится вместо обычного *г*; если за этой, меньшей десяти, буквой стоит знак ѕ, то это обозначает, что ее надо умножить на сто: таким образом *г*ѕ=300=*т*. Если же обычная буква по ее цифровому значению больше десяти, но меньше ста, надо ее разделить на 10 и частное передать соответствующей буквой: *л* = 30 : 10 = *г* (= 3); а если при тайной букве стоит значек ͵, надо помножить ее на 10, чтобы получить явную; так: ͵*п* = 80 × 10 = 800 = ѡ, ͵*к* = 20 × 10 = 200 = *с*, ͵*ч* = 90 × 10 = 900 = *ц*. Наконец, для букв по численному значению больших ста, надо цифру делить на 10 (или, может быть, на 100?), т. е.: *ц* обычное = 900 : 10 = тайному *ч*. Буквы, не имеющие числового значения (*ш, щ, ы*), а также *а* и *р* остаются без замены. Эта остроумно вскрытая Др. Костићем система не только удовлетворительно раскрывает Звенигородскую тайнопись, но дает также возможность внести поправки в надпись: значек ѕ при *б*, числового значения не имеющем, не мыслим;[1] *ц* не может равнятся тайному *ц*, а *н* (как в слове «нарицаемый» и находим) тайнописное не может заменять обычного *т* (300); вместо него должно стоять *г*ѕ, т. е. 3 × 100 = *т*.

Образцом этой русской тайнописи следует признать, вероятно, греческую, которая нам известна с тем же принципом умножения на 10 и на 100, хотя по внешности она и разнится от русской.[2] Допустить же знакомство составителя тайнописи на Звенигородском колоколе с греческой системой или с югославянской, восходящей к греческой же,—вещь, вполне возможная для второй половины XVII в.

Описательная цифровая система «заключается в употреблении уже не цифирных букв, а прямо числительных *слов* и притом с тем разнообразием, какое обнаруживается различием грамматического разряда этих слов: иногда употребляются числительные количественные, иногда — порядковые, иногда же образованные от числительных существительные».[3] К этой характеристике «описательной» цифровой системы следует добавить в качестве частностей внешней формы: 1) иногда, сверх того, указывается число букв в затаенном слове, при чем иногда отмечается, сколько из них гласных

---

[1] Поэтому для него взят фантастический знак $\frac{2}{2}$.

[2] Gardthausen, Griechische Paläographie, S. 288; образец из рукоп. XVI в.

[3] Определение П. А. Лавровского (Старорусское тайнописание — Древности, Труды Моск. Арх. Общ., III, 1, стр. 46.

и сколько согласных, и 2) дается сумма букв-цифр этого слова. Осложнение и разнообразие этой описательной системы достигалось употреблением различных ее вариантов в одной и той же записи в комбинациях, зависевших от вкуса и искусства составителя; иногда самый текст облекался в причудливую форму басни или притчи, так что в общем этот «описательный» вид скорее являлся не тайнописью в узком смысле этого термина, а загадкой или шарадой, часто искусно скомбинированной и представляющей не мало трудностей для отгадки, особенно если здесь дано место личному вкусу или произволу писавшего.

1. В качестве образца *первой* разновидности (письма посредством числительных количественных) может служить известное послесловие к «Лаодикийскому посланию», довольно часто находимое в рукописях:[1] ”Аще кто хоще^{т} оўвѣдати ïмѧ преве^{л}шаго ладïакïское посла^{н}ïе. Два́щи четыре со ѐдïне^{м}. и два́щи двà со ѐдïни^{м}. Се^{д}мьдесѧ^{т} по десѧтѝ, и десѧ́тïю по десѧтѝ ца́рь. два́щи два̏. ï̓ ше́стьа по десѧтѝ со ѐдиною десѧтïю. десѧ́тïа по пѧтѝ, ѝ пѧ́тïа по десѧтѝ. ѐръ скончевае^{т}. "У (А?) ѿ род8 же прозыва́етсѧ. десѧ^{т}, и два́щи по пѧтï. тритца^{т}ѧ по д^{е}сѧти. ï̓ два́щи по пѧ^{т}̏десѧ^{т}. девѧ^{т}а по десѧтѝ ѝ два́щи по пѧтѝ. и два́щи трì з двѣма. осмъдесѧ^{т}а по десѧтѝ ѝ д^{е}вѧтьа по девѧ^{т}̏. ï̓ два́щи де́вѧ^{т} со ѐдïны^{м}. Трì два́щи со дв^{ѣ}ма, четы́ре по пѧтï. ’И пѧ́тïа по четыре. со ѐдïною десѧтïю. соверша́е^{т}сѧ ѐро^{м}. Четы́ре сто^{л}пы̀ ѝ четы́ре прикла́ды. ѿ дѣиства же. трищи со ѐдïны^{м} ï̓ два́щи четы́ре ï̓ ѐдïнъ. трïщы пѧ^{т} и два́щи два̏ со ѐдïны^{м}. Наверша́е^{т} ѐро^{м}. Двѣ плѡти ï̓ двѣ д҃ши ï̓ самодерже^{ц}. во ѝно времѧ ï̓ оживле́нïе творïт. В сем же ïмѧни словъ се^{д}мерïца. ц҃рь ï̓ трѝ пло́ти ѝ трѝ д8шы.

Производя указанные в записи арифметические действия, получим: $4\times2+1=9=\theta$; $2\times2+1=5=е$; $70\times10+10\times10=800=\omega$; $2\times2=4=д$; $6\times10+10=70=о$; $10\times5+10\times5=100=р$; ъ, т. е. Ѳеѡдоръ (имя переводчика); действительно, в имени семь букв: три гласных («души»), три согласных («плоти») и ъ («царь»).

«От роду же»: $10+2\times5=20=к$; $30\times10+2\times50=400=у$; $9\times10+2\times5=100=р$; $2\times3+2=8=и$; $80\times10+9\times9+2\times9+$

[1] Привожу его по старейшему из известных мне текстов Кирилло-Белозерского мон. № 21—1098 (б. СПб. Дух. Акад.) XVI в. (А. И. Соболевский, Палеография, стр. 112, относит к XV в.) по изданию И. В. Ягича (Рассуждения славянск. и русск. старины..., стр. 987—988). Подобные же тексты находятся: в рукоп. б. Патр. библ. № 443 (издан в Описании рукоп. Моск. Синод. библ., II, 2, стр. 320 и у П. А. Лавровского, Старорусское тайнописание, стр. 46), в рукоп. В. М. Ундольского (б. Рум. Музея) № 53, в рукоп. б. Чудова мон. (б. Патр. библ. — Истор. Муз.) № 34—236 (издано у Ягича, ук. соч., стр. 371—372), в рукоп. б. Уварова (Истор. Муз.) № 286 (по каталогу рукоп. Царского), б. Моск. Дух. Акад. № 75 и мн. др.

1=900=*ц*; 2×3+2=8=*и*; 4×5+5×4+10=50=*н*; *ъ*, т. е. Курицинъ; в нем, правильно, четыре гласных («столпы») (включая *ъ*) и четыре согласных («плоти»).

«Отъ дѣйства же» (по роду занятий): 3+1=4=*д*; 2×4=8=*и*; 1=*а*; 3×5+2×2+1=20=*к*; *ъ*, т. е. диакъ: двѣ гласных («души»), две согласных («плоти») и *ъ* («самодержец»).

Приведу еще два образца этого же варианта, облеченных в «литературную» внешнюю форму: 1) в рукоп. б. Забелина (Ист. Муз.) № 541, XVII в., л. 577:[1] «Многогрѣшною рукою ему^же^ им(а). три на едина восташа, триде(са^т^) же ко единому пришедше. съ един(у) же страну приидe шестьсотъ, з' другую же страну триста и осм(ь), с третiю седмьдеса^т^, с четве^р^т(ую) пятьдесятъ. и сташа вси несов(окупле)нiй бе^з^ совокуплениа. прише^д^ ж(е) ѐдинъ бе^з^численный і' виде ихъ несовокупленна і' совокупи во едино, и бысть ему имя». В результате получим: «Галахтионъ». 2) В рукоп. Выдубицкого мон. XVII в. в «Повести о некоей брани» скрыто имя ее автора под двоякой тайнописью, цифровой и простой литореей: «Аще восхощеши имя увѣдати писавшаго сія, се ти повѣдаю: пятерица полководцевъ и подъ нимп четыреста пѣшецъ и двѣстѣ конникъ, оруженосцевъ триста, крѣпкихъ же воинъ сто со единемъ силнымъ и паки триста и пятьнадесять оружниковъ. И всего въ семъ имени письменъ девять: еулкмакеи. Помилуй мя, Боже, по велицей милости твоей!» По той и другой системе тайнописи выходит «Еустратей».[2]

2. *Второй* вариант (числительные порядковые) может быть представлен сборником б. Рум. Муз. № 369 (1640 г.), где на л. 644 об. читаем: Аще хощ҃е увѣда^ти^ г҃дна кн҃ги сия, ты положи слово двусотное и ѿмое и пе^р^вое; к си^м^ же двадесятое и пе^т^десятое и ѿмое и тре^т^е е^ж^ и пе^р^вое; та^ж^ четыредесятое и ѿмое и шестисотное и пе^р^вое, десятое и тридесятое и пе^р^вое; еще^ж^ четвертое и четыредесятое и ѿмое и тре^х^со^т^ное^ж^ и со^т^ное и пятое^ж^ и ^в^торое^ж^ и ѿмое и девяностоа и пе^р^вое; по си^х^ же двадесятое и со^т^ное и пе^р^вое, та^д^ поло^ж^и слово и^ж^ стоп^т^ в а^з^букѣ ме^ж^ пе^р^в҃о и втора^г^ (третiа҃—?) слова, к сему же се^м^десятое и ^в^торое и первое словѡ». Эта — очень уж простая—тайнопись дает: «сиа книга Михаiла Дмитревича Крабова».[3] Ту же нехитрую систему найдем и в рукоп. б. Патр. библ. № 865

[1] Запись по краю оборвана.

[2] Взято из С. Ф. Платонова, Древнерусские повести о смутном времени (изд. 2, СПб. 1913), стр. 447 Здесь же замечено: «приложенная тут же к концу текста замысловатая криптограмма дает, сверх того, отчество: Стефанов». К сожалению, самая криптограмма не приведена.

[3] См. А. Х. Востоков, Описание рукоп. Рум. Музея, стр. 544.

(XVII в.): «Князь Семен Шаховской»,[1] и в рукоп. б. Погодина (Гос. Публ. Библ. (№ 1612) XVII в.) в рассказе о чуде Никиты Переяславского: «аще хощеши увѣдати имѧ игумену тоѧ обители, второе пеᵖвыᵐ начаᵗству, двоесотное сотнымъ (с осмымъ — ?) слага, ѧ съ пѧᵗдесѧᵗныᵐ, еромъ наврьшьшаеᵗсѧ». т. е. 2 + 1, 200 + 8, ѧ + 50, ъ: «Васиѧнъ»; он, действительно, и был игуменом во время совершения чуда при Иоанне Грозном.[2]

Несколько хитрее запись той же системы в комбинации с третьим варьянтом в рукоп. б. Моск. Дух. Акад. № 233 (XVII в., «Тропник» папы Иннокентия в переводе Ф. К. Гозвинского): «..... по виновному падежу въ четыренадесятномъ четыредесятое и въ первонадесятомъ десятое, сторица третицею сугубо съ первымъ, и паки въ десятомъ осмое и въ тридесятомъ тридесятое и первое, преведе сію книжицу...».[3] Получается имя «Міхаила», причем: если «въ десятомъ осмое» = *и*, то и «въ первонадесятомъ девятое» то же должно = *і*. Та же система с иными осложнениями дана в рукоп. собр. П. И. Щукина (Истор. Муз.) № 844 (Синодик в 16°, 1637 г.) л. 162 и сл.:[4] «Лия тпича чсачосерая липоцит панилапа щылкъ (простая литорея: Сия книга, глаголемая Синодик, написана бысть). Аще хощеши увѣдати, кто писал и на чьем имени сия книга или в которых годѣх, мѣсяцѣ и числе, то ти написую по аладикийскому посланию и по литоричному слогу. Егда лѣто течаше всемирнаго создания над лѣты седмыя тысящы, еже есть тридесятное и от безчисленых девяторичное слово троесотное со единымъ и седморичное число приложи к тысячному слогу, десят по десяти и десяторичное дващи два усугубити, и дващи два и единъ мѣсяца ашчулка (простая литорея: августа) первыя десятины числа. Се ти написах, в коем году мѣсяцѣ и числѣ, да разумѣи сия и иных научиши. — А се ти начертаю о имени писавшемъ сию книгу: десятое четверичнымъ слогом прилогай и по сих осморичное и стошестеро от согласных первое и осморичное прилогай к тридесятному числу, и последи навершает еромъ; в симъ имени четыря плоти, царь, двѣ души, число ж имать ХПО. — Ото отчества ж нарицается: дващи по пяти и два со единым. со пятидесяторичным числом и семдесятья по десяти и прочих два, ер скончаваемъ лыпъ (простая литорея: сынъ). — А во отечествѣ же двѣ полти и двѣ души, царь, а числъ имать РЛЕ. — А последи повѣмъ, которого града рожение и воспитание

[1] См. А. И. Соболевский, Палеография, стр. 112—113.

[2] См. А. Ф. Бычков, Описание сборников И. Публ. Библ. (1882), стр. 212.

[3] Полностью запись см. у А. И. Соболевского, Переводная литература Московской Руси (СПб. 1903), стр. 202.

[4] Привожу запись, раскрывши сокращения.

имѣя: десяторичное число очетверити и семидесяторичное приложити, по сих сто сугубое со двадесяторичным числом и прочих два и дващи по четырящы, десятья по десяти утрегубити со осморичным, и пятдесятницу наверщаетъ еромъ». Читается так: «Лѣта 7145 мѣс. *августа* 10. Михаилъ Ивановъ *сынъ* Москвитинъ».

Старший из известных мне русских примеров этого варьянта представляет копия XV в. с записи югославянина переводчика сочинений Дионисия Ареопагита (1371 г. на Афоне) по рукоп. б. Рум. Муз. № 93: «и имь (следует: има) въ инокы мене хѹдаго аще хощеши оувидѣти, начало томоу есть ѡсмеричное число, среда двѡсотное и первое, кѡнець десято съ единѣмь наконечваетъ.», т. е.: 8—200—1—10—1=«Исаіа».[1] Самый же поздний из примеров этого варианта дает, кажется, старообрядческое (тайное) издание «Сына церковного» (ок. 1790 г.), где имя «Міхаила» скрыто таким образом: «совокуплением седмописменно. И в числе стошестеро и девятдесятеро. Начертание же четыредесятное с десятнымъ. И паки сто третицею сугубо с первымъ, и осмеричное предваряет тридесятному с однѣмъ». Здесь видим указания, служащие проверкой для словесной, «описательной» системы: в имени, действительно, семь букв, которые в сумме также правильно дают 690.

3. Много больше примеров имеем мы для *третьяго* варианта (существительное, образованное от числительного). Старший (XVI в.) из образчиков — в упомянутой рукоп. Кирилло-Белозерского мон. (б. СПб. Дух. Акад.) № 21—1098:[2] «Аще хощеши увѣдати имя писавшаго книгу сію, и то ти написую: «Десятерица сугубая (10+10=20) и пятерица четверицею (5×4=20, сумма=40) и единъ (1); десятерица дващи (10×2=20) и единъ (1); десятья четыре сугубо и четырежди по пяти (10×2×4+4×5=100); дващи два съ единемъ (2×2+1=5); единица четворицею сугубо (1×4×2=8); въ семъ имени словъ седмерица, три столпы и три души, царь. И всего же числа в сем имени РОЕ (175)». Отгадка: «Макарей», где сумма букв-цифр, действительно, 175 и семь букв, из коих три гласных и три согласных и одна (*й*) полугласная. Пример этот, помимо применения числительных существительных, дает элементы первого варианта и четвертого: количественные числительные и сумму; последняя часть служит как бы проверкой для всей задачи.

---

[1] Раскрыта и приведена А. Х. Востоковым, Описание рукоп. Рум. Музея, стр. 163.

[2] См. выше, стр. 114, прим. 1. Приводится по А. И. Соболевскому, Палеография, стр. 112. В скобках — раскрытие цифровых указаний.

В более чистом виде третий вариант представляет запись на Апостоле б. Патр. библ. № 725 (по Горск. и Невостр., № 53) XVI—XVII вв.: «.....мнóгое во гресѣх и́ма моѐ во ѿроженїе ѿ чрева мт҃ре моеѧ. е҆же сче҄т ѻ҆брѧщеши, три десѧти́ны и҆ сторицы четы́ре и҆ двѣ десѧти́ны и҆ па҄ки е҆дїнъ (выходит: *Лука*). Порожéнное҄ и́мѧ водóю и҆ д҃хомъ по ст҃ѣи кѫпѣ҄ли зовóмый дїáкѡнъ .... и́мѧ҄ сче҄т ѻ҆брѧщеши, десѧтины .д҃. с҆ е҆дїны҄. и҆ сторица, и҆ па҄ѯ двѣ десѧтицы с ѻ҆смери́цею. и҆ едїнъ, и҆ послѣдї .є҃. десѧтї (т. е. *Маркиан*). В҆сего҄ сочти̏ і҆ ѻ҆брѧщеши в҆ числѣ ҂ас҃ѳі». Общая сумма по данным записи получается 771; откуда получилась цифра 1219 у писца, сказать трудно: м. б., запись не сохранилась целиком.[1]

То же имя Макария, что̀ и в Белозерской рукописи, затаено по этому же способу, но в иных выражениях, в рукоп. б. Рум. Муз. № 53, л. 611 об.: «аще хощеши имя увѣдати господина книгы сеа,—десятіа дващи и пять четверицею и єдинъ, пятерица четверицею и єдинъ, десятіа четыре сугубь и четыре по пяти, дващи два с единою, единица четверицею сугубо. Въ семъ имени словъ седмерица, три столпы и три души и царь». Здесь группировка слагаемых несколько иная: $10 \times 2 + 4 \times 5$ *(м)*, 1 *(а)*, 5×4 *(к)*, 1 *(а)*, $10 \times 4 \times 2 + 4 \times 5$ *(р)*, $2 \times 2 + 1$ *(е)*, $1 \times 4 \times 2$ *(и)*.

Также довольно чистый тип дает запись 1649 г. Григория Рожадовского на книге Петра Дамаскина в б. Патр. библ. № 456 (Горск. и Невостр. № 140): «Числи третицу (= *г*) съ сторицею (= *р*) сугубую, паки҄ се҄мдесети́цу (= *о*) съ суг҄бою десѧти́цею (= *і*) съпрѧгшисѧ петици (= *е*). и҆ такѡ гадáніе раздруши́въ рáдуйсѧ ѡ҆ г҃де наше҄ іс҃ѣ х҃ѣ. аминь». Особенность этой записи в том, что термин «сугубъ» составителем употреблен для указания не умножения вдвое, а для указания, что данная буква в затаенном слове встречается дважды: в нем, действительно, два *г*, два *р*, и два *и*. Таким образом получается имя «Григорие».[2]

С последовательным более или менее принципом умножения в этой манере имеем запись в сборнике 1636 г. АН:[3] «Аще хощеши ѹвѣдати списа҃шаго имя сему, и ты сочти пя҄деся҄ница г҄ сугубо ($50 \times 3 \times 2 = 300$) с се҄мьдесятницею (70) и двадесят҄ница два҄ды ($20 \times 2 = 40$) з двоіцею два҄ды сугубѡ ($2 \times 2 \times 2 = 8$) и единодесятница г҄ ($10 \times 3 = 30$) и наве҄ршаетъ еро҄. и паки двадеся҄ница (20) со единемъ (1), и еди-

---

[1] Издана в Описании рукоп. Моск. Синод. библ., I, 1, стр. 326.

[2] Целиком запись издана в Описании рукоп. Моск. Синод. библ. II, 2, стр. 187, а также у П. А. Лавровского, Старорусск. тайнописание, стр. 47. Мною взята только тайнописная часть записи.

[3] Из приобретений 1903 г.: ИАН, XX, № 1—5, стр. 22 (сигн.: Яцим. 94).

ница в^ж^ (1 × 2=2) со едине^м^ (1) и паки пя^т^десятница в^ж^ сугубо (50 × 2 × 2=200) и двоица в^ж^ сугубо (2 × 2 × 2=8) и тридесятница (30) съ еро^м^, и двоица в^ж^ со едине^м^ (2 × 2 × 1 = 5) и паки единица в^ж^ со едине^м^.» т. е. «Томилъка Василъева».

Интерес в смысле терминологии представляет запись автора «Простословия» (грамматическо-правописательного руководства): «Аще хощеши ȣвѣдати и̂мѧ писавшаго книгу сию, нарицеамȣю Простословию, о̂смочастникъ, то ти написȣю: подначалное начало и четырѣ десѧтицы и десѧтерица три краты (10 × 4+10 × 3=70) и̂ паки е̂диница трикра́ты (1 × 3=3) и седмокрȣжная (70) и паки десѧтерица трегȣбно (10 × 3=30) и безчисленное и паки десѧтины четверицею сȣгȣбо (10 × 4 × 2=80) и бесчисленно нѣкое. Въ семъ имѧни четыре слоѕи, четырѣ согласныхъ письмѧнъ и ѿ гласовныхъ едино дващи и̂ ѿ двоегласовны^х^ два. Всего же числа с҃н҃г҃ (253), а два нечисленныхъ».[1] В результате—«Боголѣпъ», где сумма цифр-букв, действительно 253; «подначальное начало» (начало согласным, в то же время подначальное гласному началу, т. е. *а*) есть *б*, которым начинается ряд согласных азбуки, тогда как само *а* называется «царем» и «началом»; «безчисленное» — буква, не имеющая численного значения, т. е. *ъ* и *ъ*; почему 70 — «седмокружная», сказать трудно: разве, потому, что о҃ похоже на кружок? Здесь, видим, как и в первом примере, присоединен вариант четвертый. Наконец, к тому же третьему варианту следует отнести тайнопись с именем Ивана Бегичева при его Послании к Семену Лукьяновичу (второй четверти XVII в.).[2] Как видим, этот третий вариант встречается довольно часто и до довольно позднего времени;[3] он сам разнообразится, варьируя терминологию для обозначения чисел; разнообразие увеличивается и тем, что он вступает в комбинацию с другими.

4. Наконец, *четвертым* вариантом этой группы надо счесть систему с указанием на состав затаенного слова по сумме букв-цифр, входящих в его состав, числу слогов, числу гласных и согласных. Способ этот, как допускающий значительный произвол со стороны составителя, неопределенность, — повидимому, самый трудный для отгадки; поэтому, вероятно, он реже встречается самостоятельно, а чаще входит, как параллельная загадка,

---

[1] См И. В. Ягич, Рассуждения славянск. и русск. старины. . ., стр. 915.

[2] Издана А. И. Яцимирским в Чтениях Общ. Ист. и Др. Рос., 1898, II. То же — в рукоп. И. Е. Забелина (Истор. Муз.) № 35, л. 41 об. (к. XVIII в.). Того же типа — запись с именами Иоанна Козырева и Илариона; см. у Ягича, Рассуждения. ., стр. 998.

[3] К таким поздним примерам относится запись какого-то Феодора, оставившего память о себе на рукописи 1768 г., содержащую полемику против старообрядцев, в рукоп. б. Уварова № 359, 4^о^, в конце.

в другие разновидности, как это мы уже видели: в таком случае он дешифрируется легче. Несколько образцов этого варианта дадут о нем представление.

В рукоп. б. Рум. Муз. № 95 (XVII в.) — «Диоптра» на л. 4 об. читаем: «Аще хо́щеши и́мꙗ оу҆вѣ́дети писа́вшаго се́. і то написꙋю ти исчет ѻ҆брꙗ́щеши. ѿсмь пи́сменъ и́мать. и҆ сꙋть ѿ них согла́сна пꙗть триѐсло́жны послѣднꙗѧ и средниѧ. по́ три пи́смена и́мат каждо. про́чаѧж вꙗщшаѧ. всего же чи́ло .е҃. стори́цею три́щи три десꙗти́ны два́щи четвери́цею ре́кше все҃ числѡ исчет сих .ц҃.п҃.». Здесь для определения восьми букв, составляющих слово, дано более точное указание лишь на согласные: «е҃. сторицею» = 500 = ф; «три десѧтины» = 30 = л. Остальное неясно. Что разгадка этой тайнописи — «Филиппос», удалось установить А. Х. Востокову, который в «Алфавите иностранных речей» нашел такое указание на нашу шараду: «Діоптра то҃ (толкуется) зерцалѡ книга. сію книгꙋ діѡптру написалъ философъ въ градѣ Смоленске в лѣта ҂ѕх҃г (6603—1095). Филиппа объявлено имѧ ѡсмію бꙋквъ иже содержать число ц҃п҃.».[1] Приведенная форма слова греческая (Φίλιππος) и отвечает этому числу — 980.[2]

Этот же способ с разъяснением тайнописи находим в грамматической статье о гласных и согласных в рукоп. Ленингр. Публ. Библ. — О, XVI, 1, л. 139:[3] «. . . второе и́мѧ и҆зречем. и҆мать же в себѣ сие и҆мѧ словъ ѿсмери́цꙋ, в' нихъже д҃ столпи сѷрѣ плоти и҆ д҃ приклады сѷрѣ д҃ша, числит же сѧ и҆мѧ въ с҃ н҃ г҃, і҆ трие ѿ сих е҆ди҃ столпъ и҆ два прикла́да внѣ чи́сла, показание сложению. первый ꙋбо в сем и҆мени *б*, к немꙋже прикладъ *о*, вторыж столпъ *г*, к немꙋже прикладъ *о*, третий столпъ *л*, к семоуж прикладъ *ѣ*, четвертый столпъ *п*, к семуж приклад *ъ*. Может бо сѧ і҆ без сего стати, оба҃ ничтоже е҆ть, и҆ ꙗко словъ ѿсмерица, в нихже число с҃ н҃ г҃. внѣ же числа сꙋт сии: *б*, *ѣ*, *ъ*. і҆ тако сие и҆мѧ сложило҃. *боголѣпъ*, в немже четыре плоти, д҃ же и д҃ши.». С пояснением другой шарадой, облегчающей таким

[1] Описание рукоп. Рум. Музея, стр. 166.

[2] Та же запись находится в рукоп. XV в. «Диоптры» б. Патр. библ. № 930; она издана в Описании рукоп. Моск. Синод. библ., II, 2, стр. 450. То же в рукоп. 1426 г. б. Уварова 4⁰, № 369. Как самый текст «Диоптры», так и послесловие с тайнописью переведены с греческого. Привожу этот греческий текст тайнописи по рукоп. б. Патр. библ. XV в. № 148, л. 92 об.: Εἰ θέλεις δὲ καὶ τοὔνομα μαθεῖν τοῦ γεγραφότος, ἰδοὺ καὶ τοῦτο γράφω σοι, καὶ ψηφίσας εὑρήσεις· ὀκτὼ γράμματα ἔχει, καὶ εἰσὶν ἐκ τούτων σύμφωνα πέντε, τρισύλλαβός ἐστιν· ἡ ὑστάτη καὶ μέση ἀνὰ τρία γράμματα ἔχει ἑκάστη, ἡ λοιπὴ δὲ τὰ λοιπά, τοῦ παντὸς δ' ὁ ἀριθμός εἰσιν ἑκατοντάδες τρεῖς τὸ τρεῖς καὶ δεκάδες διστετράκις, ἤγουν ὁ πᾶς ἀριθμὸς καὶ ψῆφος τούτων ἐννακόσια ὀγδοήκοντα.

[3] Напечатана целиком у И. В. Ягича, Рассуждения славянск. и русск. старины. . ., стр. 702—3. Разъяснены имена: Матфей, Боголѣпъ, Варфоломей; беру для образца из записи имя «Боголѣпъ», как представленное иными тайнописями выше (стр. 101 и 119).

образом разгадку тайнописи, имеем запись на Стоглаве XVII в. в рукоп. № 697 в 4° из собр. б. Уварова, л. 215 об., где любитель греческого языка говорит: «Книга, глаголемая Стоглавъ, ярославца посацкого человѣка. Имя его пять литеръ имѣетъ: три литеры гласныхъ (след.: согласных), двѣ прикладныхъ, начало приемлетъ согласнымъ, а кончание прикладнымъ, числа содержитъ екатонъ и тріаконта и охто, сирѣчь 138, толкованиемъ же миръ, рекше и утверженпе». Таким образом, в имени мы должны предполагать слово «Козма», в котором, действительно пять букв: три согласных, две гласных, согласная в начале, а значит оно по гречески «мир» (κόσμος); и сумма букв его, действительно, 138 (20 + 70 + 7 + 40 + 1).[1] — Если же нет рядом для того же имени шарады по другому, более устойчивому и определенному ключу, то отгадка еще труднее, а иногда и прямо невозможна; только посторонние соображения, дающие или имя, или указание на это имя, могут помочь, и то не всегда. Так, в рукоп. Ф. Толстого (Ленингр. Публ. Библ. I, 230, Церковная история Барония в переводе 1678 г.) имя переводчика скрыто под такой тайнописью: «Преводившаго сію книгу имя его седмолитерно, троесложно, в немъже убо четыре гласныхъ и три согласныхъ, начало пріемлетъ от перваго гласнаго, число же его суть восемь». Скорее всего, это имя — «Игнатий», которое более других подходит к условиям, имея четыре гласных, три согласных, начальное *и*.[2] Если здесь догадка подтверждается заданием записи, то совершенно остается неразгаданным в записи имя писавшего Житие Кассиана Углицкого по рукоп. Погодина (Ленингр. Публ. Библ. № 1563, XVII в.), где читается: ... «ѡбращеши писмаⁿ шесть, ѿ ниˣ же суть согласна три, а троесложно есть; послѣдьнаа и средънаа та по три писмена иматъ каждо, прѐчаа же вищьшаа ни, всѣхъ счетъ ѡбращеши шесть сотъ четыредесатъ три».[3] Если под именем писавшего подразумевать имя автора Жития, то это должен был бы быть «Сергіе»;[4] но имя это не удовлетворяет условиям задания: если в нем так же три согласных, так же шесть букв и три слога, то сумма букв-цифр его не 643, а самое большее — 323.

Только посторонние соображения дали ключ к установлению имени составителя одной из редакций Жития Александра Невского; составитель ее, отметив, что «справлено бысть чюдное житие се» в 7099—

[1] Запись впервые издана П. М. Строевым, Описание рукоп. И. Н. Царского, М., 1848, стр. 649.

[2] См. А. И. Соболевский, Палеография, стр. 113; ср. П. Строев, Опис. рукоп. Ф. Толстого, М., 1825, стр. 147, прим.

[3] См. А. Ф. Бычков, Описание сборников И. Публ. Библ., 1882, стр. 102.

[4] Ср. Н. Барсуков, Источники агиографии. СПб 1882, стлб. 286.

1591 году, замечает, что «справлено» оно «рукою многогрѣшнаго, паче всѣхъ худѣйшаго, по слогу убо Заавіазара[1] имянемъ, по числу же въ четырехъ писменехъ книжныхъ, от нихже по имянованію гласовных двое, согласных едино, двоегласных едино, всѣхъ же число 131, и съ двоегласнымъ, яже кромѣ числа; по обѣщанію же съгласных троегласно, гласовныхъ два, согласно едино, краткихъ едино, всѣхъ же 502; по дѣйству же согласно единовидное, полугласно единословное, краткихъ едино гласное, согласно едино и паки краткихъ едино и еще долгообразное съ согласнымъ (*вар.* — ко гласным) и краткимъ (*вар.* — кроткимъ) по единому, и паки согласно едино и гласовно едино же, всѣхъ 474, кромѣ полугласного. О сихъ же вѣдущіи убо паче насъ да и насъ, не наученыхъ, поучатъ, невѣдущіи же, яко же и азъ, со мною убо купно у премудрѣйшихъ да совопросимъ».[2] Из этой тайнописи, темной по содержанию и, вероятно, уже исказившейся, несмотря на близость рукописи ко времени самого создания этой редакции Жития, видим прежде всего, что затаено три слова: одно с суммой цифр-букв 131, другое — 502, третье — 474; затем: первое, означавшее имя, изображено также рядом слагаемых — Заавіазара, — но иных, нежели составляющие это имя (имени Заавіазара не существует, да и не было бы тайнописи, если бы дать подлинные буквы-цифры); этот ряд цифр, действительно, дает сумму — 131; видим также, что в загаданном имени — четыре только буквы: одна согласная, две гласных, одна двоегласная;[3] что же значит здесь «кромѣ числа», неизвестно: одно можно сказать, что это не буква, не имеющая численного значения (как это наблюдаем в других тайнописях). Такое слово-имя, которое удовлетворяет этим условиям — четыре буквы, одна из них согласная, три гласных — при сумме 131, может быть «Іона» (10 + 70 + 50 + 1); но при этом «двоегласная» остается не ясной: может быть это — *о*, имеющее два начертания: *о* и *ѡ*? Что это имя автора этой редакции Жития отгадано правильно,[4] подтверждается тем, что нам известно, что составителем ее мог быть, действительно, *Иона Думин*, архиепископ Вологодский (с 1589 года); его фамилия в сумме букв-цифр дает, именно, 502 (4+400+40+8+50), как читается

[1] Варианты к этому слову: Угозагвиазара (рукоп. Тверск. Муз. № 3134), безглавія заря (Артемьев), зглавія заря (Увар. № 524, 355).

[2] Последняя фраза, повидимому,—приписка уже писца текста, не понимавшего загадки. Текст записи приводится по рукоп. 1594 г. библ. б. Моск. Синод. Типогр. № 346 (395, 1328), изданной В. П. Мансиккой (Житие Александра Невского. Пам. древн. письменности и искусства, CLXXX. СПб. 1913, стр. 124 приложений).

[3] Иначе — «сложная»: это — ѩ, ю, оу, ѡ.

[4] Г. Артемьевым, Зап. Археол. Общ. 1852, IV, 140—143; ср. Древности, Труды Моск. Арх. Общ., III, 1, стр. 70; а также В. Мансикка, ор. cit., стр. 177 и сл.

и в тайнописи; оно также имеет, согласно этому указанию, согласных три, гласных два и «кратко» (ъ) одно; но при чем тут еще «согласно едино» — опять не знаем. Наконец, что обозначает последнее число — 474 (если в нем нет искажения) — и описание слагаемых, его составляющих, сказать нельзя; ясно одно: оно характеризует Иону Думина «по дѣйству», т. е. по званию, занятию; Иона Думин, как мы знаем, был епископом или архиепископом Вологодским; но ни то, ни другое слово не дает требуемого числа.

Такого же рода тайнопись представляет и послесловие к «Житию святейшего патриарха Никона, писанному некоторым бывшим при нем клириком» и не раз (не всегда удовлетворительно) изданному.[1] Послесловие гласит следующее: «Имя же того писавшаго исторію сію, аще кто имать разумъ и да разумѣетъ: 5 литеръ имать: три самогласныхъ, согласная же 1 и припрежногласная 1 жъ и дебелая (т. е. *ъ*); имя суть же 4-сложно; въ пріобщеніи, число жъ имать глагола (131 — Леонид); и отечество же имать литер 11, отъ нихъ же согласныхъ 5, самогласныхъ 4, припрежногласныхъ 2, въ нихъ тонкихъ (т. е. *ь*) 1, дебелая; суть же 4-сложно, въ общеніи число имать 293 (297 — Леонид,[2] 383 — Забелин); въ прозвании же литеръ 50(?):[3] согласныхъ 4, самогласных 3, припрежногласная 1 и дебелая; суть же трисложно, во пріобщеніи число же имать 563. Имя же того и отечество с прозваніемъ имать убо вкупѣ великое число 987 (991 — Леонид, 1073 — Забелин), чиномъ же клирикъ». Отгадка же тайнописи подсказывается тем, что нам из других источников известен автор «Жития» Никона — Иван Корнилиевич Шушерин-Рипатов: имя его укладывается, действительно, в сумму 131 (10+70+1+50+ъ), где три гласных и одна согласная и *ъ* — ІОАНЪ; оно четырехсложное, если *нъ* принять за отдельный слог; отчество его — 293 (20+70+100+50+8+30+8+5+2+ъ) — КОРНИЛИЕВЪ, отвечающее счету гласных и согласных, но букв только 10, а не 11; поправка ясна: запись считает двѣ «припрежногласных», одну «дебелую», другую «тонкую», т. е. недостает *ь*, которого

---

[1] В первый раз в 1784 г. О. П. Козодавлевым; из позднейших изданий отметим изд. архим. Леонида (М. 1871); в рукописях оно встречается довольно часто: напр., есть в рукоп. № 89 Казанск. унив., № 101 собр. б. Забелина (Истор. Муз.). Привожу текст послесловия по изд. Козодавлева (стр. 204) с отменами по изд. Леонида и рукоп. Забелина.

[2] Очевидно, 8, т. е. принято по ошибке «и» за «н», как правильно стоит у Леонида и Забелина.

[3] Здесь в списке Леонида добавление: «Въ другой книгѣ о отечествѣ показуется литеръ 13, отъ нихъ же согласныхъ 6, самогласныхъ 4, припрежногласныхъ 3, въ нихъ же 2 тонкихъ, едина же дебелая; суть же 4-сложно, въ общеніи число же имать 393».

место — ясно, после *р*, т. е. КОРЬНИЛИЕВЪ.[1] При замене *и* (8) через *і* (10) получим вариант: КОРЬНІЛІЕВЪ с суммой 297; для получения суммы 393 мы можем взять иную форму слова: КОРЬНИЛІЕВИЧЪ = 20+70+100+ь+50+8+30+10+5+2+8+90+ъ, что дает, действительно, требуемые 13 букв; но при 6 согласных имеем 5 (а не 4) гласных, 2 (а не 3) глухих и 5 (а не 4) слогов: очевидно, указанному варианту соответствует форма: КОРЬНИЛЬЕВИЧЪ, т. е. в 4 слога, с 4 гласными и 3 глухими (как и требуется: 2 тонких и 1 дебелый); а в таком случае сумма будет 383, каковую и дает вариант Забелина, который и следует признать правильным. Прозвание, дающее сумму 563 — РІПАТОВЪ = 100+10+80+1+300+70+2+ъ; состав букв (4 согласных, 3 гласных и ъ) подходит. Общая сумма всех трех слов при варианте с 293—987, при варианте с 297—991[2] оказывается верной, при варианте же с 383— неверной: 1073 вм. 1077.

Вот все главные разновидности счетно-описательной системы, намечаемые рукописями. Что касается происхождения описательной цифровой системы в русской письменности, то и здесь, судя по записи на Диоптре («Филиппос») и по югославянскому примеру, скорее всего надо предполагать источник или пример греческий,[3] как мы предположили и для простой цифирной системы, при том довольно ранний, не позднее XV в., а может быть и XIV в., как можно судить по записи в рукоп. б. Рум. Муз. № 93 (Дионисий Ареопагит); не исключено здесь, может быть, и югославянское посредство, по крайней мере, для третьего варианта.[4]

Употребление *арабских* цифр в качестве тайнописи могло иметь место только с тех пор, когда арабские цифры стали входить в употребление в русской письменности, т. е. со второй половины XVI в. на русском югозападе и с начала XVII в. на северовостоке, или, быть может, с конца предыдущего века. Поэтому, надо полагать, и «арабско»-цифровая тайнопись ко времени ранее XVI в. едва ли может восходить: по крайней мере, известные до сих пор примеры ее дальше начала XVII в. не идут. Таков случай довольно длинной тайнописи арабскими цифрами в писанном в Калуге

---

[1] По московскому говору: ср. московские «перьвый», «верьх» и т. п.

[2] Этот вариант и дан в отгадке по рукоп. Леонида, но с неточностью в транскрипции: «Іоаннъ Корниліевъ Рипатовъ».

[3] Др. Костић, Тајно писање, стр. 36, ср. выше, стр. 23—24.

[4] Положительно о греческом происхождении и описательной цифровой системы говорит А. И. Соболевский, Палеография, стр. 112; ср. также Gardthausen, Paläographie, S. 234 (об имени Ἀλεξ[ανδρος] у Лукиана, с. 11).

Измарагде из библ. б. Моск. Синод. Типогр. № 199 начала XVII в.: здесь по листам 8—33 внизу идет такая запись 1641 г. (см. рис. 64):[1]

3̓ ѣ 3̆ 1 7 1̆ 4̓ 9 3 7̓ 4 4̆ = лѣта 7149 году
2̓ 5̓ 8 3 3̓ 1 3 3̓ 1 3 7̓ 3̓ 5 4̓ 1 я = книгга (sic) глаголемая
1̓ 7 4̓ 1 1̆ 1 3 4 ъ = ізмарагдъ
5̓ 8 2̓ 8 3̆ 8 5 ъ 2̆ 2̓ 7̓ 3 7̓ = никитинъского
8̓ 7̓ 2̆ 3̓ 4̆ ж 8 3̓ ь 9̓ 1 = послужильча
2̆ 3̆ 1̆ 7̓ 3 1 5̓ 7̓ 2 1 = строганова
2̆ 5 4̓ 5 8 2 8 = семеики

. . . .

2̆ ъ 2 7̓ 5 ю 1̆ 4̆ 2̓ 7̓ ю = съвоею рукою

Ключ к этой тайнописи прост: буквы — цифры от 1 до 9 (а — ѳ) пишутся просто арабскими цифрами, от 10 до 90 (і — ч) — теми же цифрами и обозначаются значком над ними, от 100 и до 900 — также, с иным значком над ними, тысячи — со знаком под цифрой; буквы, цифрового значения не имеющие, пишутся просто. По той же системе составлена запись какого-то Ивана Маньчюкова на л. 463 об. в рукоп. XVII в. (б. Барсова) Истор. Муз. № 1704 и на л. 1 об. в рукоп. Истор. Муз. № 663, XVII—XVIII в. с маленькой разницею в форме значка для сотен; последняя надпись читается: «о мт҃ри ївирскомъ иже на свт҃е езерѣ».

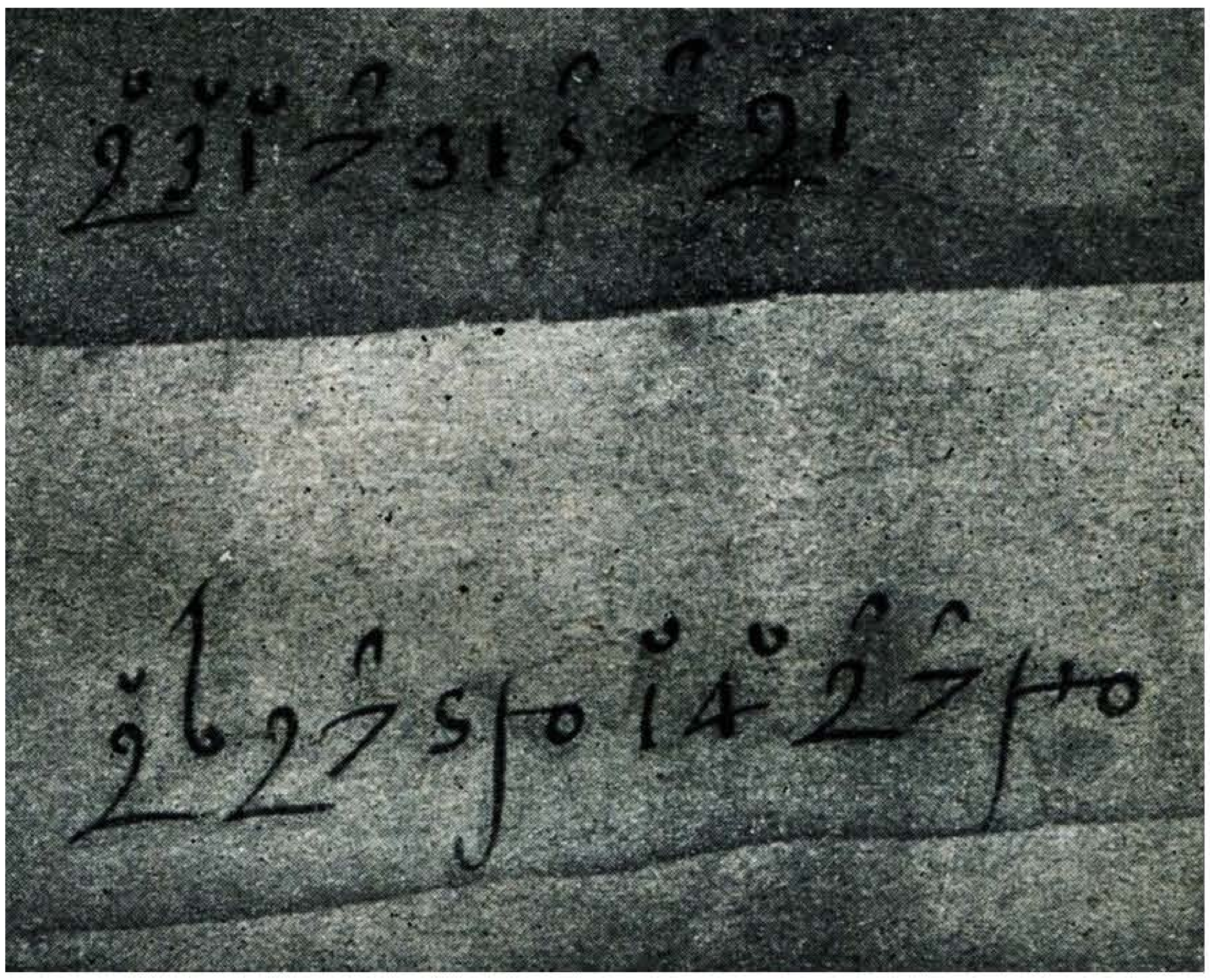


Рис. 64.

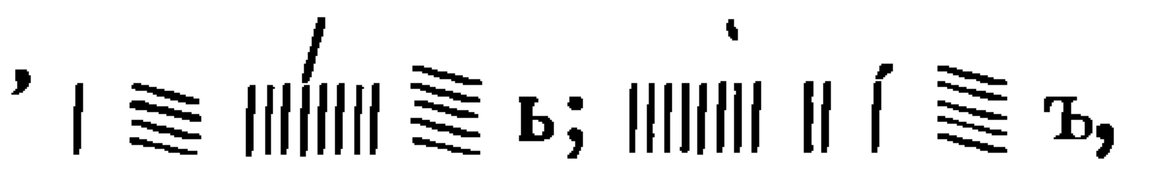
Происхождение этой тайнописи, скорее всего, также греческое: по крайней мере, совершенно ту же систему (только с обозначением десятков точками: 2̇ = 20, и сотен двумя точками: 2̈ = 200) мы находим в рукоп. XVI в. Barroc. 33.[2]

[1] См. А. С. Орлов, Библиотека Моск. Синод. Типогр., I, 1, Сборники, М. 1896, стр. 41 и сл.; здесь чтение дано всей записи, я привожу только первые ее строки и последнюю.
[2] V. Gardthausen, Griechische Paläographie, Leipzig, 1879, S. 238.

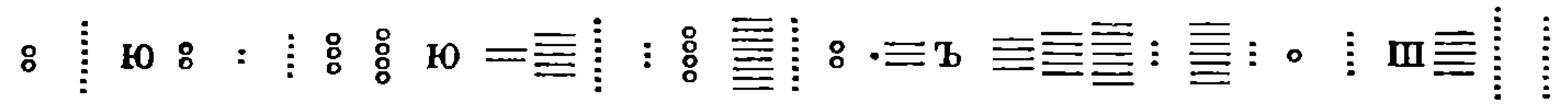
Значковая счетная, или цифровая, тайнопись представляет в своем построении собственно один мотив—особые простые начертания для цифр-букв: одни для единиц, другие для десятков, третьи для сотен; при писании руководятся числовым значением буквы, ставя соответствующее число значков каждого сорта и оставляя, как и в других цифровых системах, буквы, численного значения не имеющие, в их обычном виде. В самых начертаниях этих значков больших отклонений в известных нам рукописях не замечается; только сборники б. библ. Моск. Синод. Типогр. № 1028 и б. Увар. № 105 (8°) дают нечто своеобразное.

Обычные для этой системы начертания дают: 1) рукоп. б. Н. С. Тихонравова (Рум. Муз.) № 326 (XVII в.), л. 220 об.;[1] 2) рукоп. б. Рум. Муз. № 369 (1640 г.), л. 645; 3) той же библ. № 423, л. 343; 4) б. Патр. библ. № 714 (Горск.-Невостр. № 15), л. 149.[2] В текстах этих точкой обозначаются единицы, горизонтальной черточкой — десятки, кружечком — сотни.[3] Таким образом: а̃ = · , в̃ = : , г̃ = ⁝ , д̃ = ⁞ и т. д.; ı̃ = —, к̃ = =, л̃ = ≡ и т. д.; р̃ = ∘ , с̃ = 8 , т̃ = 8̥ и т. д. В рукоп. Н. С. Тихонравова вместо точек — вертикальные черточки, для десятков — черточки, положенные наискось, для сотен — также кружечки; в рукоп. Рум. Муз. № 423 точки и кружечки пишутся горизонтально, отделяются по буквам запятою.

Так, в рукоп. Тихонравова № 326 в виде образца под ключом находим:


т. е. а̊ми́нь; ива̊нъ.

В рукоп. Рум. Муз. № 369: К сему[ж] чл̃че аще хоще[ш] увед[т] имена писа̃ши[х] с̃тую к̃гу сию и ты разуме̃ сие му[д]рою литореею,



т. е. «сию светую книгу писалъ многогрешнiі» и далее тем же способом: «непотребныі рабъ божиі михаiло дмитреевъ сынъ крабовъ, прочиі работали ѡ господе, ихъже имена единому богу сведущу, а потписалъ сю книгу язъ михаiло крабовъ своею рукою лета семь тысечь сто четыредесетъ ѡ̃маго году (т. е. 1640-го) марта во вторыи день».

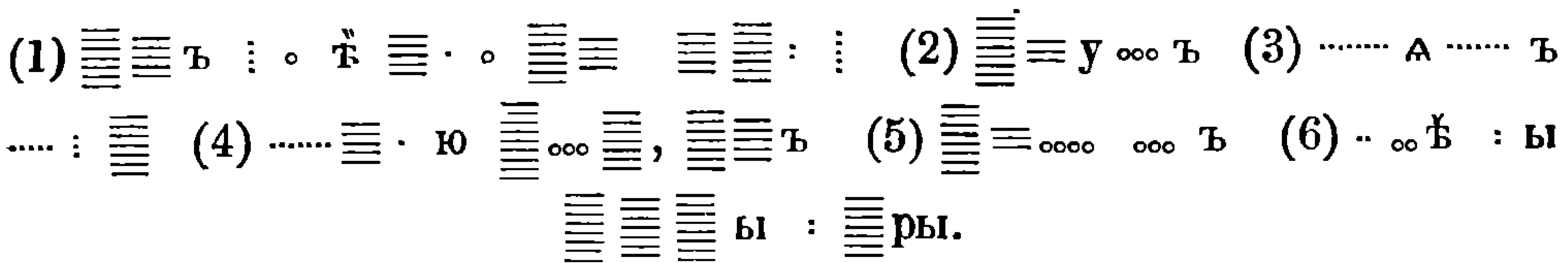
---

[1] Факсимиле, но не достаточно точное, см. у И. В. Ягича, Рассуждения славянск. и русск. старины..., стр. 1005.

[2] См. Описание рукоп. Моск. Синод. библ., I, 1, стр. 190.

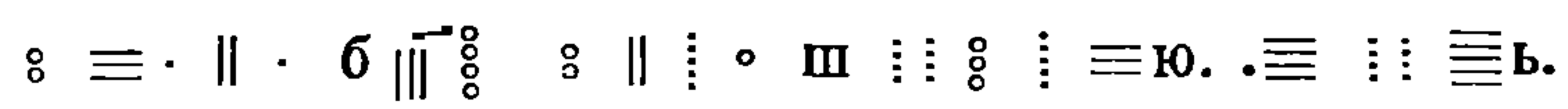
[3] Ключ к этой системе см. у А. Х. Востокова, Описание рукоп. Рум. Музея, стр. 545; ср. Е. Ф. Карского, Палеография, стр. 255; также в Образцах древней письменности И. П. Сахарова, табл. XXVIII.

В своем роде интересна по содержанию запись в Стихираре XVII в., Рум. Муз. № 423:



т. е.: «онъдрѣ на романове плутъ, и язъ его знаю, что онъ плутъ; всѣ вы попы воры».

В Патр. № 714 применено в тайнописи титлованное слово:



т. е., «слава б҃гу свершителю. аминь». Тут применена система и точек и вертикальных палочек для обозначения единиц (как в рукоп. Тихонравова № 326).

Иной по характеру начертаний оказывается значковая цифирная система в упомянутых рукописях б. Моск. Синод. Типогр. библ. № 1028 на лл. 93, 130 и 130 об. и б. Увар. № 105 (8°) на л. 62 и 62 об., хотя общий принцип — обозначать одним значком единицы, другим — десятки, третьим — сотни — остался и здесь; но здесь допущены по нескольку обозначений для каждой цифры-буквы и внесены особые начертания для букв, не имеющих числового значения. В виду причудливости принятых здесь начертаний, прилагается снимок из рукоп. Типогр. библ. с л. 130 об., содержащего ключ этой азбуки; каждая группа для обозначения буквы отделена здесь запятой от соседней, что несколько облегчает ориентировку (рис. 65).[1] Присматриваясь к этой таблице, мы заметим: 1) для единиц употреблены: а) ₒ (кружочек), б) s (зигзаг, округления коего соответствуют числу единиц в цифре), в) ε или з (где округления играют ту же роль), г) / (наклонная палочка); 2) для десятков: а) | (вертикальная палочка), б) < (угол, где составляющие его две линии каждая соответствует одному десятку), в) ⨍ (длинная косая черта, перечеркнутая небольшими линиями под прямым углом, при чем число десятков соответствует числу перечеркиваний, длинная линия также принимается при счете), г) / (наклонная черточка, как и для единиц); 3) для сотен: / (изогнутая вертикальная черта). В то же время нельзя не заметить, что эти обозначения в частностях не выдержаны последовательно,

[1] Факсимиле с той же страницы № 1028 рукописи дано также у В. А. Погорелова, Библиотека Моск. Синод. Типогр., I, 2, Сборники и лексиконы, М. 1899, стр. 26.

почему, напр., 3 и 30, судя по этому ключу, могут быть одинаково изображены ≡, или 900 и 90 ||| ||| |||. Но в общем, всетаки, система эта достаточно ясна; так, 5 (*е*) изображено: ⁝ , или ⁝ , или ⁝, или ⁝, или ⁝, или же ⁝ ; 50 (*н*): ⁝ или ||||, или ⁝, или ⁝; 500 (*ф*): ///// и т. п.; для *о* сохранено обычное его начертание. Для передачи букв, не имеющих числового значения, составитель держался принципа недописывания (ср. «полусловицу»), а также деформации, как это видно из начертаний для *б*, *ш*, *ъ*, *ѣ*, *ю*, *я* и др.

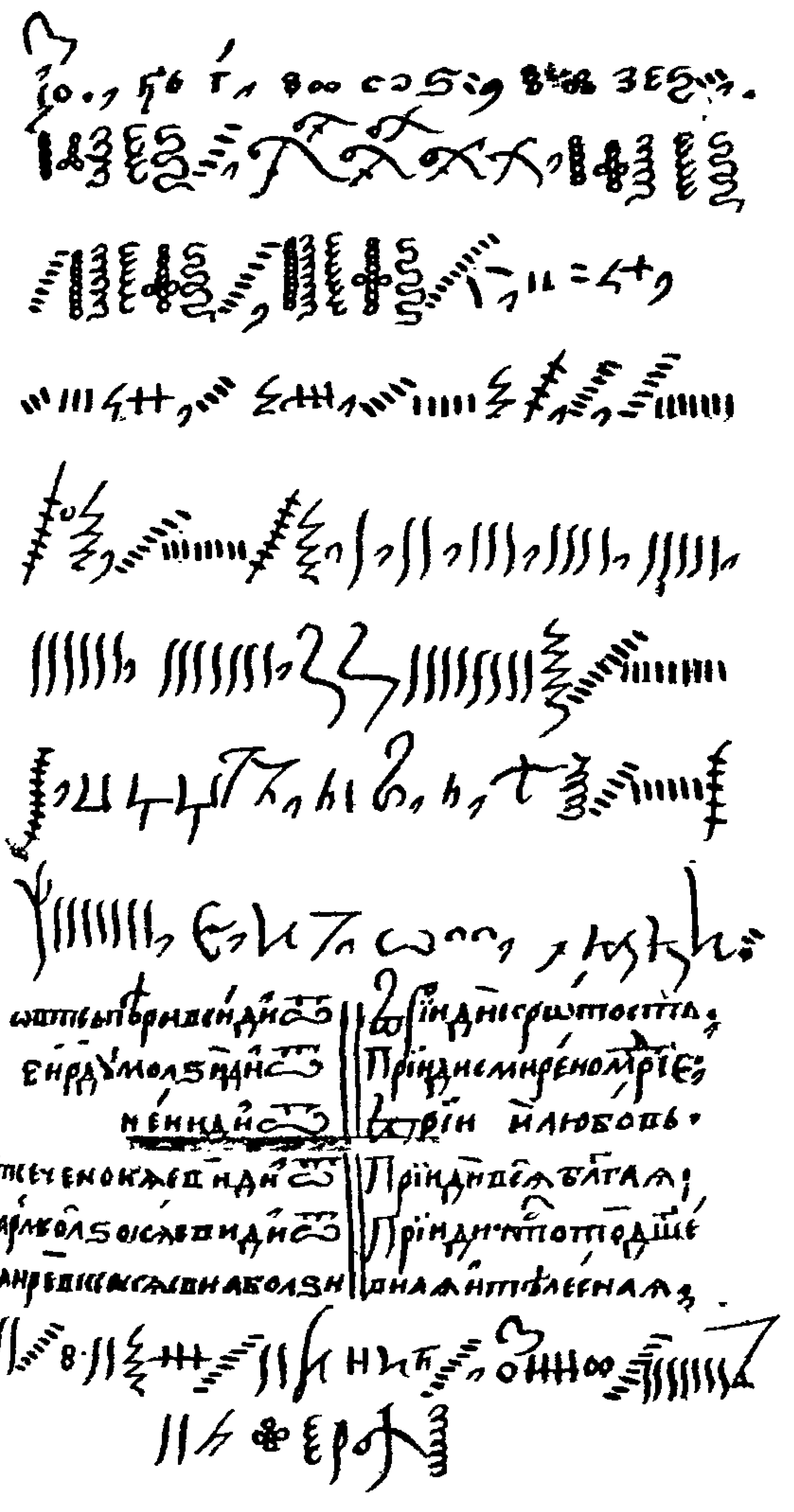


Рис. 65.

По этому ключу на л. 93 написано (см. рис. 66): «убогаго щербака̀», при чем для *г* употреблено два начертания, а для последнего *а* по ошибке взято второе начертание для *к* и на нем поставлено поэтому ударение.

Эта «значковая» счетная система большой древностью, повидимому, не отличается: раньше XVI—XVII вв. (какова рукоп. Патр. № 714) она не встретилась. В греческой письменности «значковой» цифирной системы, кажется, еще не найдено; на западе система точек известна, но не в применении к цифирной тайнописи;[1] на юге славянства эта система цифр-точек встречается только в конце XVII в. и считается пришедшей из России. Все

[1] Ср. Gardthausen, Paläographie, 233 и Др. Костић, Тајно писање, стр. 30.

это дает возможность предположить, что эта «значковая» цифирная тайнопись возникла скорее всего на русской почве, причем первая из отмечен-

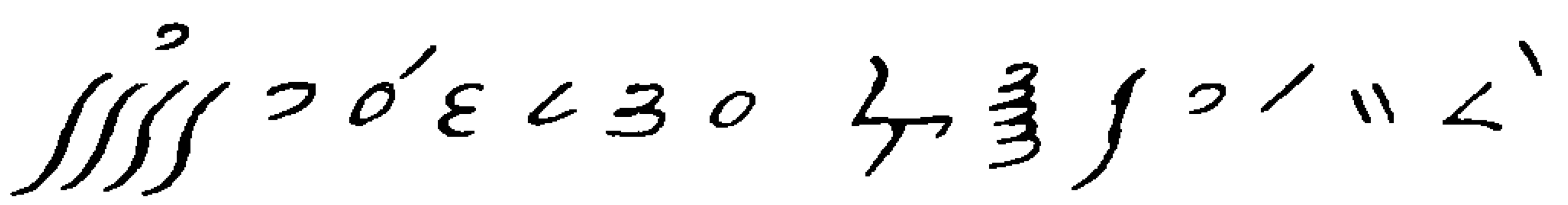


Рис. 66.

ных разновидностей ее, как более стройная и последовательная и в то же время более простая, должна быть признана старшей и основной, тогда как вторая представляет попытку, притом не особенно удачную, дать ей дальнейшее развитие.

VI.

1. *Акростих*[1] в собственном смысле этого термина в русской письменности древнего периода, не знавшей стихотворного размера как отдельной формы,[2] не встречался; мог же акростих получить у нас распространение только с появлением новой силлабической вирши западного происхождения, пришедшей к нам едва ли ранее начала XVII в. с юго-запада на северо-восток.[3] Поэтому ясно, что ранее половины, и даже быть может второй, XVII в. мы не встретим и применения акростиха к тайнописи. В качестве образца такого русского акростиха можно указать на два стихотворения, до сих пор в печати не появлявшиеся, но не лишенные интереса по упоминанию в них известного «Лаодикийского послания»; они находятся в рукоп. XVII в., б. Н. С. Тихонравова (в Рум. Муз.) № 380, где на лл. 125—129 об., двое — Иларион и Феоктист (старцы) — обмениваются стихами-посланиями; привожу первое, как более короткое (л. 125—125 об.).

---

[1] «По гречески акростихида, еже есть по руски краестрочіе или краеграніе» — по определению Максима Грека (И. В. Ягич, Рассуждения старины..., стр. 592); «познание акростихидное, сирѣчь гранесы, еже есть начал͡ословіе» — по «Беседе о учении грамоте» (там же, стр. 680).

[2] Югославянская письменность только в древнейшее время пыталась подражать популярному в Византии акростиху (ср. Молитву азбучную Константина Философа), нам этого искусства не передала, да и сама скоро, повидимому, его почти утратила, употребляя его изредка при составлении богослужебных канонов (для которых акростих применялся преимущественно и в Византии), как это делал у нас Пахомий Серб, вынесший эту моду с юга.

[3] Имею в виду, напр., известного Антония Подольского; ср. выше, стр. 40.

Ѿ ларıона к феоктисту.[1]

Сию боголюбивую ползу пишу:
Того благодарения от себе не лишу:
Аще изволиши о нужных вопросити:
Реку сие яко подобает ти мою немощь носити:
Еже аз нынѣ чего желаю:
Царствія небеснаго видети изволяю:
Горняго убо Іерусалима хощеш восиріяти:
О нихже молих изволи подати:
Сею виною мя учини свободно:
Покажу ти вскоре работно:
От него убо разумъ всякъ является:
Да и тобою единочас(т)но познается:
Аще убо обрѣтох благодать пред тобою:
Работная покажу ти собою:
Фарисейскую злобу от себе отрицаю:
Елико любительная твоя в сие вницаю:
Отнюду бо всѣхъ дыханіе животворитца:
К тебѣ все днесь желателная обновитца:
Та азбука и посланіе лаодикійское:
И твое много искательство блиское:
Сего ради тебѣ челомъ бью:
Тако же и слезы лью:
Да свое желаніе узриш вскорѣ:
А в нем обрящеши разумное море:
И о семъ твою братцкую дружбу:
Мнѣ симъ покажи бога ради службу:
И в томъ тебѣ не будет утрата:
К тебѣ от меня тотъчас заплата:
Но отдам ти завтра рано:
И что написать тое ж избрано:
Господа ради смилуйся надо мною:
Учинитъ богъ милость над тобою:

[1] Даю его с раскрытием титл и сокращений и упрощением графики. Феоктист в своем ответном послании повторяет первые стихи Илариона целиком, что дает возможность восстановить некоторые испорченные стихи, пополнить пропуск в печатаемом. В рукописи на краю вдоль стихотворения выставлены буквы акростиха; их опускаю.

Сего бо нѣгде искати:
Понеже нѣ с чего списати,
И о сем велми нужно ми потребен час,
Смилуйся помилуй насъ,
А по сем государь здравѣ буди,
Только меня не забуди.

Акростих дает: «Старец господар Феоктист, дай ми книгу списат». Очевидно, Иларион пишет о знакомой нам (см. выше, стр. 104) тайнописной азбуке «в квадратах», перед которой помещается обычно и Лаодикийское послание: их ему нужно списать, а списывать не с чего. Далее в рукописи «Ѿ Феоктиста к Ларионȣ ста^р^цу о^т^вѣщаніе», довольно обширное, также с акростихом. Феоктист на просьбу Илариона отвечал:[1] «Старец господар, потруженная тобою любезне восприях и противу твоего, аще и не тако, но обаче[2] восписах ти вся, но ты[3] же мя в том прости, никому же возвести».

Такой же «акростихидой» написана молитва в конце перевода сочинений Симеона солунского (по рукоп. б. Патр. библ. № 654, л. 531 об.); она читается «Εὐθύμιος» — имя переводчика, известного ученого Чудовского старца XVII в.[4] Охотно писал акростихом и другой видный представитель литературы тоже XVII в. — Карион Истомин.[5]

На юго-западе Руси акростих (пришедший сюда, в свою очередь, с европейского Запада через духовную школу)[6] пользовался как письмо-загадка, повидимому, широким распространением как в рукописях, так и в печатных книгах (предисловия, посвящения, подписи к гербам и т. п.), выработал ряд вариантов. В качестве довольно типичного такого рода применения акростиха в разных его видах можно указать на сборничек «Зегаръ цѣлый з полузегаркомъ и Млеко», писанный в 1690—1691 г. Иоанном

---

[1] Беру только буквы акростиха.

[2] Стих, сюда относящийся (на *о*): «*А иже божій страх имѣя очи свои отвращаетъ*». В анаграмме *а* поправлено на *о*.

[3] Стих: «Токмо всегда уловляем бывает от бѣсовскихъ сѣтей». В анаграмме добавлено *ы*.

[4] Начало ее см. у А. И. Соболевского, Палеография, стр. 108; ср. у Е. Ф. Карского, Палеография, стр. 248. К акростихам относится и весьма популярный стих: «Іисусе прелюбезный, едина моя радосте...», приписываемый Димитрию Ростовскому; начальные буквы стиха дают: «Іеромонах Димитріе».

[5] См. С. Браиловский, Один из пестрых XVII века, СПб. 1902, стр. 132, 226.

[6] Ср. латинопольские риторики, где видный отдел обыкновенно занимает «Просодия» с ее детально развитыми правилами всевозможных видов и форм стихотворений, особенно так называемых «фигурных».

*

Величковским.[1] Здесь между прочим находим разнообразные по схемам акростихи на имя «Мария», с пояснениями составителя их; так, здесь читаем:[2] «Акростихисъ вторый[3] такъже краегранесіемъ тое ж пречестное имя МАРІЯ выражаючый, тылко першые мовы в лѣтерах числомъ замыкаючій, яко то: м҃ значитъ четыредесятъ, а҃ еденъ, р҃ сто и проч.

М҃. ати денми землю одождивый,
А҃. тыи же Маріе Богъ сынъ твой правдивый
Р҃. иматъ овецъ, причти к тѣм и мя едину.
І҃. Давидъ со мудрыми предста......[4] сыну.
Я҃. Любо и не в числѣ бо без числа грѣшный,
Обаче числа святых да не буду внѣшный.

«Четыредесятъ.... еденъ.....» и проч. — здесь, как видим, применена знакомая уже цифирная система, дающая при подстановке цифр-букв то же имя.

Вариант представляет там же «Акростихисъ третый, в котором не преднѣми лѣтерами выражается тое имя МАРІЯ, якъ у вышшых, але встяжъ в обох строках раздѣляется теж имя на сvллябы, а по кождой сvллябѣ починается мова подобною сvллябою прешедшей сvллябѣ, яко бы кождая сvлляба, що значит толкуется.

МА мати блага Рі риза драга Я яже нас крыет,
МА малодушных Рі ризонужны Я якъ руно грѣет».

Таким образом секрет заключается в том, что для составления имени берутся первые слоги некоторых слов, нарочно подобранных с этой целью.

Распространяя несколько определение акростиха, можно к этому же виду тайнописи отнести и применение ряда слов, по содержанию либо не

---

[1] Этот Иоанн Величковский, как передавали, предок известного Паисия Величковского; рукопись же принадлежала одному из его потомков, священнику в г. Неживе (Черниг. губ.), и была выставлена на выставке Археолог. съезда в Чернигове в 1908 г, где на нее обратил внимание В. Н. Перетц (Новые труды по источниковедению др.-русской литературы и палеографии. Вторая серия, I—X, Киев, 1909, из Унив. Изв. за 1908 г., стр. 23—24). Мое же внимание на нее обратил преподаватель Нежинского Института А. С. Грузинский и доставил мне возможность ближе с нею познакомиться, за что пользуюсь случаем принести А. С. Грузинскому свою благодарность. Рукопись в лист, на 35 листах, писана характерным четким южно-русским полууставом, пострадала несколько от времени; содержание «Зегара» все сплошь посвящено образцам этого «затейного» письма.

[2] Передаю с раскрытием сокращений и упрощением графики.

[3] Первый акростих — обычный.

[4] В рукоп. лакуна.

связанных друг с другом, либо не имеющих отношения к скрываемой мысли пишущего, причем каждое из этих слов начинается буквой, которая с другими начальными вместе составляет затаенное слово.[1] Такого рода прием (анаграмма)[2] встречается у нас рано: писец Апостола 1307 г. (б. Патр. библ. № 722), упомянутого выше (стр. 108), рядом и как бы в пояснение дает этого рода криптограмму: «давыдъ . органъ, мысль.истина....» (далее слово не читается), что по начальным буквам совпадает с его же цифровой тайнописью: «Доми(дъ)».

Этот же способ, вероятно идущий в данном случае с Запада, т. е. независимо от способа, указанного выше из Апостола 1307 г., распространен главным образом там же на русском югозападе, как можно судить по той же рукописи И. Величковского, где есть и другие разновидности его; так, здесь читаем: «Пресѣкаемый есть вѣршъ, который едни имена пресѣкши другіе имена посредѣ ихъ помѣщает: *М*ног*А*я Із не СѸщих Созда сей тво*Р*ен*ІЯ* || да*ДѢ*мъ ХеРувИмСкую ТОму пѣСнь х*ВА*леніа». Взявши прописные курсивные буквы двустишия[3] получим: «Марія Дѣва»; взявши же не курсивные, получим: «Ісус Христос».

Тот же способ употребил И. Величковский для своего имени:

Іс х̃а ВЕЛИЧайм*О* я*К*ОВ вес ест Сл*А*дкій з*Н*аймо
Із несОздАННа отца восіявый чисте
ВЕЛИЧаю з матКОю тя ВсеСладкій х̃е
Автор до Чителника.
НАстрОЙ навспакъ цинобру, Если угадаешъ
ГоршИЙ кто з Сихъ ВОлКъ: Чи Левъ?
То мене познаешь.

Взявши большие курсивные буквы первой строки, получим: «ІОАН», не курсивные: «ВЕЛИЧКОВСКИЙ»; то же получим из больших букв 3 и 4 строк; то же дают и последующие строки, только с осложнением в виде «обратного» письма: «НАОИ ЙИКСВОКЧИЛЕВ».

Способ обозначения затаенного слова при помощи прописных букв, рассыпанных в тексте, не был чужд и русскому северо-востоку, как это видно из № 322 (711) собр. Забелина (Ист. Муз., «Планетник» 1784 г., см. выше, стр. 102): «ЛюбоПытный чИтателю мой въСедрАжайшій, прошу Все-

---

[1] Ср. выше, стр. 41.

[2] В старинных риториках называется «логографом».

[3] Набравы курсивом.

усерднѣ, что узришъ въ моемъ неудоборазсуднЫмъ писанИ неизъПравное, пРощѣние пОдаТь моему неудОбоумѣнїю въ Писанїи наставленїе и в мОихъ сихъ неизкусных ПадежахЪ наученЇе, и в неискуствѣ мОемъ сост Арѣхъся уже. о лютое зло лѣНость и праздность и неНаученїе, ибо оное три сЪплетенныя сѣти многаго богатства духовна лишїли. І всю жизнь мОю в суету обрАтили, а праздъНость и нещательНость всѣхъ людей пОвреждаетъ, и Всѣхъ благъ от бога всещедроподателя лишаетЪ и человѣки в скудость и во уничиженїе обРащаетъ, а тщателнОе прилѣЖанїе ко учЕнїю въСѣхъ возвышаеТъ и обогащаетъ, и нерадиВыя к тому жъ и сонливыя и пачЕ пїянНыя навСегда въ сКверныя рубІща облекаются и добрымъ людемъ гнуснИ являются» (л. 65). Подобрав прописные буквы (кроме первой) всего послесловия, получим: «Писавый протопопъ Іоаннъ Іоанновъ Рожественскїй».[1]

Обратный случай — когда вместо целого слова пишется одна первая его буква или только часть его букв (большею частью согласные) — также мог служить средством для тайнописи. Конечно, сюда относить нельзя общеизвестные, ходячие сокращения одной буквой употребительного слова или слова, ясного из побочных указаний (чаще всего рисунка), каковы: «І͠.Н͠.Ц͠.І͠» при изображении креста, или: «Г͠.А͠.Г͠.К͠.Т͠», объясняемые из изображений, при которых оне проставлены: глава адамова, губа, копие, трость.[2] Едва ли к тайнописи относятся и буквы, которые (по западному образцу) ставятся при гербах в старопечатных изданиях, преимущественно югозападной русской печати в XVI и XVII вв., где имя издателя, печатника или магната известно по гербу, посвящению или объяснению (чаще всего стихотворному) и т. п.[3] Сюда нельзя относить, пожалуй, даже монограммы, инициалы (нам, однако, иногда неизвестные), напр., граверов, художников в тех же книгах:[4] во всех этих случаях мы имеем дело не с намерением скрыть, а с простым желанием примениться к небольшому месту. Но уже с некоторого рода намерением затаить встречаемся мы там, где буквам, написанным или помещенным на предмете, приписывается

---

[1] Подобный же прием употреблен в рукоп. XVIII в. Ист. Муз. № 1821, лл. 1 об.—2 («Знамения пришествия антихриста»), где вместо прописных букв применена киноварь; запись дает: «Стефанъ, митрополит Рязанский и Муромский».

[2] Обычно на крестах-тельниках при так наз. «Голгофе»; см., напр., А. К. Жизиевского, Описание Тверского Музея, М. 1888, стр. 87, № 250, или его же, Тверской Музей 19 июня 1892 г., стр. 16, табл. II.

[3] См., напр., И. Каратаева, Описание славянорусских книг, изд. 2, №№ 101, 126, 145, 199, 335, 506 и т. д.

[4] Ср. там же, №№ 345, 508.

таинственный, символический или мистический смысл пишущим, почему возникают и соответствующие руководства для раскрытия их смысла: такими представляются ряды одинаковых букв, помещенных около распятия, объяснения коих встречаются и отдельно; объяснения эти[1] показывают, что эти ряды букв, как условные, действительно, нуждаются в ключе. В виде образцов можно привести выписки из двух рукописей Тверского Музея № 5014 и № 5015, из которых во второй — рисунок креста, находящегося в церкви Рождества Христова во Ржеве, а в № 5014 — «Сказание, како достоит сила крестная писати на кресте», дающее объяснение к рисунку ржевского креста; вот соответствующая выписка из последней рукописи: «на десной странѣ в началѣ стоятъ четыре добра азбучных словъ: ДДДД. *Толкъ:* Древо добро досада діаволу. На шуей странѣ: ДДДД. *Толкъ:* Древо дарует древнее достояніе ..... Ино сказаніе и толкъ о крестѣ Господни и подписъ: Т — творецъ, С — создатель, С — содержа, В — вся, Н — на древѣ, В — виситъ».[2] Разумеется, без подобной статейки смысл этих букв нам остался бы недоступен: они — тайнопись.[3] Еще с бо́льшим правом к области тайнописи мы можем относить те ряды букв, которые встречаются в заговорах-амулетах; если в большинстве случаев их смысл остается для нас скрытым,[4] то благодаря статейкам, изредка находимым в рукописях, мы можем не только заключать, что буквы эти суть начальные буквы слов тех или иных изречений, имеющих мистический или символический смысл, но и вскрыть самые эти слова. Такова, например, статейка в рукоп. XVII в. собр. Хлудова (Моск. Ист. Музея) № 176 Д (8°), л. 316 об.—317, где вторая часть содержит указание на амулет-заговор, а первая дает объяснение тех букв, которые следует написать на амулете. Привожу для образца эту небольшую статейку целиком.[5]

О седми словесехъ господнихъ (образъ бо божій есть умъ, слово и духъ).—Сия словеса, яже рече господь нашъ на крестѣ стоя: а҃-е слово ѿ: ѿпусти имъ, не вѣдятъ бо, что творят. в҃-е слово к разбойнику а҃: Аминь глаголю тебѣ: днесь со мною будеши в раи. г҃-е слово рече к̓ матери своеи и ученику глаголя: ж. жено, се сынъ твой, и ученику: се мати твоя...[6]

---

[1] Большею частью в иконописных Подлинниках, поздних старообрядческих сборниках.

[2] См. М. Сперанский, Описание рукописей Тверск. Муз., II (Тверь, 1904), стр. 93—94. В той же статейке разъясвение и других таких же букв (В, П, К, Б, ...).

[3] Подробнее об этом и ряд подобных текстов см. у А. И. Яцимирского, К истории ложных молитв. Изв. ОРЯС, XVIII (1913), 3, стр. 46 и сл.

[4] Ср. выше, стр. 42.

[5] Раскрывши сокращения и передавая текст гражданской.

[6] «Четвертое слово» опущено случайно в рукописи.

є҃-е слово глаголя господь Ісусъ Христосъ ж. желая искупленіа душямъ нашым: жажда. ѕ҃-е слово глаголя Ісус Христос отцу своему. ѿ: ѿче, в руцѣ твои предаю духъ мои. з҃-е слово глагола господь наш Ісусъ Христосъ. н: назнаменуа терпѣнія и болезни, иже насъ ради подъятъ, и вся тогда совершишася.— И сия седмь словъ божіихъ добро есть носити на собѣ всякому христіянину православному, или в дому ихъ держати: и не убоится никакоже зла, ни горкои смерти николиже, и никоторая напасть не пріидетъ ему, ни злыи духъ не можетъ пріити к тому человѣку. О Христѣ Ісусѣ, господѣ нашем.

Несомненно характер тайнописи, притом греческого происхождения, имеет так наз. «Пророчество царя Константина о Цареграде», переведенное в 1641 году:[1] «Написание, начертанное от нѣких святыхъ прозорливых отецъ, изображенное еллинскаго художества знаменми и положенное на камени, ископанном над гробомъ святаго Константина, перваго царя христіяномъ во градѣ Никомидійскомъ. Знаменіи иже образи сіи суть». Далее — ряд черных и под ними киноварных букв. В конце: «Сіе же истолкова премудрѣйшій патріархъ Генадій Цареградскій, бывый во время Іоанна Палеологова, царя греческаго». Затем — текст и под ним толкование. Привожу первые строки:

П р в и д к т ц рст з м л в н р ч н г ма м та м т в ж
«Перваго индикта царство измаилово нареченнаго магмета имать во еже

п б д т р д п л л г в
побѣдити родъ палеологовъ.....».

Греческий текст этой таблицы, якобы найденной на гробе царя Константина, известен давно по рукописям:

Τ π τ τ ιδ ἡ β λ τ ι μ λ ο κ λ μ α μ μ λ
Τῇ πρώτῃ τῆς ἰνδίκτου ἡ βασιλεία τοῦ Ἰσμαὴλ, ὁ καλούμενος Μωάμεθ μέλλει

δ αν τ π σ γ ν τ π λ ολ γ
διανατροπήσειν γένος τῶν Παλαιολόγων κτλ.[2]

Ясно, что для этого таинственного пророчества взяты отдельные буквы (преимущественно согласные) из полного его текста.[3] Такой же

[1] «А переведено сіе прореченіе з греческого языка древня письма на руской в лѣто от создавия мира 7149» — рукоп. Тверск. Муз. № 3237, л. 301 об. (XVII в.); то же — сборн. Погодина (Лен. Публ. Библ.) № 1579, л. 108 и № 1561, л. 120 об., с добавлением, что переводчиком был Гаврнил, митр. Назаретский, бывший в Москве.

[2] Издан у Migue, Patrolog, ser. graeca, CLX, 768; ср. Gardthausen, Paläographie, S. 284.

[3] Это пророчество издавалось и по-русски с греческим текстом не раз, напр., в «Истории о разорении последнем св. града Иерусалима и о взятии Константинополя...», М. 1713; в изд. 8 (СПб. 1788) эти таблицы на стр. 151.

характер тайнописи, и опять таки не русского происхождения, носят те заклинательные таблицы, которые помещаются в виде ряда букв в заговорах, входящих в состав лечебников.[1] К ним же отнести следует и известную «печать царя Соломона»,[2] часто встречающуюся в рукописях. Смысл ее, по толкованию «мудрого некоего ритора», в начале «о миробытном состоянии», в конце «о вочеловечении и втором пришествии». Русский «мудрый ритор», кажется, видел в этих словах те буквы, которыми начинаются слова, общий смысл коих он и изложил в четверостишии и следующем за ним стихотворении в 25 строк с «краегранесием» из тех же букв: о сотворении мира, грехопадении, рождестве Христове и о втором пришествии. На деле же в этом магическом квадрате («сатор, арепо, тенет, опера, ротас») заключается, кажется, латинское средневековое заклинание сатаны: «o satan pater ter oro a te spero», которое составляется из букв этого квадрата.[3]

Прямо уже тайнописью являются для нас инициалы писцов и авторов записей, встречаемые в рукописях; вот несколько таких записей: 1) «Совершися и написася сія богодухновенная книга («Просветитель» Иосифа Волоцкого) ......7276 (1768) лѣта ...Р. М. І. С.» (Царск.-Увар. № 184); 2) «здѣлана си Минѣя лѣта 7100 (1592) го іюня 9 день М. Я. К. Л. И.» (там же № 257); 3) «первый во грѣшницѣхъ, послѣдній въ человѣцѣхъ І. В. П. П. В., по числу литерослагательнаго начертанія 259» (там же № 258); 4) «лѣта 7205 (1697) го мѣсяца августа в 1 день написася книга сія (Сказание о Флорентийском соборе) радѣніем многогрѣшнаго Д. А. И.». В силу совершенной случайности этих букв и полного отсутствия каких бы то ни было посторонних указаний на лица, писавшие эти записи, раскрытие этих шифров не представляется возможным.

VII.

В применении *необычного порядка* букв или слов в качестве тайнописи, повидимому, довольно обычном в старой письменности, можно различать несколько приемов: то пишут слова в обратном порядке букв (от правой руки на лево), то делают перестановку букв и слогов внутри слова, сохраняя обычный порядок слов, то слова располагаются в строках в условном

---

[1] См., напр., Starine, X, 92—93

[2] См. ее изображение у А. Х. Востокова, Описание рукоп. Рум. Музея, стр. 541, или у В. М. Ундольского, Описание рукоп., столб. 81—82 (со ссылкой на Геннадия, еп. Новгородского).

[3] Ср. И. А. Шляпкин, Дмитрий Ростовский и его время, СПб. 1891, стр. 77.

порядке, то письмо, вместо обычного горизонтально-строчного направления, получает форму замкнутой фигуры — рисунка, составляемого таким образом из букв и слов.

Самый простой вид этой тайнописи — простое обратное направление письма — засвидетельствован для русской письменности уже в XVI в.,[1] напр., в рукописи б. Соловецк. мон. (ныне в Лен. Публ. Библ.) № 227 (262) на л. 485: «Бꙋ славимомоу в трцы, давшомоу ми поти и наврьшити книгоу сїж маа ѿ ѣданегиынишѣргьласипа, помпнаи мѧ ѡ҃че въ молитвахъ своихъ. аминь. аминь.».[2] Писанное обратным письмом читается: «а писалъ грѣшныи генадѣ». То же находим и в Прологе Виленской Публ. библ. XVI в. № 101—191 на л. 404 об.: «ъшорг аз ъшург ъмад умот тетчорп еис отк» т. е.: «кто сие прочтет, тому дамъ груш за грошъ».[3] Примеры подобного письма встречаются и позднее; так, в не раз упомянутой рукоп. б. Типогр. библ. № 1028, XVII в., л. 130 читаем:

ѡвтсьпѣривс идиѿ	прїиди кротость
еирдꙋмолѕ идиѿ	прїиди смиреномꙋдрїе
ьтсиванен идиѿ	прїиди любовь
еітсечен окѧсв идиѿ	прїиди всѧ блгаѧ;
еідармсолѕ окѧсв идиѿ	прїиди чтото дш҃е
.анревкс акѧсв и аболѕ и	внаѧ и тѣлеснаѧ;

В этой антитезе левый столбец, писанный «обратным» письмом, читается: ѿиди свирѣпьство..... ѕломꙋдрие..... ненависть..... всѧко нечестіе..... всѧко ѕлосмрадіе и ѕлоба и всѧка скверна.»[4]

В рукоп. XVIII в. Общ. Ист. и Др. Рос., № 391, на задней стороне доски переплета — подпись владельца: «ѧис агинк арефикин авеефтам», т. е. «Сиѧ книга Никифера Матфеева».[5]

И в XIX в. еще практиковалась, быть может, преимущественно в старообрядческих кругах эта манера; так, в рукоп. этого века (Сборник

[1] Не XIV-го, как ошибочно (опечатка) указано у А. И. Соболевского, Палеография, стр. 108.

[2] Описание рукописей Соловецкого монастыря, Казань, 1881, I, стр. 355.

[3] Ф. Добрянский, Описание рукоп. Виленск. Публ. библ., Вильна, 1882, стр. 200; запись может быть позднее? Тем же способом подписал в XVI в. (ок. 1543 г.) рукопись бывший игумен Ферапонтова мон. Кассиан Булгаков: «сїю книгу дал грѣшныи касьянъ ъвокаглуб...» — рукоп. Н. К. Никольского (см. Христ. Чтение 1862 г., Приложение: Журналы Совета Академии, отзыв о соч. Бриллиантова, стр. 11).

[4] См. выше, снимок 65. Буквально то же в рукоп. б. Увар. № 105, л. 62.

[5] Е. И. Соколов, Библ. Общ. Ист. и Древн., М. 1905, стр. 193.

кантов, стихов, сектантских песен) библ. б. Нежинск. Инст. № 180 под отдельными стихотворениями переписчица их какая-то Катерина поместила свою обратную подпись.[1]

Некоторое видоизменение «обратного» письма видим в надписи, выгравированной обронно на обрезе замечательного металлического оклада XVI в. (1577 г.) Евангелия собр. б. Увар. № 972 (Моск. Ист. Муз.): здесь (в целях, конечно, несколько затруднить чтение очень не хитрого простого обратного письма) резавший надпись перевернул в обратную сторону и самые начертания букв. Эта довольно длинная (шесть строк) надпись читается так: (1) «Бж҃иею милостию изволениемъ ст҃аго дх҃а при благовѣрномъ цр҃е (2) великомъ кнѧзе ивана васильевича всеѧ рꙋси во преименитом (3) граде вологдѣ (пр)и свщ҃ноеп҃кпе варламе волоцкомъ ||| лѣта ҂з҃п҃s҃го ||| на покровъ ст҃ыѧ бц҃и ѡбложено сие еуан҃гле в (4) дому у ѳеодѡра стратилата а ѡкладывалъ стратилатовскоі попъ ѳеѡдорищо своімі труды грѣшными (5) а гдѣ бг҃ъ сподобитъ сие еуанг҃ліе во цр҃кові вы бы бг҃а ради мою (6) душу грѣшную поминали во ст҃ыхъ своіхъ молитвахъ».[2] И позднее эта манера встречается в рукописях; так, в рукоп. б. И. Е. Забелина № 19, XVII в. этим письмом подписался владелец Арифметики Григорий Козминъ, а в 1802 г. подобную же запись сделал на принадлежащей ему книге Суздальский купец Василий Осмникин (рук. б. Барсова (Ист. Муз.) № 31 доп.).

В виду простоты самой идеи «обратного» письма едва ли следует и ставить вопрос о происхождении этой тайнописи.

Случаи условного порядка букв в слове (или слов во фразе) могут быть по известным нам памятникам отмечены уже с конца XVI в., хотя и в специальной области письменности — дипломатической переписке: вероятно, тогда этот способ тайнописи имел еще ограниченное употребление, а потому и нашел здесь свое применение; позднее мы встречаемся с ним и вне этого круга. Такова записка, приложенная при «отписке» К. П. Савина, русского посланника к грузинскому царю Александру, в конце 1597 г. Прилагая снимок (рис. 67) с этой небольшой записки,[3] привожу

[1] М. Сперанский, Рукописное собрание библ. Ист.-Фил. Инст. кн. Безбородка. Приобретения 1901—1905 гг., стр. 35.

[2] См. Древности, Труды Моск. Арх. Общ., XXI, 2, стр. 8; здесь же и снимки надписи.

[3] Первое известие о дипломатической тайнописи имеем от 1589 г.: грамота к австрийскому императору писана «письмом мудрою азбукою, чтоб оприч цес. величества никто не разумел» (Зап. Русск. Арх. Общ. V, СПб. 1853, стр. 156 и сл.); едва ли эта грамота писана была тем же способом, что записка Савина: в цесарской грамоте дело идет, повидимому, об особых начертаниях букв (хотя бы вроде тех, которые так любил ц. Алексей Михайлович), в записке Савина начертания букв общепринятые, но им придан необычный порядок.

первую строку ее[1] и полное чтение:[2] «опазедьражьн(ю)ач(е)ьтъвацѣрашоттс (и)отьлокешъвак — ъл»; чтение: «по задерьжанью чаеть въ царѣ шатости только шевъкалъ гс҃нодарю добьеть челомъ ізъ гърꙋзеи чаеть по҃ловъ не пошълють говорятъ таино только де гърꙋзин҃ькои земьлѣ і челобитьꙗ ко гс҃подарю шътобъ шевъкала воевалъ а коли шевъкала воевать не таꙋтъ ино пословъ нѣчего посылать». Таким образом здесь буквы каждого слога переставлены в обратном порядке, причем некоторые буквы (именно: гласные, составляющие слог) опущены под строку, но порядок слогов слова

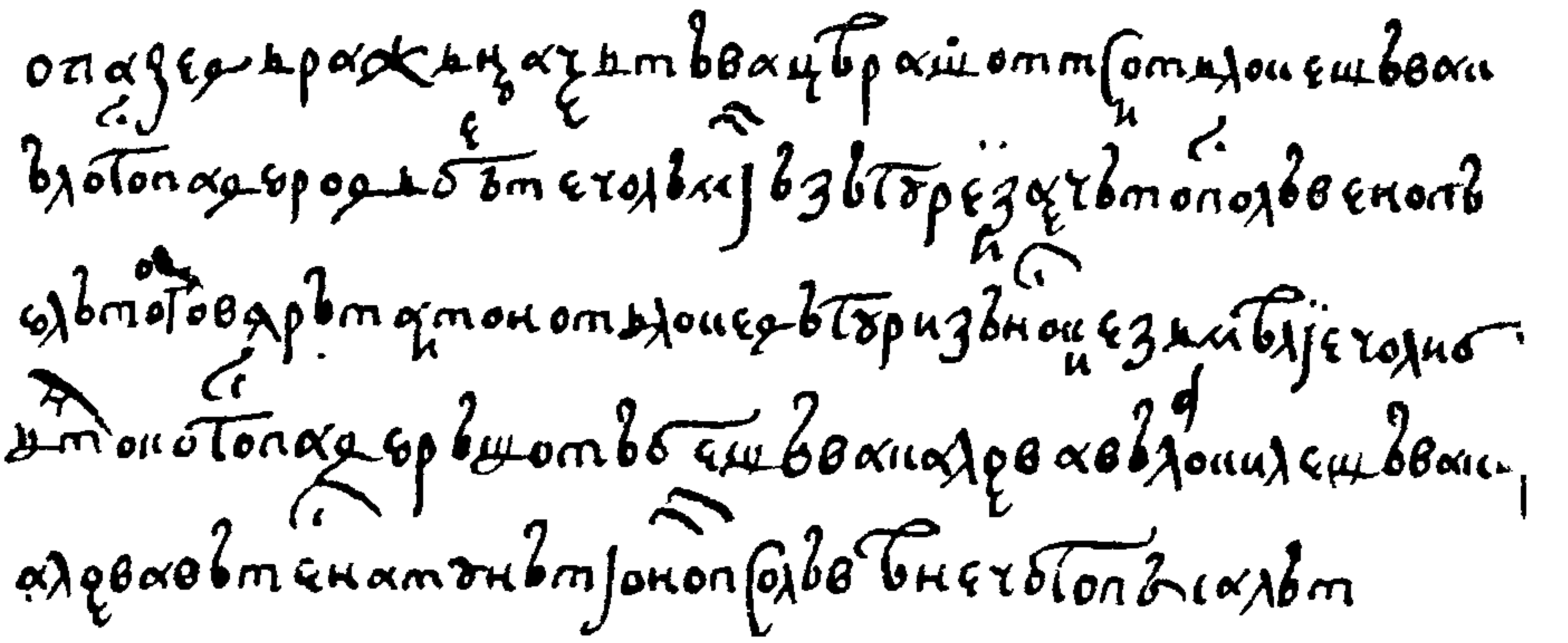


Рис. 67.

остается нормальным. Тот же прием перестановки букв в слогах с сохранением нормального порядка их и слов, находим в сборнике XVII в. Гос. Публ. Библ. № 1590 (из Погодинских, л. 195), где после статейки о видении Нифонта—тайнопись: «опимулиямжбеопевилецимсилтоивтоиеоипнмоигмъещ рдоатъмвтиомъ», которая по указанной системе читается: «помилуй мя бже по велицей милости твоеи и по многимъ щедротамъ твоимъ». Разница от тайнописи Савина только та, что буквы гласные, составляющие отдельный слог, остались в строке.[3] Перестановку слогов без перестановки букв в слоге дает запись на Домострое в списке 1689 года рукопись б. Увар. № 109 в 8°, л. 124: «Написаса книга сіа гл҃емаꙗ домострой лѣта ЗРЧИ го ноꙗбрꙗ

[1] Буквы, писанные под строкой, передаю в строке в скобках.

[2] Издана, но не вполне точно, А. С. Белокуровым, Сношения России с Кавказом 1596—1599 г. (Чтения Общ. Ист. и Древн. Росс., 1888, III, 312 и сл.); в рецензии на это сочинение Н. Веселовского (ЖМНП, 1890, II, 379) также дано чтение этой записки, но также неточное.

[3] Ср. А. Ф. Бычков, Описание рукописных сборников П. Б. (СПб. 1882), стр. 224; издатель тайнописи, приведя ее, заметил: «переписана до того не исправно, что прочесть ее не возможно». Он ее не мог прочесть потому, что принял за литорею (т. е. систему замен).

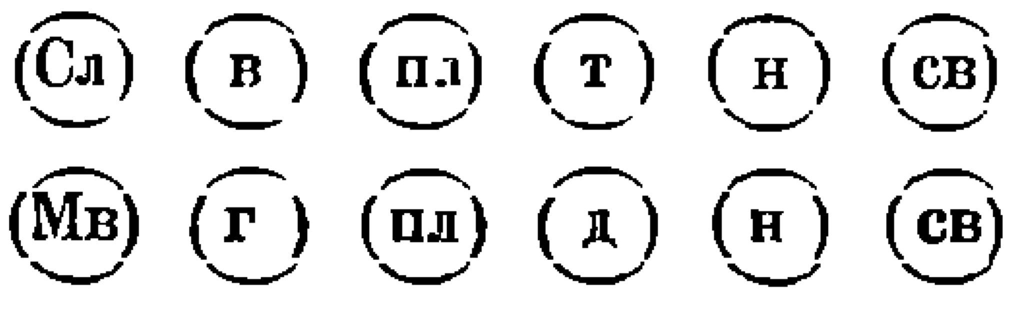
въ з̄ днь. ко́юрꙋ ѡ҆нагогрѣ̀ ба́ра тыники дороваоѐ насы̀. а̀ сыва̑спи гискни бо̏сковоко̑но (?) папо р҆фирьѧпе; Арипъ.», т. е. «рꙋкою грѣшнаго раба Никиты Өедорова сына. а списывл с книги бо Николсково (?) попа Перфирьѧ; Аминь.» Последнее слово — простой литореей. Ряд поздних примеров условного порядка букв и слов дает упомянутый выше Иоанн Величковский в своем «Зегаре». Так, у него на имя «Мария» с различной перестановкой слогов и букв дано целых 26 вирш, напр.:

Котрыи з рая выгнаны, недбайте:
АМ РАІ Марія ко мнѣ утѣкайте.

Или: Маріа ест надежда РАЯ МИ едина,
Сія ми рай обрѣсти упросит у сына.

Или: Ра(ями) Маріино имя насажденно,
. . . . над всѣ роскоши рая возлюбленно;
Аще бым моглъ Марію, рай мысленный, зрѣти,
И тмами тем раямї готов бым гордѣти.

Тот же Величковский дает такой вирш:



причем поясняет: «Единогласный естъ вѣршъ, в котором каждая сvлляба единою гласною лѣтерою замыкаетъся, именно сею: О». Таким образом приходится читать: «Слово плотоносно многоплодоносно».

Он же под названием «вѣршъ жертовный» (т. е. шутливый) дает парные вирши, истинный смысл коих получим, если будем читать по очереди слово верхней строки, а за ним слово нижней, стоящее под первым, напр.:

Оставъ молитву, дѣвство растли, злых чти, друже,
Лѣность люби, сохраняй злость, добрыхъ лай дуже.
Возненавижд трезвенныхъ, пьяницъ люби зѣло,
Гордыхъ почитай, злословь смиренныхъ всецѣло.

Все эти приемы о. Величковского, ясно, носят характер забавы, шарады, а не тайнописи в собственном смысле слова.

Уже некоторое соединение с «фигурным» письмом представляют тайнописи, где буквы расположены не только в условном порядке, но и образуют, взятые вместе, фигуру, чаще всего — прямоугольник или квадрат;

такие комбинированные формы — так называемый «лабиринт» — встречаются в старопечатных книгах, например, в «Рифмованной псалтири» Симеона Полоцкого (М. 1681), где задача заключается в том, чтобы найти начало записи (прием фигурного письма), установить порядок букв отдельных слов (прием «условного порядка»). Иногда задача осложняется введением в запись еще какого-либо вида тайнописи; так, в рукоп. Забелина № 322 (упомянутый Планетник свящ. Иоанна Иоаннова, 1783 г.) л. 28 об. дан такой прямоугольник из букв в 12 вертикальных рядов:

N	а	л	Н	р	н	ѣ	п	о	т	о	ѧ
и	д	с	о	е	д	и	о	п	ѣ	ͼз	п
с	ж	.к	е	с	ѣ	ш	т	ъ	л	с	Ч
а	ȣ'	і	р	т	л	и	о	І	ъ	ч	ѧ
л·	Л	ѧ	е	о	с	Ш	р	о	ш	а	і
ъ	ȣ	Л	і	л	о	ъ	N	а	ъ	г	п
Л	к	о	х	н	N	ч	ъ	п	в	о	п
і	т	б	р	ы	и	е	х	п	о	Р	ȣ
ю	а	о	А	ѧ	в	л	ѣ	ъ	п	ѣ	і
Т	р	р	ѧ	Д	к	о	ц	І	П	с	а
е	т	н	ы	е	р	в	ѣ	о	а	е	ц

Читать этот ряд букв надо, начиная с верхнего левого угла вниз; следующая строка читается снизу вверх, третья опять сверху вниз и т. д. Прописные буквы, разбросанные в записи, поставлены вместо настоящих по ключу «простой» литореи; по нему же и часть строчных букв. Таким образом все двенадцать строк следует читать так: «Писалъ сію те-граткȣ Суждa-лскіѧ соборн-ыѧ архіереоп-рестольпыѧ це-ркви послѣдн-ѣиш въ челов-ѣцѣхъ протоп-опъ Іоаннъ Іо-анновъ лѣт-о 7291 го мѣсе-ца іȣнніѧ днѧ.»

Что касается письма, названного выше «фигурным», то, допуская такую форму затаения вполне возможной теоретически, среди пересмотренных рукописей ее встретить не пришлось; вероятно, она чаще могла бы найтись среди рукописей юго-западных, так как эта форма по происхождению должна считаться западно-европейской по преимуществу и должна была прежде всего проникнуть — скорее всего, через школу — в юго-западную русскую письменность. Самая идея подобного «фигурного» письма, помимо упомянутого выше молдавского Служебника XVI в., допускающего

и русское влияние,[1] идея эта в зачаточном состоянии может быть отмечена довольно рано: в новгородском Прологе XIV в. б. Патр. библ. № 239 на л. 17 писец волнообразной линией записал: «ст҃ыи х҃въ моу҃ницѣ климѧнтъ поспѣши рабоу своѥмоу козмѣ».[2]

Способ писать крестом, знакомый по греческим еще рукописям (Gardthausen, Griechische Paläographie, S. 121), а также и югославянским (Др. Костић, Тајно писање, стр. 26; ср. Е. Ф. Карский, Палеография, стр. 244) встречается в русских рукописях до довольно позднего времени: такой крест видим, напр., в рукоп. И. Е. Забелина (Истор. Муз.) № 742 XVII века. Конечно, о каком-либо желании «затаить» речи здесь быть не может: это — затея искусника писца.

ь
н
и
м
ьнимАминь
м
и
н
ь

VIII.

Условно к тайнописи, как к такому виду письма, которое необычно и потому представляет сравнительно с обычным затруднение для читающего написанное, можно отнести также некоторые виды письма «связного», вязи, но отличной по технике от обычной, встречаемой в рукописях в заглавиях и имеющей свои правила и свое назначение. Такое «связное» письмо представляет так наз. *монокондил* (μονοκονδύλιον), т. е. такое письмо, когда пишущий, почти не отрывая пера от бумаги, старается одним приемом написать все слово, переплетая буквы между собою и добавляя соединительные штрихи так, что с некоторым трудом выделяются начертания отдельных букв, вставляя одну букву в другую, помещая одну букву над или под другой и т. п.[3] Такого рода «хитрое» письмо (чаще встречаемое

---

[1] См. выше, стр. 8; подробнее в статье А. И. Яцимирского, Древности, Труды Славянской Ком. Моск. Арх. Общ., III.

[2] Эту запись сообщил мне Н. П. Попов.

[3] Отчасти те же приемы мы встречаем, как известно, в русской скорописи; но разница между монокондилом и скорописью та, что последняя, преследуя цель быстроты письма, однако не злоупотребляет этими приемами, ограничивая себя четкостью письма и употребляя эти приемы по необходимости, тогда как монокондил ставит себе целью вычурность письма и сложность в дешифрировке.

в конце статей) находим еще в греческих рукописях X в. и особенно XIII—XIV вв. (Gardthausen, op. cit., S. 113), встречаем и у югославян в XV в. (Костић, ук. соч., стр. 7—8). Вероятно, через югославян, частию, может быть, и через греков непосредственно явилась мода на такое письмо и у русских. Из примеров подобного монокондила любопытно отметить два—оба XVI в. и оба характерные в том отношении, что подчеркивают свою связь с греческим письмом; один имеем в рукоп. Ундольск. (Рум. Муз.) № 53 (Псалтырь с восследованием), где надписи на полях сделаны на манер греческого монокондила; таковы (см. рис. 68—70):

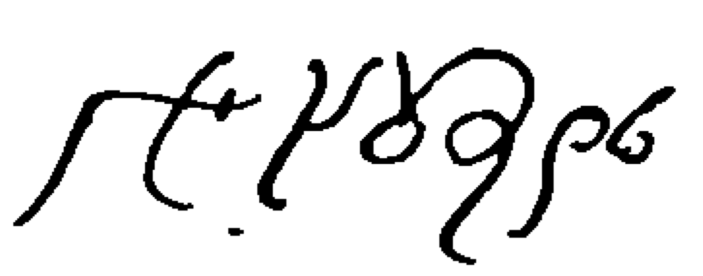

= генȣарь (л. 320),

Рис. 68.

= одігїтрїю (л. 459 об.)

Рис. 69.

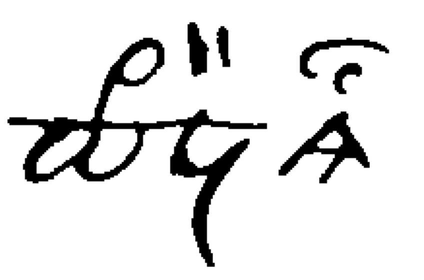

= причѧ (л. 559 об.)

Рис. 70.

Влияние греческой графики здесь сомнению не подлежит. То же видим в рук. б. Арх. Мин. Ин. Д. № 159 (Макарьевская Минея-четья, май); см. рис. 71—74.

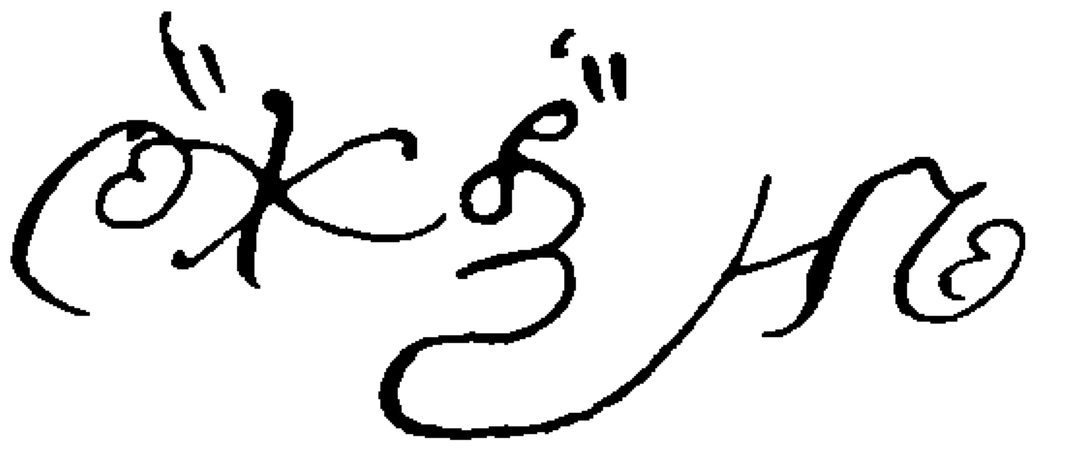

= сеи же ризнче (л. 368 об.)

Рис. 71.

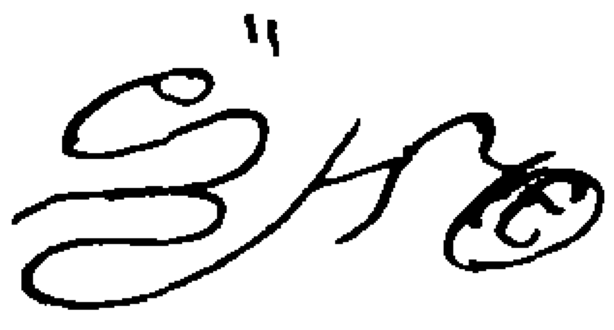
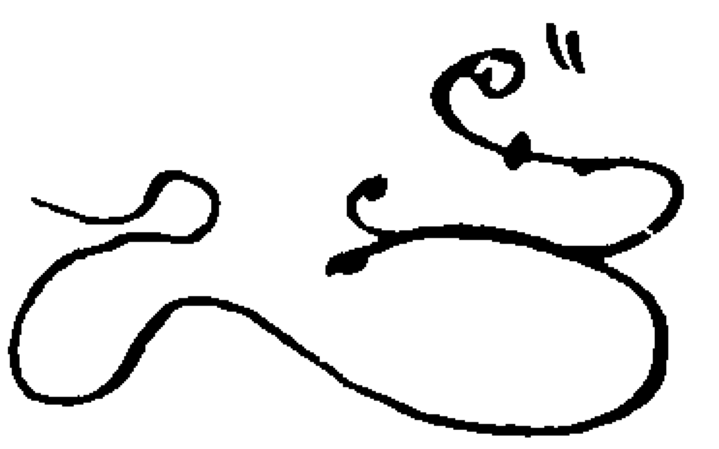
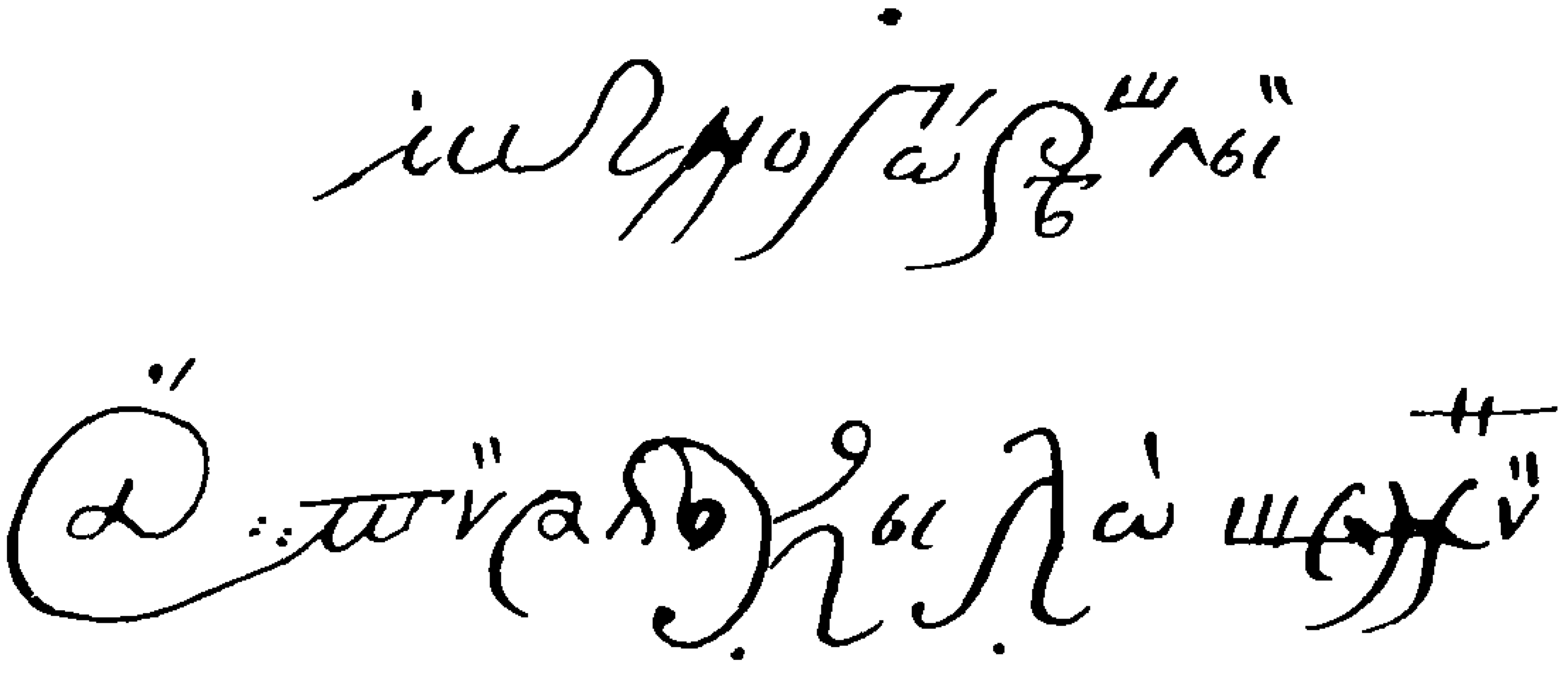

= ризнче (л. 408)

Рис. 72.



= зри (л. 478)

Рис. 73.



= мъногωгрѣшнъ̈ а̀ пѷсалъ крылὼ-шен҃ѷ (л. 499 об.).

Рис. 74.

Повидимому, тот же принцип применил отчасти к своей тайнописи «измененных знаков» писец вяземского Евангелия 1527 года (см. выше рис. 49, и особенно вторую половину записи у А. И. Соболевского в «Палеографических снимках» (1901), табл. XXV). Возникши из греческого монокондила, русское «связное» письмо редко, повидимому, достигало той виртуозности и сложности, какие мы встречаем у греков и югославян. Все же редкие случаи, действительно, сложного и искусного «связного» письма можно указать и в русской письменности; в этих случаях связь такого письма с греческим особенно бросается в глаза. Такова запись упомянутого раньше замечательного каллиграфа Матфея Десятого (стр. 106) на л. 477 об. собрания библейских книг, писанного в Вильне и Супрасле в 1507 г. (Библ. Ак. Наук, 24. 4. 28).[1] Читается она так: «Величитъ д҃ша моя господа, и възрадовася д҃хъ мой о б҃зѣ сп҃сѣ моемъ». В петлях записи в виде разбросанных букв — имя того же Матфея Десятого (см. рис. 75).

Вязь в собственном смысле и обычном употреблении (как вид художественного письма, имеющего целью украшение рукописи, и подчиненного своим законам)[2] для тайнописи, даже в более широком смысле термина, не употреблялась. В интересующем же нас теперь случае имеется в виду такое

---

[1] См. Известия Отд. русск. яз. и слов., VIII, 2 (1859) стб. 144; ср. Gardthausen, Griech. Paläogr. S. 114.

[2] Ср. В. Н. Щепкин, Вязь. Древности, Труды Моск. Арх. Общ., XX.

особенное, необычное письмо, которое или умышленно сделано трудночитаемым, или стало таковым, как раз потому, что оно, пользуясь связными начертаниями, приемами обыкновенной вязи не руководствуется или руководится очень мало: это — или результат стремления к оригинальности (может быть экономии материала, влияние греческой тахиграфии?), или дурно понятый греческий прием подобного же письма вязью. Старейший пример подобной произвольной вязи на русской почве относится к XIV веку: в рукоп. б. Чудова мон. (б. Патр. библ.) № 11 и в рукописи Ф. Толстого (Ленингр. Публ. библ.), II, № 235 (лист из той же Чудовской рук.) находим весь текст в два столбца сплошь писанным этим «связным» письмом, действительно, трудночитаемым еще и потому, что рядом со

Рис. 75.

«связными» начертаниями нескольких букв вместе мы имеем необычные условные сокращения для обозначения отдельных букв и слов (см. рис. 76 с л. 113 об.).[1]

Обычное чтение приведенного снимка рукописи даю по современной ей другой рукописи б. Патр. библ. № 954 (л. 141 об. стб. 3—4): Имамъ сице ѡ сѣ̑. ꙗко же ӥ самъ сѧ прѣпираю. и зѣло правѣ. не вѣдѣ же на что ино оубо потребую слове̑. ӥли когда оубо паче собѣ ли подамъ. ӥли похвалѧющимъ нравъ добръ ӥли словесемъ самѣмъ. или мужю сему въщюжюсѧ. мнѣ оубо сии долгъ да оубо будеть постижнѣ и нарече̑. долгъ же оубо но ꙗко бл҃гымъ. и ино ӥ словесе слово. тѣ̑ оубо въ сласть да будеть вкупѣ и оутѣшеньє. на нравъ добръ слово. ӥхже бо похваленꙑ вѣдѣ тѣ̑. ӥ приложеныꙗ зѣло ни въ єдином же бо всѣхъ нѣ̑. в немже сего не акы всѣ̑. и словесемь бо самѣмъ ѻбоюду ӥмать деꙗнье добрѣ. аще близь

[1] Об этой рукописи см. К. Ф. Калайдовича, Иоанн Экзарх, М. 1824, стр. 57 и 114, прим. 84; ср. П. Н. Петров, Хранилище Чудова мон. Памятн. древн. письм. СПб. 1879, IV, стр. 143. Снимок с Толстовского листа см. у Калайдовича, Приложения, № 13.

придуть достоіньй свою силу ıавлающа. аще ли многомъ ѡстануть. іеже ієсть вьсю нужу подъıати. похвалающіи того дѣломъ ıавлающимъ оуменье й оуншиноу. іли по словеси сілѣ быти хвалимому.

Здесь сокращения некоторых начертаний напоминают «полусловицу» (см. выше, стр. 83): ᾿ = ъ, ` = ѧ, ‹ = к, ɯ = м, + = ѣ; для ʒ взята точка на высоте полустроки; двоеточие после буквы означает сокращение слова: *з:* = земля, *д:* = добро, *н:* = наш, *с:* = слово, *ѕ:* = зѣло (т. е. сокращение по названию букв в старой азбуке);[1] *і* всюду заменяет собой *и*; сверх того писец усердно выносит буквы, особенно *о*, вверх строки.

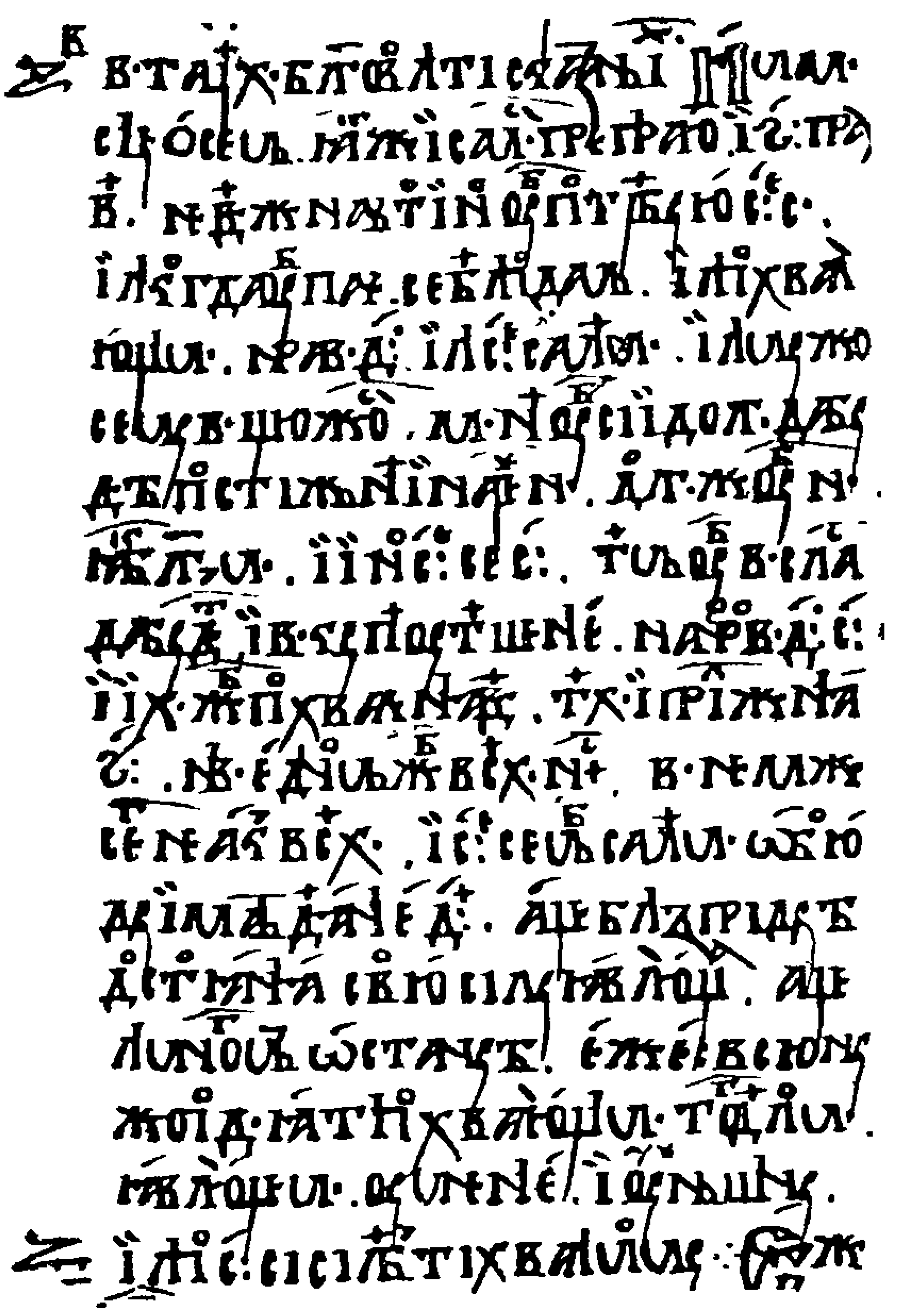


Рис. 76.

Того же типа и запись (плохо сохранившаяся) Акиндина в известном списке XIII в. сочинения Иоанна Дамаскина о правой вере в переводе Иоанна Экзарха (б. Патр. библ., № 108, л. 290 об.).[2] Иной тип письма представляют заглавные строки и приписка на л. 1 Стихираря б. Троицк. лавры 1380 г. (№ 22—1999):[3] это — «неумелая и сложная игра вязью, нестройный хаос дурно понятых приемов, осложненных к тому же комбинациями совершенно произвольными».[4] Характерно здесь желание не столько связывать

[1] Тот же прием изредка встречается в Златой Цепи XIV в. Троицк. лавры № 11 (ср. Ф. И. Буслаева, Историч. хрестоматия. М. 1861, стб. 504), в Коломенской Палее 1406 г. и др.

[2] Снимок см. у Калайдовича, ук. соч. № 12, чтение — там же, стр. 57, или в Описании рукоп. Моск. Синод. библ., II, стр. 294 (более полное). Запись Акиндина составители Описания считают более поздней, нежели текст рукописи.

[3] В Описании рукописей Троицкой лавры, I, М. 1878, стр. 36, неправильно отнесена рукопись к 1303 г. Снимок заглавных строк дан также в Палеографии Е. Ф. Карского, стр. 417.

[4] В. Н. Щепкин, Вязь (отд. отт. из Древностей, Труды Моск. Арх. Общ. XX), стр. 10.

*

в одно группы букв на основании слияния их частей (как это бросается в глаза в Чудовской рук.), сколько стремление получить из больших и меньших по своим размерам букв сплошную, тесно заполненную строку. Первый снимок (рис. 77) читается так: «Начатокъ книгамъ гл҃амъ сти-

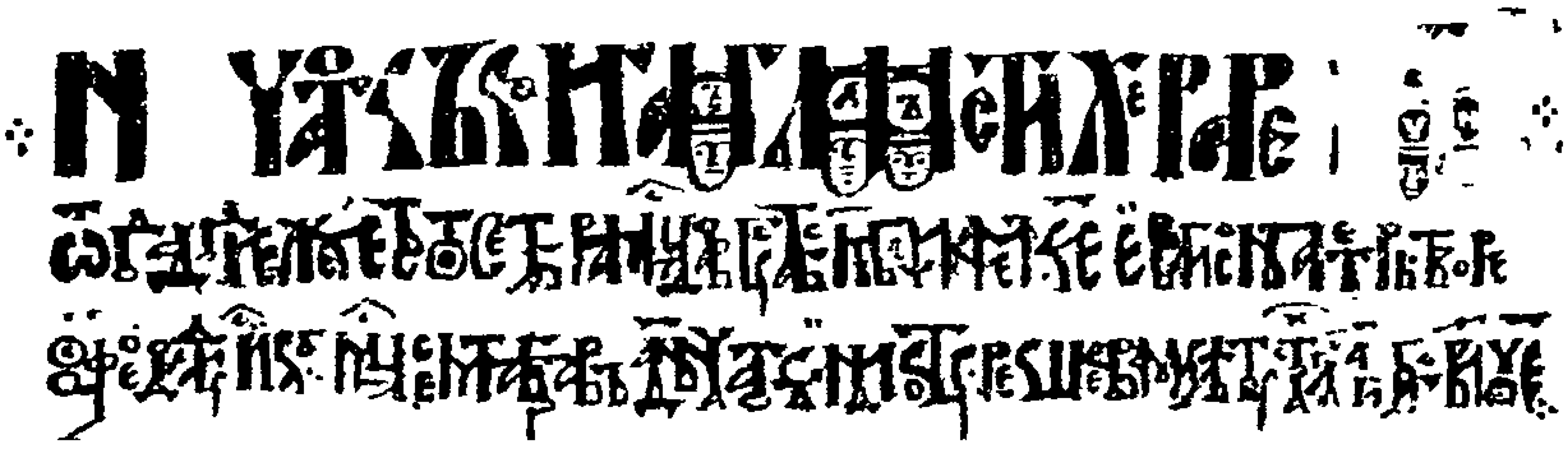


Рис. 77.

херареви мс҃чному ·:· | ѿ года до года кже кстъ о҃ семтꙗбрꙗ мц҃а до августа с б҃мь починакмъ к҃н євлогисонъ патерь творе҃є | с҃ого ѳеѡдора студийскаго ·:· мц҃ꙗ семтꙗбрꙗ въ а҃ дн҃ь начатокъ йндиктоу. рекше новомоу лѣтоу. ст҃ра гл҃а а҃ г҃и бл҃гви оч҃е.» Второй (рис. 78) внизу той же страницы на поле: «м(о)ногогрѣшный рабъ бж҃ий епифанъ. въ(?) недостоꙗньи своимь написа си». Несомненно утрировка, произвол при соединении букв, в подобных надписях вели к тому, что, являясь трудными для чтения, эти «хитрые» строки приближались к настоящей тайнописи, требуя для прочтения и остроты зрения и догадливости. Такого рода письмо служило, повидимому, писцу для того, чтобы щегольнуть своим искусством, а вместе с тем (как во второй надписи в Стихираре) и скрыть (во всяком случае затруднить чтение) свое имя. Если первый образец искусственной вязи (рис. 77) можно сопоставлять с греческими текстами, попытавшимися применить вязь к строчному письму (какова напр., вязь рукоп. 1059 года Ватиканской библ.),[1] и видеть в нем дальнейшее одностороннее развитие этой манеры, доведенной до утрировки, то для второго (из Стихираря), может быть, следует искать прототипов на юге славянства, где византийская вязь получила дальнейшее развитие (В. Н. Щепкин, ук. соч., стр. 14) и с конца XIV в. находит себе отзвук на Руси, даже входит в моду в пер-

Рис. 78.

[1] Снимок из нее см. у В. Н. Щепкина, Вязь, табл. XLV.

вой половине XV века (Пахомий Серб).[1] Может быть, и для первого образца следует искать югославянского посредства, так как у византийцев в силу структуры самого греческого письма (сравнительно бедного элементами для образования комбинаций вязи) вязь большого развития не получила, уступив эту роль югославянам,[2] у которых (по крайней мере в хризовулах) видим вполне развитую вязь уже в XIII в.

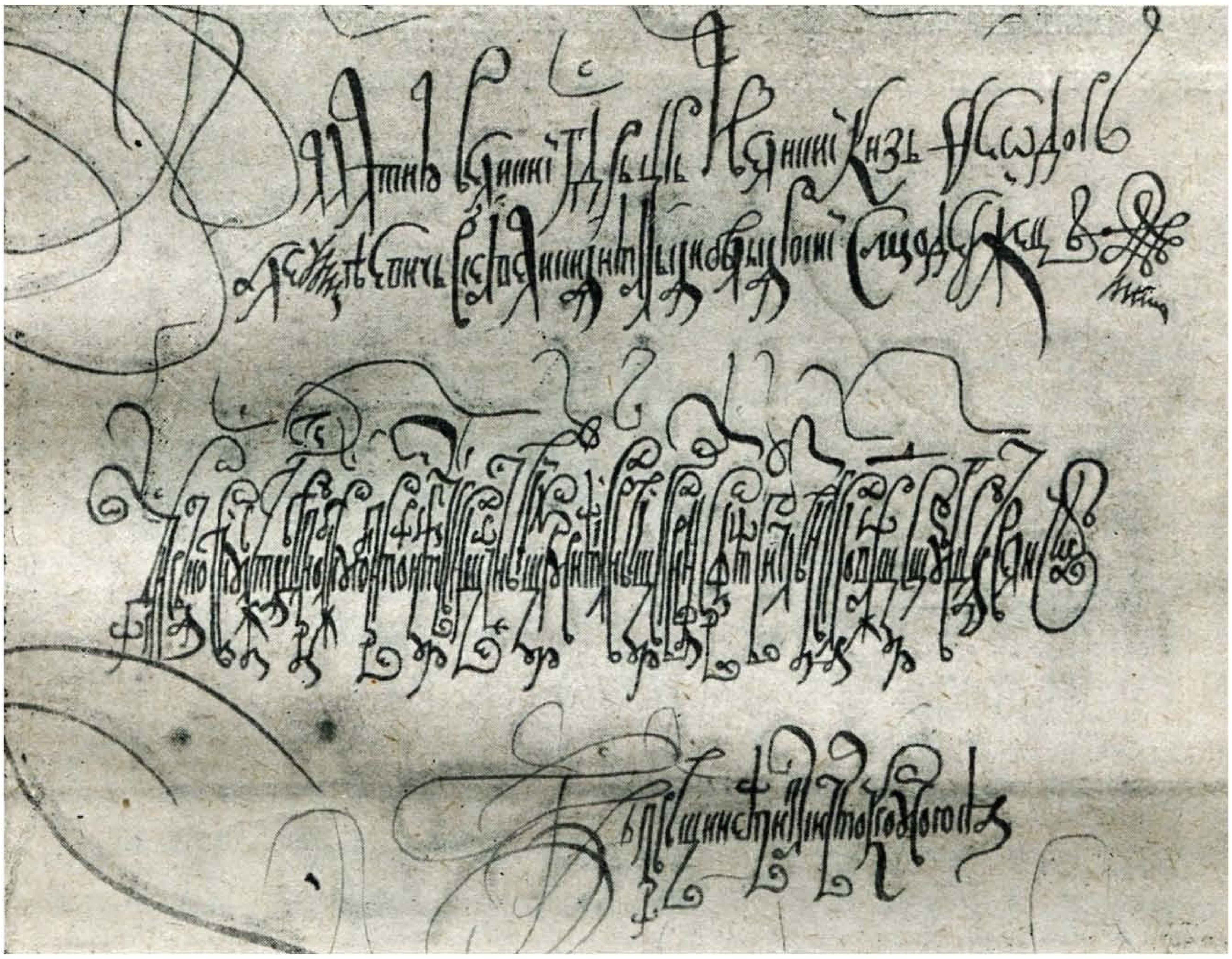


Рис. 79.

Надо полагать, иного происхождения искусственная вязь, также приближающаяся к тайнописи, которая встречается в XVII в. в прописях: щегольство, красота строки в ее кудреватости, стремление к замысловатости привели составителей подобных руководств к употреблению своеобразной не то вязи, не то монокондила в применении к скорописи. Образцы подобного письма встретились в столбце-прописи б. Моск. Арх. Мин. Ин. Д., XVII в., № 251—456: здесь, после обычных образцов начертаний ряда букв азбуки, даны образчики такого сложного письма (рис. 79 и 80).

---

[1] Ср. Карский, Палеография, стр. 242.

[2] Ср. Щепкин, ук. соч., стр. 12—13, и Карского, ук. соч., стр. 240.

Первые две строки первого снимка содержат титул царя Феодора Алексеевича, третья — молитву: «Достойно есть»,[1] четвертая заключает фразу: «Господь просвѣщение мое и спаситель мой кого убоюся?», наконец, второй снимок — фразу: «Господь защититель животу моему: от кого устрашуся?» Основной принцип этого письма — длинные, узкие, вытянутые в своих отдельных начертаниях буквы; на эти длинные стержни нанизываются, к ним подвешиваются другие буквы, преимущественно те, которые не дают прямых штрихов. В результате строка представляет что-то вроде кружива с петлями по обе стороны основной полоски.

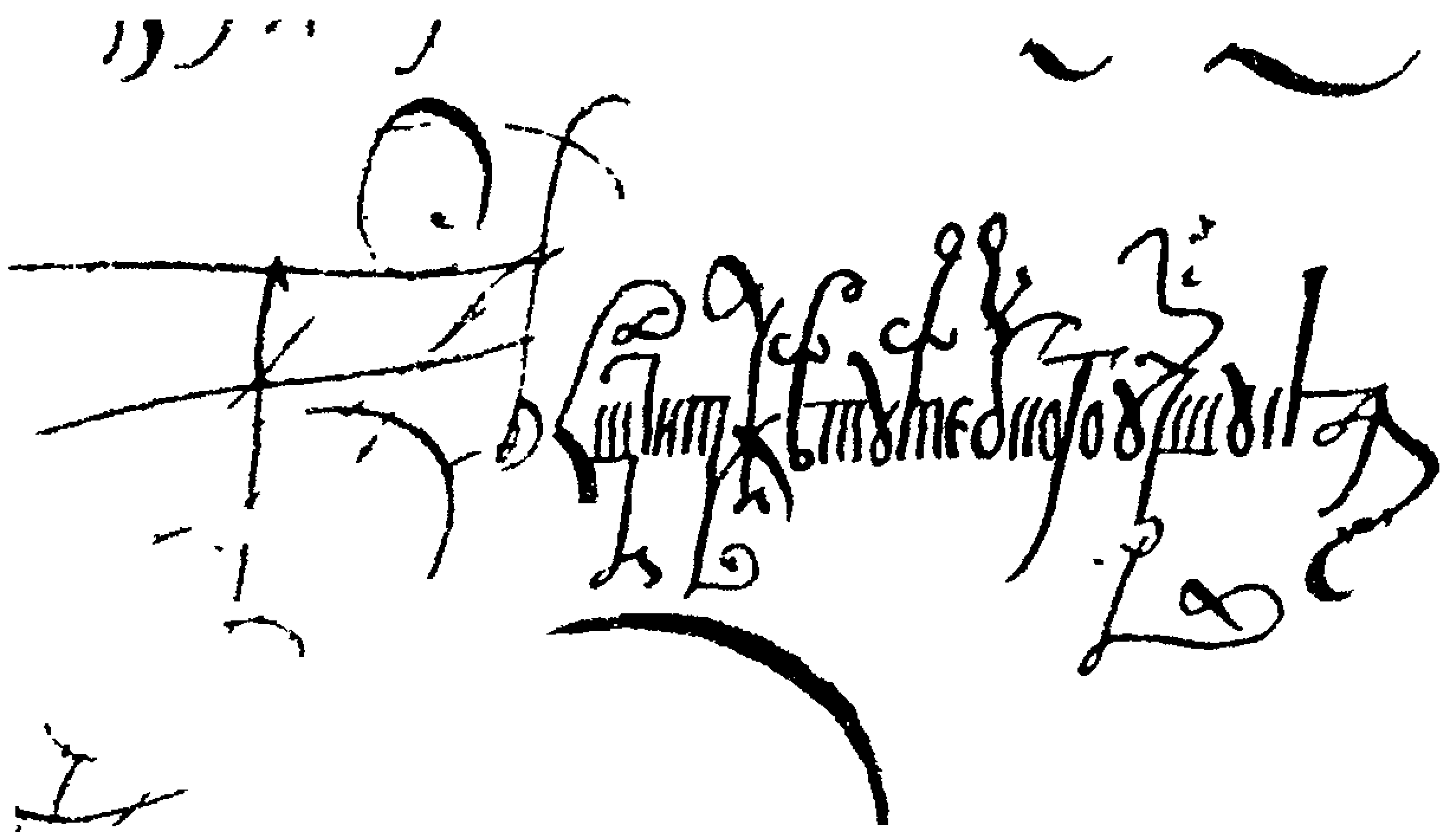


Рис. 80.

Другой, иного характера, образец такого «хитрого» письма — в рукописи № CLXV (f°), XVII же века библ. Общ. Древн. Письм., еще более сложный, нежели предыдущие, хотя с точки зрения принципа построения и одинаковый с ним: здесь даже строки заходят одна в другую, заполняя пустоты, остававшиеся внизу одной строки, выступами следующей строки; таким образом получается иллюзия мережки-кружива, еще больше, на первый взгляд, напоминающей какое-то восточное письмо. Текст заключает также «Достойно есть».[2]

Приведенный способ такой скорее каллиграфии, чем тайнописи, следует признать, повидимому, русским по происхождению: он выработался,

---

[1] Снимок с этой строки по рисунку от руки из альбома Иванова, не передающий впечатления от этого тонкого письма, помещен в Палеографии Е. Ф. Карского, стр. 241.

[2] Уменьшевиый снимок см. у Х. М. Лопарева, Описание рукоп. О. Л. Д. П., I, стр. 317; еще образцы того же типа см. у Е. Ф. Карского, Палеогр., стр. 455.

кажется, в московских приказах; так думать позволяет тесная его связь с азбуками-прописями, культивировавшимися особенно там, где красота письма официальных документов (напр., в жалованных грамотах) в особенности ценилась, а также некоторое сходство в приемах письма между нашими образцами и сохранившимися грамотами XVII в.;[1] наконец, за русское ее происхождение говорит и то, что эта манера письма в основании своем имеет скоропись — письмо, получившее развитие как раз в России, тогда как на юге славянства в письме дело до выработки скорописи в настоящем смысле слова так и не дошло: югославянская скоропись, как известно, есть только ухудшенный полуустав.

IX.

Оставляя в стороне дипломатическую тайнопись, как область условного письма специфическую, не имевшую распространения среди обыкновенных грамотников и их читателей, следует заметить, что помимо перечисленных систем тайнописи, вероятно, найдутся еще и другие, скорее всего разновидности уже приведенных в известность; могут, разумеется, найтись и совершенно новые системы, хотя на это надежды и не велики: несмотря на любовь к тайнописи в старой русской письменности (в силу ли потребности или ради забавы), большого разнообразия систем и оригинальности мы, однако, не наблюдаем; число основных типов тайнописи довольно ограничено: это — во-первых, применение иных алфавитов к русской азбуке, во-вторых — система искаженных или измененных обычных, реже нарочно придуманных знаков (отправляющихся, однако, в большинстве случаев от обычных), в-третьих — цифирная система, в-четвертых, наконец, — системы замены одной буквы другой того же алфавита. Все остальные, известные нам системы могут быть сведены или к вариантам, или к комбинациям этих четырех основных. Лишь изредка встречаемся мы с оригинальным, несомненно, индивидуальным приемом тайнописи, вроде того, который недавно обнаружен был в рукоп. 1640 г. Общ. Древн. Письм. № 771.[2] При всем том, из приведенных в известность криптограмм есть некоторые, которые

---

[1] Ср. напр., у А. И. Соболевского, Палеография, табл. 15 и 19.

[2] В этой рукописи («Просветитель» Иосифа Волоцкого) на л. 407 читаем: «Написа же табличку сію к читателем и оглавленіе на книгу сию двоематерни бодрости тезоимснито вар в лѣто 7148.», т. е. Димитрий Григорьевич: составитель записи, знакомый несколько с греческим языком, имя свое сопоставил с δημήτωρ, отчество с γρηγόρησις, переведя их на русский, и привлек из остававшегося не переведенным в старших греческих и славянских текстах евангелия (Матф. XVI, 17) сирское «вар» (Σίμων Βὰρ Ἰωνᾶ = Симоне, вариѡна, в Мариинск. ев.), что значит «сын». См. Сборн. ОРЯС, т. CI, № 3 (1928), стр. 277.

до сих пор остаются пока не раскрытыми, не прочтенными. Причины этого в большинстве случаев заключаются или в их индивидуальном характере (когда придумывается вновь система ad hoc), или — чаще — в искажении старшей записи, копируемой позднее, или же прямо в ошибках писца, по неопытности или рассеянности не выдерживающего принятой им системы, либо систем, совмещаемых иногда в одной записи.

Таких неразгаданных записей из числа известных можно привести несколько.

1. Так, запись об авторе Жития Дионисия Глушицкого дает образец, вероятно, порчи, лишающей возможности вполне прочесть запись; она читается: (после сообщения о времени написания Жития — 7003 года)

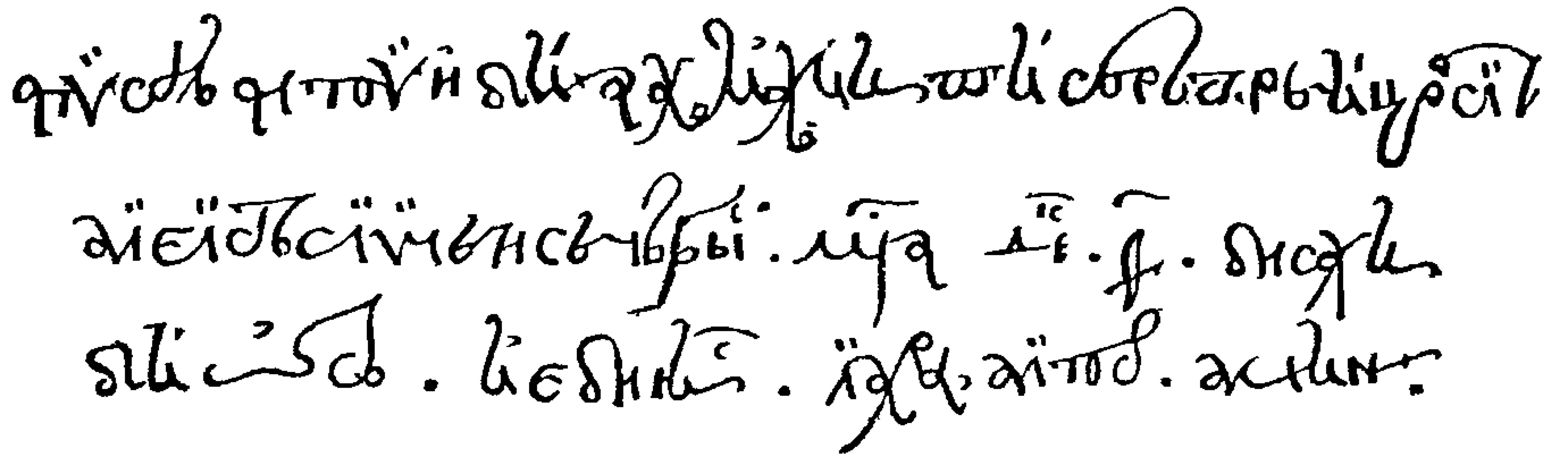


Рис. 81.

«а писалъ фадаѳагзонъ закивиміархъ пимаково вапкѣшныи дакнокъ».[1] Здесь часть слов записи писана, видимо, по цифирной системе; так, «закивиміархъ» разлагается: з + а (7+1) = и (8), к + и + в (20+8+2) = л (30), и = и (8), м + і (40 + 10) = н (50), архъ, т. е. «Ил(=р)инарх», который, действительно, и известен, как автор Жития Дионисия.[2] На основании той же системы читаются: в + а = г, п + к = р, ѣшныи — «грѣшныи» и д + а + г = и, нокъ — «инокъ». Остальные слова, писанные по какой-то иной системе, может быть и уже искаженные, чтению не поддаются.

2. В рукоп. б. Патр. библ. № 708 (по Горск. и Невостр. № 407) — Псалтирь XV в. — на л. 122 об. находим тайнопись, по внешнему виду подражающую греческой скорописи, писанную, может быть, частью даже по-гречески (рис. 81):

---

[1] По рукоп. XVI в. б. Троицк. лавры № 603, приведена у Барсукова, Источники русской агиографии (СПб. 1882), стб. 166; правильнее «дагнокъ», вм. «дакнокъ», читается в рукоп. XVII в. № 30 б. Истор.-Филолог. Инст. в Нежине, л. 262 об.

[2] См. П. М. Строев, Описание библ. Общ. Ист. и Др. Рос., стр. 144; В. О. Ключевский, Жития святых, как исторический источник, стр. 193 и сл.

Разобрать здесь удалось: «а пӱсалъ антоӱй δήα.... πής.... пр.... αϊ εϊ... бы̀. мц҃а дѣ҃ .ѳ҄. δис.... δήώсъ.... αϊτος αμηн». Здесь применена, повидимому, и система вязи (ср. выше, стр. 146), и греческие буквы писались вперемежку с русскими.[1]

3. Совершенно не поддается раскрытию на основании известных систем тайнопись, встретившаяся на листе при переплете у задней доски его рукоп. б. Уварова № 285 (в 8°) XVII в. (рис. 82):

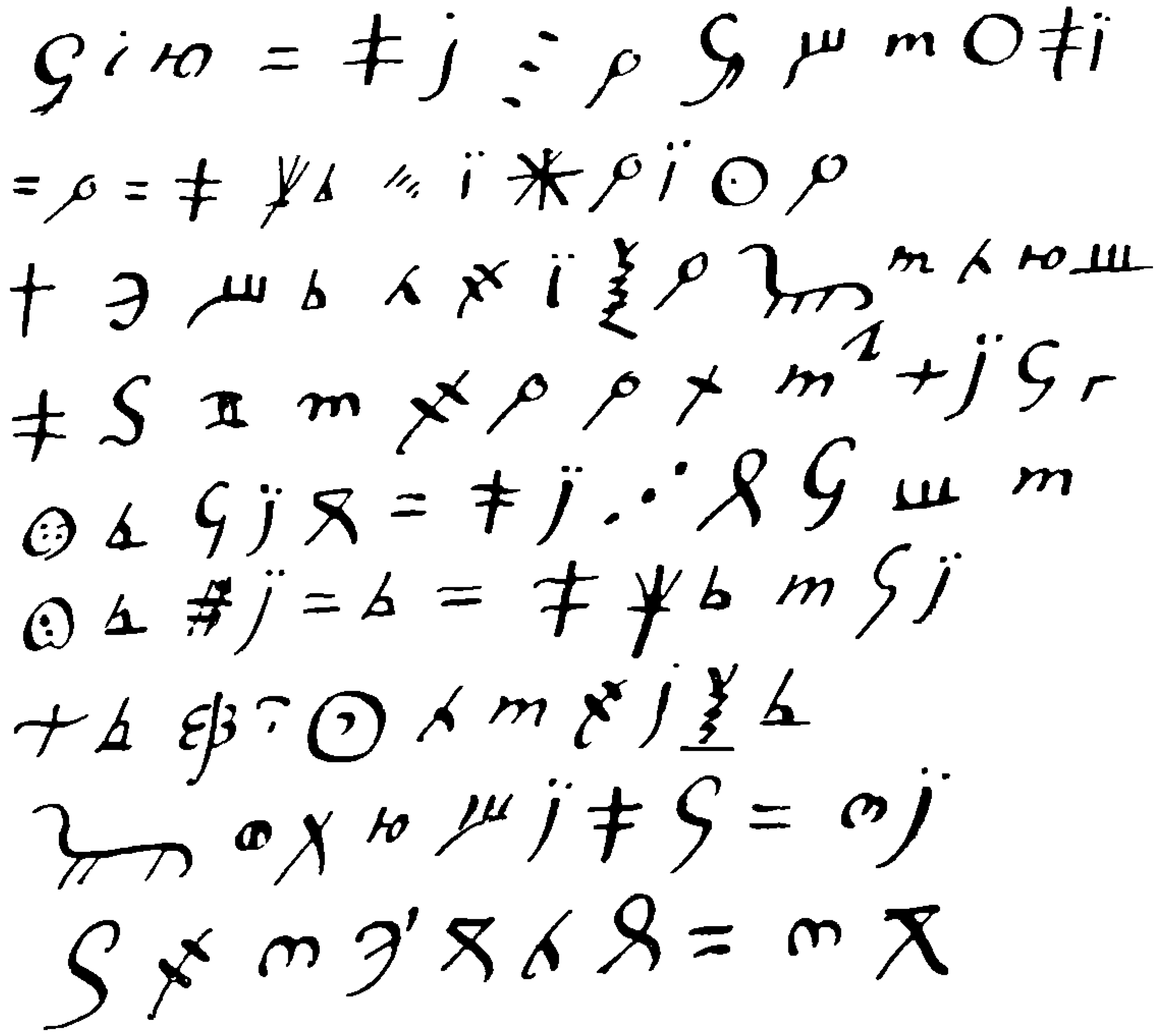


Рис. 82.

При взгляде на эту тайнопись можно сказать одно: она принадлежит к третьей из намеченных нами систем — условных алфавитов, но уже не в чистом ее виде; рядом с условными буквами-значками в ней встречаются и обычные буквы (ерь, кси, пси, ї, ю). Сравнивая эти значки-буквы с другими, нам уже известными, мы найдем некоторое общее сходство лишь с немногими из них (ср. выше, стр. 12), несколько большее сходство (четыре — пять знаков) заметим с сербской записью 1551 г.;[2] это едва ли не простая случайность.

---

[1] См. Описание рукописей Моск. Синод. библ., III, 1, стр. 423 (здесь и снимок).
[2] Ср. Др. Костић, Тајно писање, стр. 18; ср. также у нас выше, стр. 12.

4. Еще иную условную и до сих пор не поддающуюся чтению представляет запись (см. рис. 83) на л. 751 об. в «Псалтырке старца Ипатия Григорева» в рукоп. б. Епарх. собр. (Моск. Ист. Муз.) № 169, XVI в., 8°: общий характер этой азбуки — «греческий» (см. буквы, похожие на греч. π, δ, α, но, повидимому, с иным значением), несколько начертаний — «измененные» обычные (и также с иным значением), несколько придуманных начертаний.

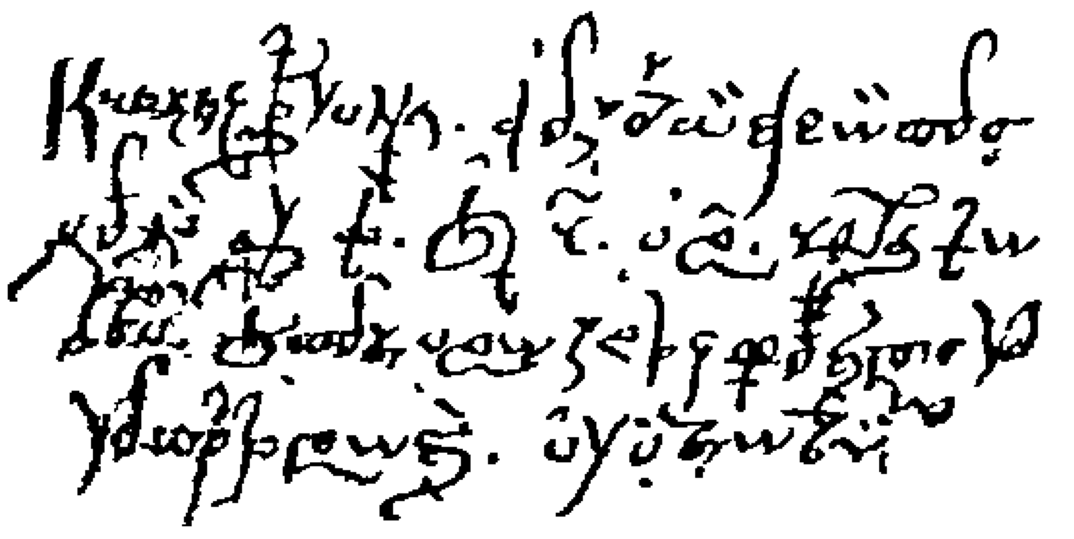


Рис. 83.

5. Нечто совершенно своеобразное представляют по начертаниям три записи (12 строк) на внутренних досках переплета рукоп. б. Хлуд. собр. № 51 (XVII в., 4°): нет ни одной буквы, напоминающей обычную или из других условных алфавитов; все они составлены из прямых черточек и скобок, образующих треугольники, крестики разнообразной формы и состава; в основе других лежит маленький кружечек или различные видоизменения начертания, похожего на ω.

6. Поздний образец индивидуальной, а потому не поддающейся прочтению, тайнописи находим в «Мышкинском» сборнике б. собр. П. Н. Тиханова № 292 (теперь — Ленингр. Публ. библ.) 1779 года: здесь есть несколько записей составителя сборника, писанных, повидимому, придуманной им самим системой (см. рис. 84 и 85): если большинство букв напоминает латинские, то для некоторых взяты, кажется, знаки, напоминающие астрономические, встречающиеся в календарях и т. п. изданиях.[5]

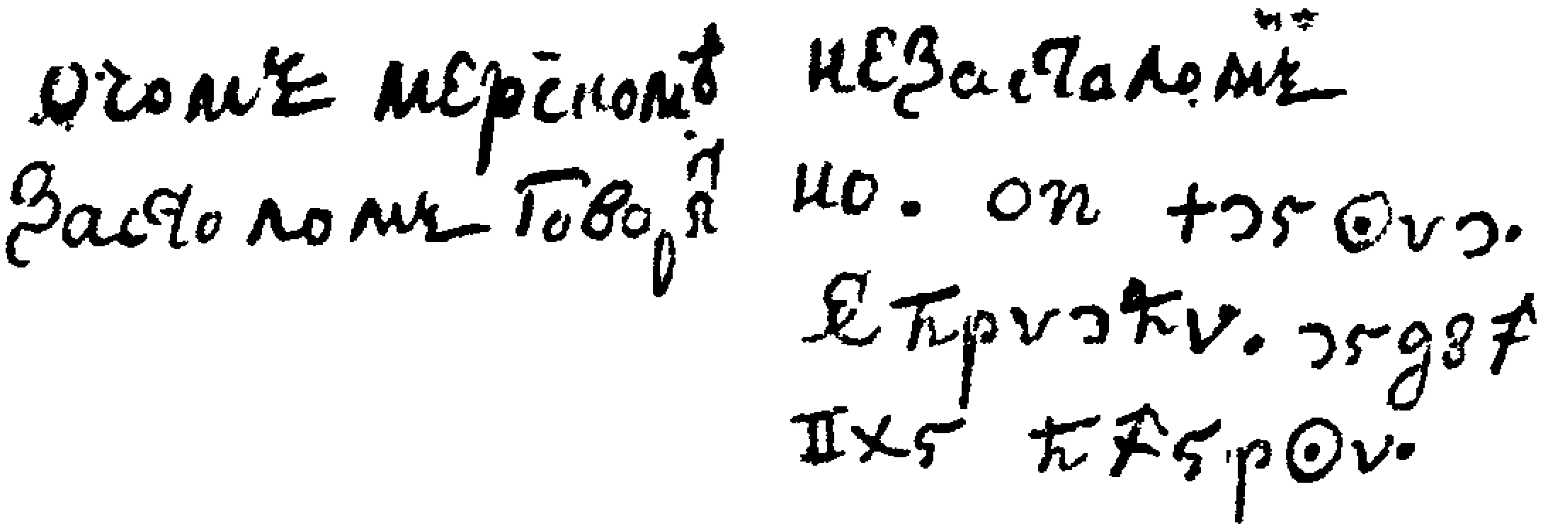


Рис. 84.

Встречаются в старой письменности и такие случаи тайнописи, которые не поддаются чтению, вследствие ли порчи текста, или неизвестности

[5] См. «Мышкинский сборник (1779) из собрания П. Тиханова», оттиск из Ярославских Губ. Ведомостей 1888 г., стр. 5 и 12; снимок здесь данный ,крайне неточен.

самой системы их построения, несмотря на то, что их сопровождают побочные объяснения (как, известно, иногда помогающие вскрыть тайнопись, см. выше стр. 135), в свою очередь представляющие загадку: только разрешивши такую загадку, можно было бы судить о самой тайнописи и ее системе.[1] Приведу два таких примера, оба из рукоп. XVII в. (4°) Гос. Ист. Муз. № 1428, л. 154 и об. В статье вопросоответного характера (вроде «Беседы трех святителей») читаем: «*Вопросъ.* Нѣкій человѣкъ на древе висит волуями жилами привязан, тростию прободаемъ, духом наполняемъ, усты держимъ, зрит на варван, плачет умильно, гласит сладце, лики составляет, пѣти повелеваетъ, десять раб имяше, от всехъ ударяем, нагъ не стыдится, век его короток, а мука долга, скоро умирает и паки возрастаетъ грѣшныхъ велия радость и веселие, а праведным веліи плачъ. Толкование. олм҃л, кі, а, га, а, впсе, вв, а, рр, іі, нк, кк, нн, мл, оо».

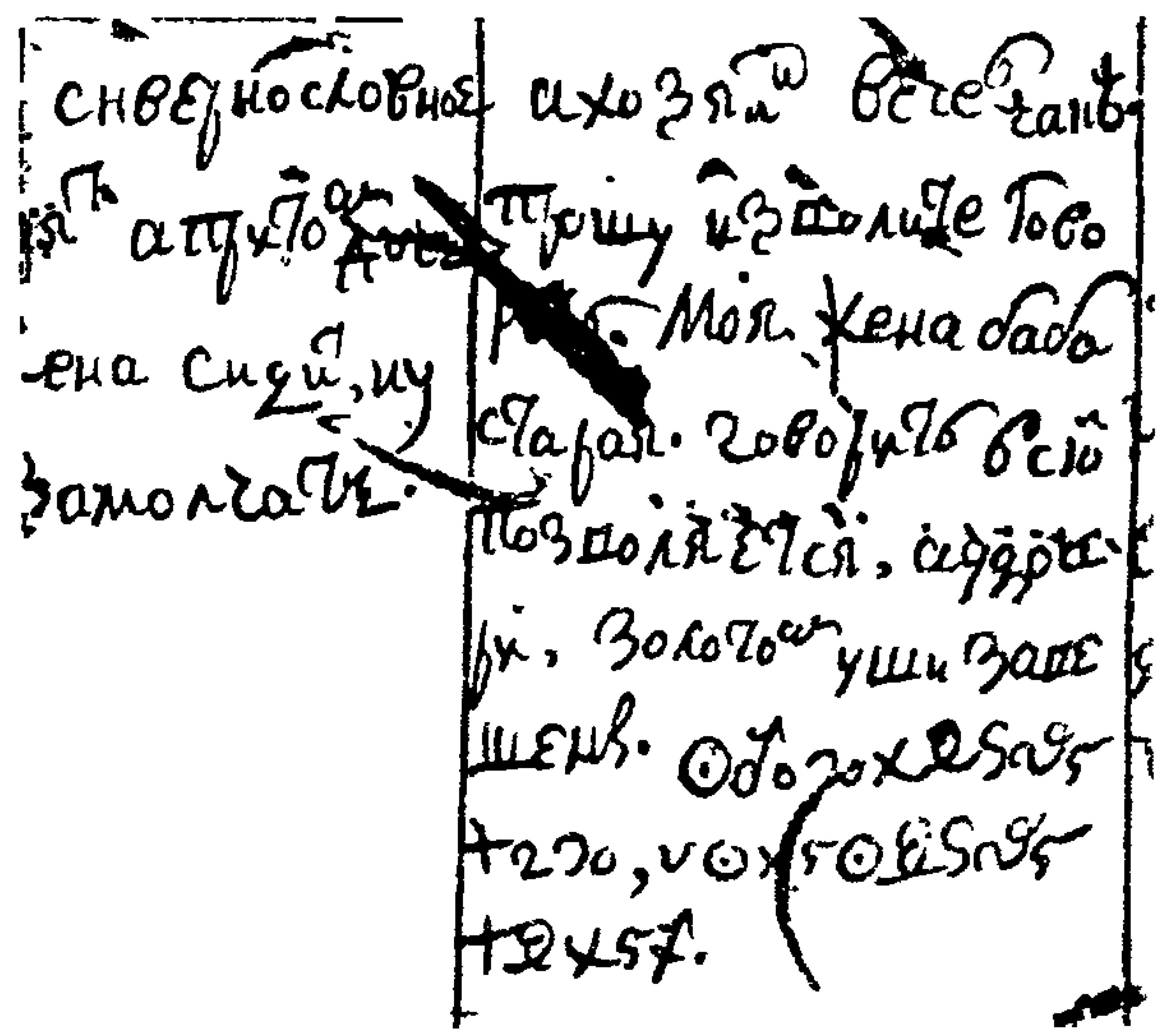


Рис. 85.

Вторая половина критпограммы, составленная по «цифирной» системе, читается: скоморошіи (оо = 18, разлагается на *і* и *и*); первая же по этой системе не дает смысла: вероятно, под нею скрыто, судя по тексту загадки, название какого-то духового музыкального инструмента, употреблявшегося скоморохами.

«*Вопросъ.* Не в коем граде множество вои в вострыми огнеными оружіи, резвы зело, коней не имут, а коннихъ постизают и уходят. И пріиде царь на градъ той с нѣкимъ ухищрением без воинства и без всякого оружия; граждане же ухищрения его вси убояшася и вси разбегошася со острыми оружии, царь же град повоевав и имѣние ихъ разграби. Т(олкование). Гркдпчкл чікичкикпивчскгч. ацр҃чиі чл҃кч. здчкмиимчпріпидк | имчии. ипсемчппдчвз. свчи ѡ игдкта». Можно только догадываться, что первое

[1] Ср. Споменик Српске Кр. Ак. XV· или у нас выше, стр. 27.

слово следует читать: «град» а два слова с титлами: «царъ» и «человѣкъ»; многочисленные *ч* может быть, обозначают *ъ*?

X.

Остается еще упомянуть о нескольких видах тайнописи, изданных в «Образцах древней письменности» (альбом в 4 долю листа, без места и года издания):[1] здесь на табл. XXVIII под №№ 1—3, на табл. XXIX под № 5 и табл. XXX № 6 даны различные образцы тайнописи с ключами

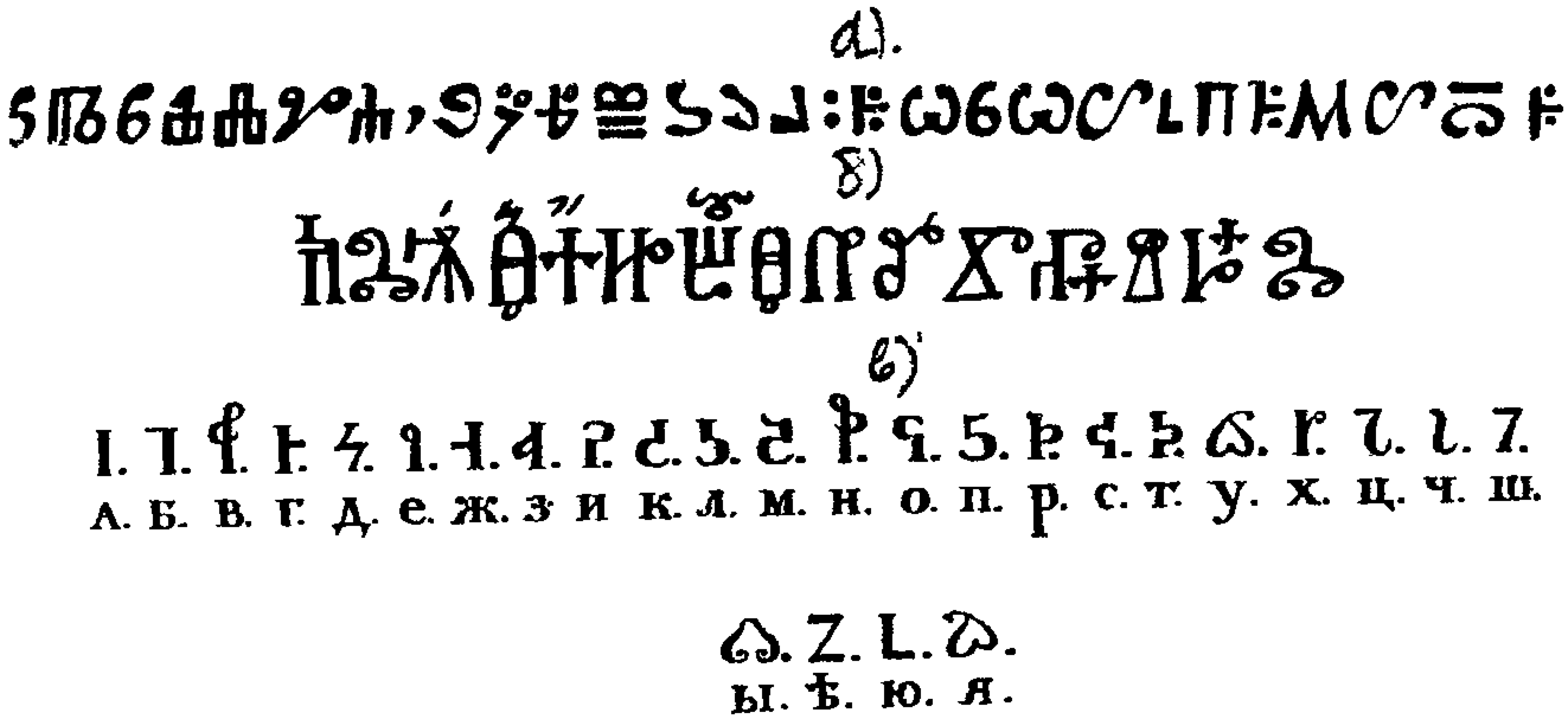


Рис. 86.

к №№ 3, 5 и 6.[2] За исключением №№ 3 и 5, представляющих знакомые нам типы «значковой» счетной тайнописи и «простой» литореи, эти системы в рукописях до сих пор не встречались.[3] Тайнопись под № 1 (а—на снимке) представляет, повидимому, систему деформированных начертаний, частью придуманных вновь (ср. у нас гл. II),[4] № 2 (б)—также, но иного рисунка:

---

[1] Издание, повидимому, сделано было И. П. Сахаровым (почему его и называют обыкновенно сахаровским) в 50-х гг. прошедшего столетия, но в свое время выпущено не было; позднее же кем-то к нему припечатана была обложка с приведенным выше заглавием, и оно стало попадаться в продаже.

[2] Далее, табл. XXXI — XXXIII, помещена надпись на Звенигородском колоколе (см. выше, стр. 94—97), а на табл. XXXIV — три образца шифрованного письма с соответствующими ключами.

[3] Указания же на рукописи и иные источники, откуда взяты снимки, в альбоме вообще отсутствуют.

[4] Она заимствована составителем альбома из подписи под лубочной картинкой XVII в. (летучим листком; см. Д. А. Ровинский, Русские народные картинки, IV, стр. 731 и л. № 1346, причем автор считает подпись ошибочно глаголической). Аналогичная, но в общем иная и по начертаниям тайнопись, до сих пор не прочтенная, нашлась в рукоп. Гос. Ист. Муз., № 3491, л. 626 (Пандекты Никона, XVI в., f⁰); ср. атлас Д. А. Ровинского, III, кн. 7.

в первом некоторые (немногие) начертания могут быть возводимы к глаголице (каковы: четвертое, пятое, шестое, седьмое) притом угловатой или печатной; во втором — большинство начертаний, создано, кажется, также в подражание глаголице (может быть даже круглой) с добавкой искаженных кирилловских букв; № 6 (в) представляет также систему придуманных знаков, составлявшихся, главным образом, из вертикальной черты и скобы в их разных сочетаниях, причем для обозначения двух, иногда соседних в азбуке, букв употреблено одно и тоже сочетание, только обращенное в разные стороны.

Все приведенные в «Образцах» тайнописи сильно стилизованы, данные для них примеры, кажется, придуманы составителем альбома. В виду такого положения дела и общего характера №№ 2 и 6, до сих пор из других источников неизвестных типов, а также в виду возможности связать происхождение всего альбома с именем Н. П. Сахарова, является предположение: не имеем ли мы здесь дело с обычным у этого усердного и странного с современной точки зрения любителя старины первой половины XIX в. увлечением? Если это так, то типы эти прямого отношения к старинной тайнописи, конечно, иметь не будут. Но на всякий случай прилагаю их снимки (в несколько уменьшенном размере; рис. 86).

ДОПОЛНЕНИЯ.

К стр. 82. В качестве образца первого вида тайнописи «измененных знаков», но отличного от предыдущих отсутствием какого-либо определенного принципа для изменений, следует привести запись на л. 331 об. в Минее четьей б. Новоспасск. собр. (Истор. Музея) № 13, 1553 г. (рис. 87):

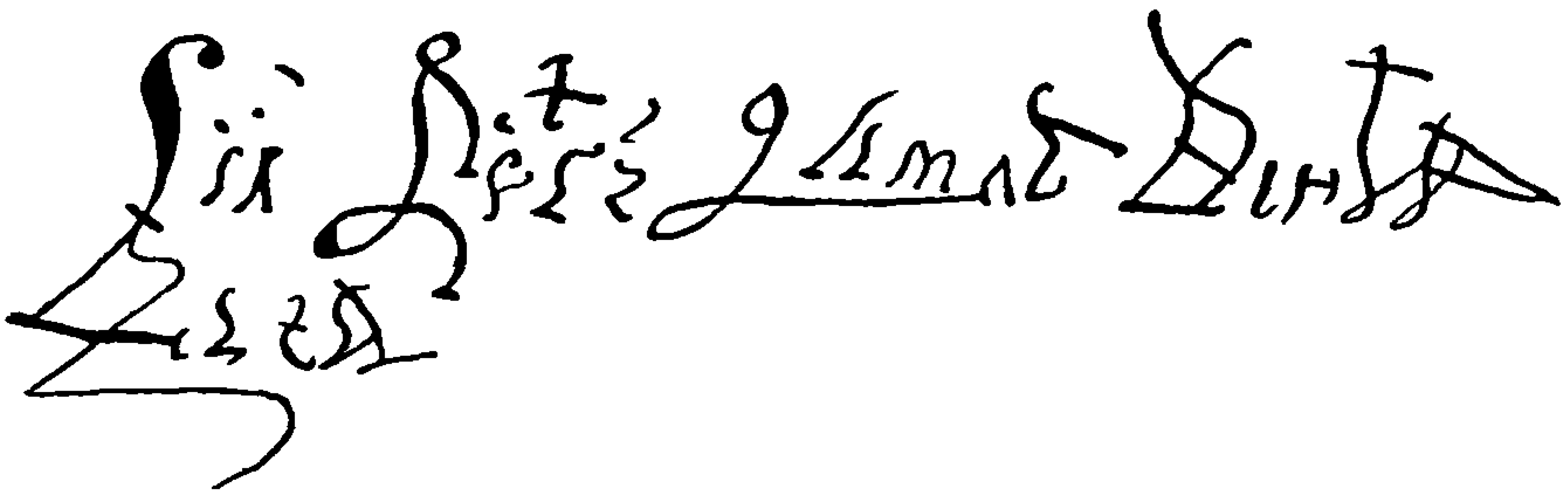


Рис. 87.

Но и здесь, кажется, можно подметить стремление недописывать начертания, на манер «полусловицы». Читается запись так: «Сіа̀ кн҃га глемаꙗ минѣѧ че(т)іа».

К стр. 142. Мода на «лабиринт» может быть отмечена и для юго-западной Руси, как можно судить по «лабиринту» в честь И. С. Мазепы в «Зерцале отъ писанія божественного» (Чернигов, л. 13, 1705 г.), недавно воспроизведенному в Збірнике праць Бібл. Ком., I (Киев, 1928), стр. 81.

УКАЗАТЕЛЬ РУКОПИСЕЙ, УПОМЯНУТЫХ В КНИГЕ.[1]

В виду значительных перемен, происшедших за последние десятилетия, как в местах хранения рукописей и их собраний, так и в наименованиях учреждений, где хранятся эти рукописи, в интересах наведения нужных справок приводится небольшой список этих перемен по отношению к рукописям, упоминаемым в настоящей книге.

Прежде:	Теперь:
Синодальная (Патриаршая) Библиотека в Москве.	Гос. Исторический Музей в Москве.
Румянцовский и Публичный Музей в Москве.	Гос. Всесоюзная Библиотека им. Ленина в Москве.
Гл. Архив Мин. Ин. Дел в Москве.	Центрархив. Московское Древлехранилище.
Библиотека Моск. Синодальной Типографии.	Центрархив. Архив бытовых памятников.
Собрание рукоп. А. С. Уварова (и Царского).	Гос. Исторический Музей в Москве.
Собр. рукоп. А. И. Хлудова.	Там же.
Собр. рукоп. Е. В. Барсова.	Там же.
Собр. рукоп. Новоспасск. мон.	Там же.
Собр. рукоп. Арханг. собора.	Там же.
Собр. рукоп. Успенск. собора.	Там же.
Собр. рукоп. Чудова мон.	Там же.
Собр. рукоп. Епархиальн. библ.	Там же.
Собр. рукоп. Н. С. Тихонравова.	Гос. Всесоюзная Библиотека им. Ленина.
Собр. рукоп. Троице-Серг. лавры, Моск. Духовная академия.	Музей б. Сергиев. лавры. Сергиев посад.
Спб. Публичная Библиотека.	Гос. Публичная Библиотека в Ленинграде.
Собр. рукоп. СПб. Духовной академии (рукоп. Софийск. и Кирилло-Белоз.).	Там же.
Собр. рукоп. Каз. Духовной академии (рукоп. Соловецк. мон.).	Там же.
Рукоп. Народного Музея в Софии.	Народная Библиотека в Софии.
Рукоп. монастырей Срема.	Карловцы. Патриархия.

[1] Цифра в скобках — страница книги.

Белград. 1) Сербская Академия Наук: *13—42* (25); *46—109* (23,41); *55* (4, 65); *144* (25); *291* (33, 36, 37).
2) Народн. Библ.: *21* (48, 49); *46* (22); *171—430* (43); *314—444* (21, 55); *488* (53); *491* (30, 31); *590* (36); *707* (52).
3) Митр. Михаила [в Народн. библ.] (27).
Берлин. Королевск. Библ.: *45* (2); *22—49* (53).
Букурешт. 1) Румынская Академия Наук: *14* (32); *43* (50).
2) Румынский Национальный Музей: *284* (24); *354* (37); *356* (21, 24, 47, 51); *1196* (38, 54).
Вена. Государств. Библ. (б. придворн.): *117* (43); *127—10* (54).
Вильна. Публ. Библ.: *34—1* (71); *101—191* (138).
Вологда. Рукоп. Спасо-Евфим. мон. (68).
Загреб. Юго-Слав. Академия Наук: *III. c. 9* (10).
Казань. Универс. Библ.: *89* (123).
Ленинград. 1) Академия Наук: собр. Яцимирск. *16* (6, 11, 45, 51); Финляндск. отрывки (60, 61); новые приобр. 1903 г. (118); собр. И. И. Срезневского: *24. 4. 28* (106, 145).
2) Общ. древн. письменности: *XCL* (76); *CLXV* (150); *771* (151); кн. Вяземского: *LVIII* (98).
3) Гос. Публ. Библ.: *F. I. 3* (78); *F. I. 11* (49); *F. I. 43* (69, 100, 110); *F. I. 205* (100); *O. XV. I.* (120); *O. XVI. 2* (90); *Q. I. 21* (81, 145); *Q. I. 1160* (111); собр. Ф. Толстова: *I, 230* (121); *I, 235* (146); собр. А. Ф. Гильфердинга: *45* (10, 16); *49* (9, 29, 32); Соловецк. мон.: *18* (101); *16* (105); *227* (138); Кириллова мон.: *101—1178* (82); *21—1098* (114, 117); собр. М. П. Погодина: *1561* (136); *1579* (136); *1563* (121); *1590* (140); *1594* (110); *1596* (99); собр. П. Н. Тиханова: *292* (154); собр. П. Д. Богданова: *119* (104).
Любляна. Лицей: *8—15* (53).
Монастыри: Гргетег (19, 44); Доволье (53); Житомислич: *136* (20, 51); Зограф: *178* (3, 35); *105* (5); *94* (18), *24* (25); *101* (52); Крушедол: *8* (6, 25, 50, 65); *81* (33, 37); Плевље: *15* (25); Раковац (21, 23); Руссик (54); Рыльский *4—5* (49); Футог (11); Хиландарь: *7* (2, 10); *307* (22, 53); Хопово (9, 26).
Москва. 1) Гос. Историч. Музей: собр. Музейск.: *397* (101, 110); *663* (125); *920* (109); *1279* (102); *1428* (155); *1484* (101); *1821* (134); *2173* (103); *2251* (86); *2291* (69, 71); *3006* (87); *3801* (89); *3491* (156); рукоп. Арханг. соб.: *11* (100); собр. Е. В. Барсова: *1531* (104); *1704* (125); *31 Д* (139); рукоп. Воскрес. мон.: 27 (32); собр. И. Е. Забелина: *19* (139); *35* (119); *52* (68); *101* (123); *227* (102); *322* (133, 142); *340* (93); *467* (111); *537* (98); *540* (110); *541* (115); *566* (111); *711* (102, 133); *742* (143); рукоп. Ново-Спасск. мон.: *XI* (82, 86, 99); *XIII* (157); Патриарш. (Синод.) библ.: *70* (108); *93* втор. сч. (92); *148* греч. (120); *173* (109); *239* (143); *203—367* (68); *108* (147); *443* (105, 114); *456* (118); *478* (60); *714* (126, 128); *722* (54, 108, 133); *725* (118); *708* (152); *770* (78); *865* (115); *930* (120); *933* (106); *951—316* (63, 82, 85); *954* (146); *993* (89, 103); собр. Уварова: *5* (103); *48* (78); *81* (73); *105* (127); *109* (140); *184* (137); *257* (137); *258* (137); *285* (153); *286* (114); *355* (122); *369* (120); *530* (103); *524* (122); *697* (121); *972* (139); рукоп. Моск. Успенск. соб.: *18* (78, 100); собр. А. И. Хлудова: *176 Д* (135); *51* (154); рукоп. Чудова мон.: *11* (146);

13—183 (59); *34—236* (104, 114); собр. П. И. Щукина: *350* (6, 11, 19, 21, 32, 45, 65); *844* (116).
2) Общ. Ист. и Древн. Росс.: *391* (138);
3) Публ. Библ. им. Ленина (б. Рум. Муз.): собр. Н. П. Румянцова: *2* (105); *53* (118); *87* (110); *93* (117); *95* (120); *96* (101); *198* (100); *326* (110); *357* (72); *369* (98, 115, 126); *401* (50); *423* (126); *460* (71, 88, 91, 92); *494* (66, 82); *597* (73, 78); собр. Музейск.: *2400* (110); собр. Н. С. Тихонравова: *326* (97, 101, 126); *339* (105); *380* (105, 129); собр. В. М. Ундольского: *1* (75); *53* (68, 105, 144); *950* (105, 114).
4) Центрархив: Арх. Мин. Ин. Д.: *159* (144); *251—456* (149); *619* (78); *626* (66, 68, 82); Московск. древлехранилище: *8* (78); рукоп. Арх. быт. пам. (б. Библ. Синод. типогр.): *199* (125), *285—142* (60, 61); *346* (122); *1028* (82, 84, 89, 91, 105, 127, 138); *1031* (105).
5) Рукоп. б. проф. Баузе (98).
Нежин. Институт: *30* (152); *51* (71); *118* (71); *163* (71); *180* (139); рукоп. И. Величковского (131, 133, 141).
Пловдив. Нар. Библ.: *45—86* (37); *56—88* (23).
Прага. Чешск. Музей: *29* (35).
Радница Велика (село в Среме) (15).
Рим. Ватиканск. библ.: *VIII* (82).
Сараево. Церковн. Музей: *7* (2, 27, 31, 34); *16* (21, 23); *21* (27, 51).
Сергиев посад: собр. Моск. Дух. акад.: *75* (111); *113* (104); *233* (116); рукоп. лавры: *22* (68, 147); *191* (100); *603* (152); *780* (80); *793* (67).
София. 1) Библ. св. Синода: *15* (*43*); *34—139* (9); *37—32* (55); *86* (37, 38); *92—7* (9); *96—16* (32).
2) Народн. Библ.: *10—249* (36, 37); *80* (29); *90* (35); *136* (50); *157* (21); *249—10* (37); *291* (37); *308* (35, 36); *344* (33); *459—128* (53); *432* (33, 43); *543* (53); *601—282* (37); *613—19* (22, 54); *680—303* (36).
Тверь. Музей: *3227* (98); *3136* (111); *3134* (122); *3237* (136); *5014* (135); *5015* (135).

ОГЛАВЛЕНИЕ

I

ТАЙНОПИСЬ В ЮГО-СЛАВЯНСКИХ ПАМЯТНИКАХ ПИСЬМА

стр.

Тайнопись, ее применение и ее виды . . . . 1 — 4
I. Замены кирилловского алфавита иным: а) глаголицей (4), б) греческим (9), в) латинским (10), г) турецким (11) . . 4 — 11
II Система измененных начертаний, деформация обычных, «турецкое письмо» (17). . . . . 11 — 18
III. Система замен: «простая» литорея (18), литорея «мудрая» (20) . . . . 18 — 20
IV. Цифирная тайнопись: способ «значковый» (20), разложения суммы (21), описательная система (23), «точечная» (26), «греческая» (28). . . . . 20 — 39
V. Акростих . . . . 39 — 42
VI. Обратное письмо (42), фигурное (44) . . . . 42 — 47
VII. «Лигатурное» письмо (монокондил) . . . . 47 — 50
VIII. Комбинированные системы тайнописи . . . . 50 — 52
IX. Не прочтенные тайнописи . . . . 52 — 55

II

ТАЙНОПИСЬ В РУССКИХ ПИСЬМЕННЫХ ПАМЯТНИКАХ

Системы русской тайнописи . . . . 56 — 58
I. Замена кирилловского алфавита иным: глаголицею (58), греческим (67), латинским (70), пермским (72). . . . . . 58 — 78
II. Система измененных и деформированных начертаний (78), полусловица (82) . . . . 78 — 87
III. Условные алфавиты . . . . 87 — 97
IV. Система замен: «простая» литорея (97), осложненная литорея (103), тайнопись в «квадратах» (104). . . . . 97—107
V. Цифирная (счетная) тайнопись: простая (107), сложная (111), описательная (113), арабские цифры (124), «значковая» (126) . . . . 107—129
VI. Акростих . . . . 129—137
VII. Необычный порядок букв: обратное письмо (138), условный порядок букв (139), фигурное письмо (141) . . . . . 137—143
VIII. Связное письмо (монокондил), искусственная вязь . . . . . 143—151
IX. Не прочтенные тайнописи . . . . 151—156
X. Неизвестные системы тайнописей . . . . 156—157
Дополнения 158
Указатель рукописей . . . . 159—161

ЭНЦИКЛОПЕДИЯ СЛАВЯНСКОЙ ФИЛОЛОГИИ

Издание выходит выпусками различного объема в неопределенные сроки. Каждый выпуск продается отдельно.

ДО СИХ ПОР ИЗДАНЫ СЛЕДУЮЩИЕ ВЫПУСКИ:

Вып. 1. И. В. Ягич. История славянской филологии. СПб. 1910. 8⁰. VII + 961.

Вып. 2. Л. Нидерле. Обозрение современного славянства (с картою). СПб. 1909. 8⁰. 161.

Вып. 3. Графика у славян: I. И. В. Ягич. Вопрос о рунах у славян. II. В. Гардтгаузен. Греческое письмо IX—X столетий (с 4 таблицами). III. И. В. Ягич. Глаголическое письмо (с 36 таблицами). СПб. 1912. 8⁰. V + 262.

Вып. 4.1. П. А. Лавров. Палеографическое обозрение кирилловского письма. Петроград. 1915. 8⁰. IV + 342.

Вып. 4.2. Е. Калужняцкий. Кирилловское письмо у румын. Петроград. 1915. 8⁰. I + 22. Выпуски 4.1 и 4.2 вышли в одной книге.

Приложение к вып. 4.1 — 4.2: Альбом снимков с югославянских рукописей болгарского и сербского письма П. А. Лаврова и Альбом снимков с кирилловских рукописей румынского происхождения Е. Калужняцкого и А. Соболевского. Петроград. 1916. 8⁰. 130 таблиц.

Вып. 4.3. М. Н. Сперанский. Тайнопись в югославянских и русских памятниках письма. Ленинград. 1929. 8⁰.

Вып. 5.2. О. Брок. Очерк физиологии славянской речи. СПб. 1910. 8⁰. III + 262.

Вып. 10. С. М. Кульбакин. Грамматика церковнославянского языка по древнейшим памятникам. Петроград. 1915. 8⁰. IV + 97.

Вып. 11.1. А. А. Шахматов. Очерк древнейшего периода истории русского языка. Петроград. 1915. 8⁰. XXVIII + L + 369.

Вып. 12. Е. Ф. Будде. Очерк истории современного литературного языка (XVII — XIX век). СПб. 1908. 8⁰. XIV + 182.

Цена 4 руб.